

Историко-литературный альманах



ЖАНЕВЧАНЕ

ВЕСНА 2009 год



**Свято-Троицкий храм ст. Каневская  
освящен в 1828 г., в 1938 г. был разрушен**



## **Дорогие каневчане!**

В Каневском районе сложилась крепкая традиция бережного отношения к прошлому. Здесь живут люди, душой болеющие за дело сохранения и передачи будущим поколениям бесценных сведений об истории станиц и хуторов, о судьбах людей, которые помогают воссоздавать портрет эпохи.

Издание журнала «Каневчане» – это дело большой важности, не поддержать которое я не могу. Его можно назвать связующей нитью поколений. Составлением журнала занимаются настоящие энтузиасты, для которых важен только результат – чтобы журнал увидел свет и дошел до читателя.

Знакомясь с содержанием этого номера, я отметил для себя большой

творческий потенциал живущих здесь людей. Такие произведения не должны залёживаться в столе. Пусть добрые, теплые чувства, которые они вызывают, расходятся, как круги на воде, вызывая ответное чувство.

Хочу отметить, что журнал «Каневчане» объединяет творческих людей разного возраста, разных профессий, живущих в разных населенных пунктах района. Надеюсь, он сможет объединить и тех, кто желает ему долгой жизни, поэтому считаю, что свой вклад в сохранение для будущих поколений материалов об истории родного района могут внести все, кто по-настоящему любит свою малую родину.

Один философ сказал: «Тот, кто не помнит своего прошлого, осуждён на то, чтобы пережить его вновь». Не просто удовлетворять свое любопытство, а возможность анализировать и извлекать уроки – вот что даёт знание прошлого.

Желаю журналу долгой жизни, редакционному коллективу – вдохновения и творческих находок, а всем читателям – приятного чтения.

**С уважением, В. В. ЛЫБАНЕВ,  
глава муниципального образования  
Каневской район**

# Каневчане

ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

2009 год



## СОДЕРЖАНИЕ:

Колонка главного редактора .....	5	Джон АКОПОВ
Архив-современная летопись.....	6	На погосте,
Мы помним - посвящение В. Лукьянову,		
Ночь окутала комнату..... 49		
Марина ЯЦЕНКО		
Дарите женщинам цветы,		
Август мелеет, пора звездопада ..... 50		
Лидия ЛЯШКО		
Мечта,		
Облака плывут,		
Бабье лето ..... 51		
Татьяна КУН		
Я люблю тебя, моя станица,		
В вечернем пламени заката..... 52		
Игорь ПОГОРЕЛОВ		
Скифская память,		
Сторона моя родная ..... 53		
Татьяна ГРЕЧАНАЯ		
Опять весна пришла..... 54		
ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ ВОЙНЫ		
Валерий КОСТРОВ		
Оккупация и освобождение Каневского		
района..... 56		
Николас БЕТЕЛЛ		
Голгофа Лиенца ..... 59		
Владимир САЯПИН		
Волчица ..... 67		
КАНЕВСКАЯ В ЛИЦАХ		
Валерий ЛУКЬЯНОВ		
Обычный человек, он – необычный		
врач..... 71		
Валентин ЦВЕТКОВ		
Абсолютная чемпионка России ..... 74		
МИРЫ НЕПОЗНАННЫЕ		
Валерий ХАЧАНОВ		
Миры непознанные ..... 79		

ЛЕТОПИСЬ КАНЕВСКОЙ СТАРИНЫ

Валерий КОСТРОВ	
Облик минувшего.....	8
Александр ДЕЙНЕВИЧ	
Пятиглавое Чудо.....	9

«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА  
ПЭРЭВОДУ...»

Ноха СУЛТХАНОВ	
Одна, но пламенная жизнь .....	16
Зоя СИЗОВА	
Чую, як бандура плаче,	
Ветру .....	24
Виктор АНДРЮЩЕНКО	
К новой жизни.....	25

ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНОЕ  
ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК»

Владимир САЯПИН	
Довоенное кино.....	31
Там, на столике в сквере,	
Я Вам не позовю.....	32
Николай ЛЕМИШ	
Господня кара .....	33
Зоя СИЗОВА	
Журавлёвка .....	38
Степан ДЕРЕВЯНКО	
Территория добра.....	41
Татьяна КУН	
Сестричка Маша .....	43
Виталий КИПИРИН	
Музыкант .....	45
Людмила ВЕШНЕВИЦКАЯ	
В сиреневом платье я выйду навстречу,	
Предчувствие .....	48

# Каневчане 2009

Историко-литературный альманах

Выпуск: весна 2009 года

## УЧРЕДИТЕЛИ

Администрация Каневского района  
Администрация Каневского сельского  
округа.

## ИЗДАТЕЛЬ

Творческий коллектив журнала

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –  
Саяпин Владимир Юрьевич  
Зам. главного редактора –  
Кун Татьяна Гавриловна

## РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сизова Зоя Алексеевна  
Цветков Валентин Александрович  
Лемиш Николай Фёдорович  
Бирюк Валерий Минандрович

## ЗАРИСОВКИ

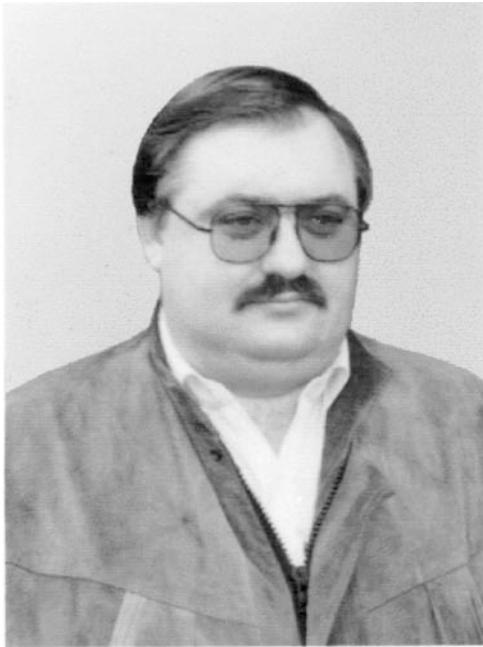
Игорь Погорелов

## МАКЕТ И ОФОРМЛЕНИЕ

Попкова Марианна Владимировна

## КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Обыденков Игорь Вячеславович



Ну, вот и свершилось. Благодаря новому руководству района увидел свет этот номер. Одним из первых начинаний нового руководителя района было распоряжение о финансировании этого номера.

Как же быстро летит время. Долгих десять лет прошло с того момента, когда вышел последний номер нашего журнала. Пятерых из тех, кто начинал его, уже нет. Это были светлые, одухотворенные души, которых Бог поцеловал в лоб, наградив талантом.

Как рубцы от ран остались они в душах наших, трудно заменить их, но жизнь идет дальше. Остались творческие люди, неспокойные сердца, для которых этот журнал – частица их души. Загубить такой проект было бы очень неумно, но никому до недавнего прошлого это не было нужно.

Этим журналом мы хотим напомнить: жива еще душа наша и пока жива она остается – будем беспокоить ваши души, вашу память, дабы не погас в них огонь Божий.

*Vasili V. Sajpin*

Журнал зарегистрирован  
Северо-кавказским региональным  
управлением по печати.  
Свидетельство № Р 1911  
от 23 июня 1995 года.

Подготовлено к печати  
и отпечатано в типографии  
«Виза» – ИП Сальников П.В.  
ст.Каневская, ул.Молодежная, 1.  
Заказ № 178 от 27.03.09 г.  
Тираж 2000 экз.



Валерий КОСТРОВ

# АРХИВ – СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

Многие люди обращаются в архив не только за различными справками, но и для того, чтобы побольше узнать о родной истории. Создание учебного пособия по истории Каневского района – дело будущего, и школьники получают дополнительную информацию по кубановедению в архиве, на экскурсиях в районном историко-краеведческом музее и из материалов, опубликованных местными краеведами.

Важным событием для каневчан был выход словаря-справочника «Каневской район», подготовленного краеведом А. В. Дейневичем. К этому изданию до сих пор обращаются ученики, приходящие в музей и библиотеку за методической помощью. Неплохим подспорьем для учителей являются книги В. А. Цветкова, Н. А. Султанова, В. Г. Моторной, Ф. И. Сидоренко... Серьёзную работу провёл В. А. Макухин, составивший «Очерки истории хутора Большие Челбасы» с подробными родословными земляков. Люди до сих пор вспоминают цикл передач «Летопись» на ТВК, где результатами своих поисков делился Н. Ф. Лемиш. Есть основания надеяться на выход в свет новых исследований и дополнительное переиздание книг, полюбившихся читателям.

Много сведений о наших земляках, сотни лет назад ходивших по той же земле, по которой сейчасходим мы, содержится в «Истории Кубанского казачьего войска», созданной великим кубанским историком Ф. А. Щербиной. Фёдор Андреевич появился на свет в станице Новодеревянковской 160 лет назад, и мы недавно отметили день рождения нашего земляка выходом первого тома его собрания сочинений. Впервые на Родине публикуются воспоминания «Пережитое, передуманное и осуществлённое», написанные им о своём детстве, проведённом в родной станице, о семье и близких людях. В книге можно встретить немало интересных подробностей из казачьей жизни XIX века, запомнившихся автору. Замечательный кубанский писатель Виктор Лихоносов сказал на этом празднике, что народ пришёл сюда чествовать свою историю, вспоминая самое лучшее, крепкое, что было на кубанской земле, и этим укрепить надежду на достойное будущее.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефона, 86 томов которого выходили в конце XIX – начале XX века, была небольшая статья о станице Каневской Ейского отдела Кубанской области, где упоминаются 9052 жителей, церковь, мужская и женская школы, 10 лавок с красным товаром, 9 бакалейных, 1 сапожная и 2 шапочных, а также 3 кожевенных завода, 1 кирпичный, 4 бондарных мастерских, 4 кузницы, 18 ветряных мельниц и 1 водяная. Базары здесь были 2 раза в не-

делю, ярмарки – 3 раза в году. Кстати, о Фёдоре Щербине у Брокгауза и Ефона есть отдельная статья.

В 1997 году вышел в свет «Энциклопедический словарь по истории Кубани», где мы можем найти сведения об истории станицы Каневской и других населённых пунктов Каневского района, но это издание остаётся малодоступным из-за небольшого тиража.

Люди приходят в архив и музей за знаниями о своих корнях, и хранители истории стараются помочь каждому. Архивный отдел администрации Каневского района хранит документы, отражающие нашу историю с 1943 года – более ранние бумаги были уничтожены в период оккупации. Гордость архива – наши районные газеты военных лет. Есть в архиве и сборники рассекреченных документов из краевых архивов о событиях Великой Отечественной войны, и переизданные редкие книги – «Первая перепись казаков – переселенцев на Кубань в конце XVIII века», «Именной список генералам, штаб- и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского войска, убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сражениях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 годы, составленный есаулом Иваном Кияшко» – первая Книга Памяти. А всего в архиве хранится двадцать пять тысяч дел...

Некоторые сведения об истории станиц нашего района можно найти в других архивах Юга России: церковные документы – в государственном архиве Ставропольского края (Каневская входила в ведение Ставропольской епархии), гражданские – в Государственном архиве Краснодарского края.

В Ставропольском архиве краевед А. В. Дейневич нашёл список станичников, захороненных в церковной ограде Духосоштвенского храма, который более ста лет возвышался там, где сейчас раскинулся центральный парк имени 30-летия Победы. Там же, в Ставрополе, хранятся сведения о священниках, преподававших Закон Божий в местных училищах.

В «Материалах для исторической справки Каневской станицы», составленных сотрудниками Государственного архива Краснодарского края, собрана и систематизирована информация о переселенцах разных лет – фамилии и даты, подтверждённые документально.

215 лет исполняется в этом году нашей станице, 85 лет – Каневскому району. Это было время, насыщенное событиями, часто трагическими, и в них наши земляки проявили себя очень достойно. В период Гражданской войны новоминчане приютили родную сестру последнего императора, и на территории нынешнего Каневского района родился родной племянник царя... В годы Великой Отечественной войны каневчане, рискуя своими жизнями, спасли испанского парашютиста-добровольца. Имена двенадцати Героев Советского Союза связаны с историей Каневского района, и мы помним их подвиги!

Уходят в вечность и события, и люди, поэтому так ценные для нас документальные свидетельства о тяжёлом и героическом пути, пройденном за эти годы.

Валерий Костров,  
специалист архивного отдела  
администрации МО Каневской район





Летопись  
Каневской  
старины

Валерий КОСТРОВ

# ОБЛИК МИНУВШЕГО

**И**сторию своей страны знать необходимо. Но не менее важно знать историю станицы, в которой родился, в которой живешь... История – это события, люди, места. И изменения этих составляющих и определяют её ход.

Знаете ли вы, что находилось сто лет назад на месте вашего дома? А в таком привычном для многих каневчан центре станицы, где сейчас расположены парк культуры и отдыха имени 30-летия Победы, Дворец культуры, торговый центр?

Церковная площадь была первой и самой главной в нашей станице. Каневчане приходили сюда сначала в деревянную церковь, простоявшую недолго и сгоревшую во время большого пожара, затем в небольшую каменную часовню. В 1828 году состоялось освящение большого кирпичного храма во имя Сошествия Святого Духа на апостолов. Открыли на праздник Троицы, поэтому в народе его называли Свято-Троицким.

По воспоминаниям казачьего полковника Недбаевского, написанным в эмиграции, строить начали на деньги казака Романа Белого. Он не успел составить завещание, и документ подписали свидетели, вложив перо в руку уже умершего мецената. Однако вскоре появились его родственники и потребовали своё наследство. Строительство было приостановлено, однако священник Василий Орда отвёз прошение царю в Петербург, и Николай I лично выделил средства на достройку.

Храм был ярким образцом архитектурного мастерства кубанских зодчих. Золочёный иконостас являлся подлинным украшением её интерьера, оклады икон также были покрыты позолотой. «Прямо в центре иконостаса находились Царские врата, – вспоминает каневчанка Евдокия Павловна Ясиков. – Над ними – икона с изображением Тайной вечери. Помню громадную икону Николая Чудотворца. С западной стороны, примерно на высоте пяти метров, в храмовый зал выходил узорчатый металлический балкон, на котором во время службы пел хор».

Церковная территория была окружена деревянной оградой на высоком кирпичном фундаменте. Перед Первой мировой войной она была

заменена на металлическую, которую выковал известный в те годы кузнечных дел мастер Павел Павлович Колодъко, а сейчас эта ограда находится у районной больницы.

До наших дней дошло всего одно качественное изображение Духосоштвенского храма, которое помещено на обложке нашего журнала. Семья коренных каневчан берегла это фото на протяжении не одного десятка лет. Снимок был сделан ещё в начале XX века (вероятно, местным фотографом Кучером) и наклеен на плотный картон. Люди, сохранившие это ценнейшее изображение, приклеили на другую сторону своё семейное фото и вставили в рамку, так и спасли от уничтожения и разрушения временем...

Необходимо напомнить, что на территории парка до сих пор покоятся останки наших земляков. За церковной оградой хоронили самых уважаемых и достойных людей. Это капитан Роман Белый, есаулы Василий Чуприна, Петр Чернявский, Петр Моренко, Зиновий Мошентрицкий, Николай Крамаренко, отставной сотник Андрей Терещенко, протоиереи Василий Орда и Константин Евмениев, священники Павел Олейников и Иоанн Потерягин, войсковой старшина Дометий Герко, его жена Мария Герко, коллежский регистратор Григорий Команов. Эти фамилии мы знаем благодаря известному краеведу Александру Дайневичу, обнаружившему список в архивах Ставропольской епархии.

В историко-краеведческом музее можно услышать подробный рассказ о храме и увидеть некоторые экспонаты, связанные с его историей. А во дворе действующей Свято-Покровской церкви лежит каменная плита, на которой сейчас установлен небольшой колокол. Когда-то эта плита находилась рядом с разрушенным храмом, а в середине 1990-х годов была обнаружена совсем в другом месте и сохранена для истории тем же человеком, семья которого спасла ценнейший фотоснимок. Люди скромные, делали своё дело не ради славы, и просили меня не упоминать их фамилию...

Более ста лет возвышалась на главной площади Духосоштвенская церковь – самое грандиозное сооружение Каневской. Сейчас трудно представить кресты и купола, возносившиеся к небу на месте фонтана, за нынешним памятником Ильичу. Но нам необходимо помнить об этом. Центр станицы – это наша визитная карточка. А место, на котором стоял храм Божий, пусть и разрушенный, всё равно сохраняет атмосферу благочестия и духовной чистоты. Давайте не будем забывать свои корни, свою историю, ведь туда, куда мы сегодня идём отдохнуть, люди ходили молиться.



Александр ДЕЙНЕВИЧ

# Пятиглавое чудо

К 100-летию храма св. Николая Чудотворца в ст. Новодеревянковской

«...в нашей станице оканчивается постройка новой кирпичной церкви. Храм этот будет стоить обществу до полутора тысяч рублей, что одно уже свидетельствует о грандиозности постройки, которая смело может считаться одной из первых в Кубанской области».

«Кубанские областные ведомости», 13 июня 1900 г., № 126.

В 1896 году по всей Кубанской области широко праздновалось 200-летие Кубанского казачьего войска. Эту юбилейную дату в станице Новодеревянковской решено было ознаменовать закладкой и строительством нового каменного храма.

— Сооружением новой церкви наши батьки хотели увековечить память о дедах, пришедших в этот благословенный край, — говорил старый казак Лука Григорьевич Марушко. — Да чтоб и их мы вспоминали, прия в храм помолиться...

Сыграло свою роль и то, что к концу XIX века население станицы заметно увеличилось, и старой деревянной станичной церкви Рождества Пресвятой Богородицы трудно было вмещать всех желающих приобщиться к церковным таинствам.

Началом строительства был выбран 1895 год, но прошедшие торги не дали желаемых результатов. Известные в Кубанской области подрядчики Тютюнов, Черечепов, Уkolov и Третьяков заявили, что смета неправильно составлена и стоимость строительства занижена. Станичникам, в свою очередь, цена, запрашиваемая подрядчиками, казалась непомерно высокой.

После третьих безуспешных торгов в 1896 году станичный сбор постановил обойтись без подрядчиков, а строить церковь хозяйственным способом, но ходатайство об этом не было утверждено.

Только 29 января 1897 года атаман станицы Конон Семёнович Гавро в присутствии общества заключил договор с воронежскими подрядчиками Филатовым и Верёвкиным, которые согласились построить церковь за 80 тысяч рублей.

По воспоминаниям старожилов, образцом для новодеревянковского храма послужила одна из церквей святого града Киева, куда станичным атаманом с особым заданием направлялась специальная делегация.

Место под новый храм было выбрано на самом возвышенном месте — на широкой площади, раскинувшейся перед новым казачьим правлением и новым зданием Александровского училища, сооружение которого подходило к концу.

Попечителем строительства был назначен Потап Николаевич Пальчун, фамилию которого благодарные станичники потом поставят первой на памятной доске с именами строителей храма.

По решению схода каждая семья должна была в качестве трудовой повинности отработать определённые дни на строительстве. У кого были лошади, работали на подводах, безлошадные были задействованы на подсобных ручных работах.

Сбор пожертвований на новый храм вели особые сборщики, выбранные прихожанами, а «жертвы» записывались в специальной книге.

— Жертвовали, кто что мог — деньги, вещи, домашний скот, птицу. Каждый считал за честьнести хотя бы небольшую лепту в общее дело, — вспоминал учитель-старожил Пётр Михайлович Андрюнкин.

За год до начала строительства церкви были загашены четыре большие ямы извести. Известковый порошок вместе с яичным белком шёл в раствор, который намертво соединял кирпич. По преданиям, на строительство ушло полтора миллиона штук кирпича и 150 тысяч яиц.

Строительство храма шло сравнительно быстро. За два года он был выведен уже выше арок второго этажа.

— На днях мы с приятелем взбрались на постройку новой церкви, главный купол которой хотя ещё и не виден, но и теперь она уже кажется очень высокой, так что с высоты её видно соседние станицы, несмотря на двадцативёрстное расстояние, — писал в сентябре 1899 года корреспондент газеты «Кубанские областные ведомости».

Со строительством нового храма связано несколько историй, дошедших до наших дней.

— Сам Олександр Пивень, кубанский письменник, записав одну таку брехеньку про нашу церкву, та ще як реготав, — рассказывал старожил Михаил Максимович Слесарь.

А получилась история оттого, что у одного из мастеров-каменщиков была собачка, неотлучно при нём находившаяся. Стройке она не мешала, к ней все привыкли, и собачка вела себя довольно свободно, взираясь по мере роста храма вслед за своим хозяином по лесам всё выше и выше к небесам. И вот в один из дней на строившуюся колокольню поднялся с инспекцией батюшка о. Иоанн Гусев. Увидев в неподложенном месте четвероногую тварь, он громко возмутился и топнул ногою. Не знавшая прежде святого



отца, загородившего единственный путь к спасению, собака, с перепугу, сиганула с колокольни вниз...

История эта стала широко известна по станци-кам Ейского отдела, обретая всё новые подробности. И с тех пор, куда бы ни поехали новодеревянковцы: на ярмарку ли, на военные сборы в Уманскую, к родичам в другую станцию – обязательно находился любитель «пожартивать», вспомнив тот случай:

– А звідкіля це ви, козаки, будете?  
 – Та ми з Дерев'янки...  
 – А з якой: з Старої, чи з Нової?  
 – Та з Нової...  
 – Ага. Так це ви з твої станиці, де сучка вбилися з дзвіници! Га-га-га..

Торжественное освящение нового храма состоялось 8 октября 1901 года. В соответствии с традицией в православии посвящать каждый храм какому-либо празднику или святому, новодеревянковский храм посвятили наиболее почитаемому святому – великому Угоднику Божему и Чудотворцу Николаю.

По благословению Преосвященнейшего архиепископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафодора, всенощное бдение, освещение престола и литургию совершил местный благо-



чинный о. Иоанн Чёрный в сослужении десяти священников и двух дьяконов. Огромный храм, сияющий золотом иконостаса и церковной утвари, до предела был заполнен молящимися, в том числе и прибывшими из ближайших станиц.

После литургии станичным обществом в большом зале Александровского училища (сейчас старое здание СОШ № 43) был дан обед для участников освящения храма, где прозвучали слова благодарности в адрес устроителей нового храма, были произнесены тосты за воинство всероссийское, духовенство, подвижников земли русской.

Большое впечатление на присутствовавших произвела речь подполковника Генерального штаба Петра Ивановича Кокунько, остановившегося на важном значении казачьих войск как хранителей рубежей Отечества.

Построенный в характерном для культового зодчества того периода, так называемом «русско-византийском» стиле, величественный двусветный храм с колокольней напоминал скорее городской собор, чем сельскую церковь.



Основной объём храма, вознёсшийся на метровом цоколе, представлял собою куб, увенчанный пятью главами, опирающимися на восемигранные барабаны. Пятиглавие было широко распространено в православном зодчестве и несло свою смысловую нагрузку. Центральная большая глава, придававшая зданию особую величественность и завершённость, олицетворяла собой Бога-Сына – Иисуса Христа, а главы поменьше – четырёх евангелистов: Матфея, Марка, Луку и Иоанна, донёсших до нас «благовествования» о чудесных деяниях Сына Божия.

Главы куполов, суживаясь кверху, по форме напоминали шлемы древнерусских воинов и завершались ажурными коваными крестами на металлических цепях-растяжках.

Выступающие средние части фасадов основного здания храма делили их по вертикали на три части и завершались кверху полуциркульными арками. Под арками располагались строенные, закруглённые в верхней части деревянные окна, средние из которых по длине превышали крайние. Внизу, с южной и северной сторон, под полуциркульными выступами, опирающимися на сдвоенные колонны, находились большие двусторчатые двери.

Угловые части всех фасадов под восьмериками барабанов, несущих купола, объединялись кверху полуциркульными арками, под которыми шли круглые, а ниже – сдвоенные удлиненные арочные окна первого и второго этажей, разделённых по горизонтали декоративным карнизом.

К восточному фасаду храма примыкала апсида с большой иконой Николая Угодника, в которой находился алтарь.

С запада храм при помощи широкой переходной галереи соединялся с колокольней, объём которой, опираясь на параллелепипед основания, переходил кверху в двухъярусные восьмёрки, в которых находились «звоны» – колокола. На нижнем ярусе звонницы помещался один большой, так называемый «пасхальный» колокол работы известных мастеров колокольного дела братьев Оловянниковых, на котором был обозначен его вес: «415 пудов, 13 фунтов, 32 золотника».

На верхнем ярусе были подвешены 12 колоколов поменьше – от 250 до 2-х пудов. С помощью специального приспособления звонарь мог работать одновременно с несколькими колоколами.

Каждый из колоколов имел своё назначение. В большой звонили только на Пасху, Рождество, а также когда случались чёрные бури и метели. Звон разносился далеко окрест и, ориентируясь на звук, заблудившиеся путники могли добраться до жилья. Другие колокола выполняли свои функции: отбивали круглосуточные часы, созывали казаков на сходки...

– А уж если, не приведи Господи, случался пожар, то звонарь такой набат отбивал, что звоном можно было и мёртвого поднять, – свидетельствует современник.

По звуку колокола в считанные минуты вся станица определяла, что случилось.

Снаружи, на северной стороне колокольни, слева от окна первого этажа, из белого камня была выложена дата «1897» – год закладки храма.

Главный вход в храм – с западной стороны, проходя по нижнему этажу колокольни, вёл в просторный коридор, освещённый четырьмя большими окнами, а затем в храмовое помещение, которое внутри поддерживалось четырьмя

огромными стропилами, переходящими в верхней части в полуциркульные арки.



Алтарную часть храма украшал золочёный пятиярусный иконостас. Храм имел три престола и трое царских врат.

В большой зал храма выходила занимавшая второй этаж коридора открытая галерея с балконом, на которой во время богослужений располагался церковный хор.

Верхняя часть храмового помещения как бы парила, возносила над нижней, более приземистой. Это впечатление воздушности, приподнятости создавалось обилием света, поступавшего через сорок окон, находящихся в куполах. А всего центральное помещение храма освещалось 89-ю окнами.

Кроме основных, культовых, храм нёс и, выражаясь современным языком, мемориальные функции. В соответствии с приказом Наказного атамана по Кубанскому казачьему войску, перед первой мировой войной здесь были установлены памятные доски с именами станичников-казаков, «павших героями служебного долга».

В ограде церкви имелось небольшое кладбище, где были похоронены один из зачинателей строительства нового храма священник Михаил Иванович Алексеев, местные жители Зуб, Омельченко, Пеньковский...

– Хорошо помню многолюдные похороны 19-летнего прaporщика Чубиса, – свидетельствует Николай Иванович Сахно. – Мы, школьники, хорошо его знали, так как он учился в нашей школе, за участие в боях первой мировой войны был награждён крестом. Во время отпуска приходил в школу, встречался с учениками и учителями. Когда он погиб на турецком фронте, то тело в цинковом гробу привезли на родину и похоронили у новой церкви. Торжественная, с воинскими

почестями церемония похорон павшего на поле боя героя произвела на нас, школьников, необычайное впечатление. Мы наглядно увидели: вот что значит – умереть за Родину!..

При школе было открыто смешанное церковно-приходское училище, расходы по содержанию которого приняло на себя общество. Учителю было назначено жалование в 300 рублей, законоучителю – 60 рублей, ещё сто рублей выделялось на прислугу для учителя, приобретение учебников, книг, отопление и освещение.

Вся церковная площадь по периметру была окружена красивой кованой оградой на кирпичном цоколе. Параллельно восточной и западной сторонам ограды с юга на север шли широкие красивые бульвары со скамейками, обнесённые белой и жёлтой акацией. В праздники, а то и по вечерам, сюда любили приходить многие новодеревянковцы: отдохнуть, обменяться новостями или просто посудачить.

Церковная площадь и новый храм были в центре многих событий начала XX века.

– Мне было 6 лет, когда началась первая мировая война, – вспоминал Илья Дмитриевич Варивода. – Зазвонили колокола обоих церквей, по улице на белом коне проскакал трубач Войтех Венедикт Филатович, созывая своим кларнетом казаков на сходку. Когда мы, пацаны, прибежали на площадь, запруженную народом, у входа в храм стояло духовенство, члены станичного правления. Уже был вынесен престол, на котором стояли серебряные чаши со святой водой. Прозвучал сигнал трубы, и перед стихнувшей толпой выступил атаман Курганский и сказал, что Германия объявила России войну. После чего все три священника – Чёрный, Гусев и Алексеев – пошли по станице с молебном, вымаливать воинству российскому победу, а германцу – поражение.

Почти ежедневно проходили сходки на церковной площади в бурный 1918 год.

– Красные приходят – собирают народ у церкви, предлагают записаться в отряд на защиту революции. Белые приходят – тоже созывают казаков, но уже на борьбу с большевистскими супостатами, – свидетельствует очевидец.

В 1921 году церковью был проведён последний крестный ход, посвящённый 100-летию станицы Новодеревянковской.

С этого времени, особенно после того, как у церкви отобрали функции регистрации рождений, браков и смертей, как стала усиливаться новая власть и ужесточаться антирелигиозный прессинг, церковь постепенно оставляет ведущую роль в общественной жизни.

Бывший украшением станицы на протяжении трёх с лишним десятков лет, новодеревянковский

храм разделил горькую участь культовых сооружений в тридцатые годы XX века. Ещё оставалось в силе и действовало указание В. И. Ленина от 1 мая 1919 года № 13666/2 «О борьбе с попами и религией». Основываясь на нём и считая церковь одним из основных препятствий на пути коллективизации сельского хозяйства, власти целенаправленно сверху проводили антицерковную политику, разрушая храмы, либо закрывая их и превращая в склады. К 1929 году были закрыты все монастыри, а к концу 1930 года – 80 процентов всех сельских храмов страны.

С особой силой антицерковный террор разразился после 1932 года, когда декретом правительства была объявлена «безбожная пятилетка», поставившая ясную цель: к 1 мая 1937 года «имя Бога должно быть забыто на территории страны». Безудержное массовое разрушение храмов привело к тому, что к началу войны во всей стране действовало не более 150 церквей, тогда как в 1918 году в России было 80000 православных храмов, из них 667 храмов и 3 монастыря – на территории Кубанской области.

Зачинщиками закрытия церкви св. Николая Чудотворца выступили новодеревянковские комсомольцы.

– Шла коллективизация, создавались колхозы, в станицу часто приезжали важные работники, в том числе прибыли как-то зам. Председателя крайисполкома Иванов и представитель ВЦИК Полуян, – рассказывал Иван Павлович Выростков. – А мы, комсомольцы, как раз хотели на общем собрании поставить вопрос о закрытии новой церкви. Я спросил Полуяна, как они на это смотрят. Полуян и Иванов улыбнулись и ответили: «Ну что ж, вы будете пионерами». Я попросил, чтобы они остались и на собрании поддержали нашу инициативу, но у них не нашлось времени. Стало ясно: наша хата с краю, мы ничего не знаем, ломайте дрова сами...

И пошли ломать. Первой жертвой воинствующих безбожников стала старенькая деревянная Рождество-Богородицкая церковь, построенная ещё первопоселенцами станицы более века тому назад. Её сожгли, таясь, ночью 7 января 1935 года.

Подступиться к каменному храму было сложнее и, чтобы отвадить население от религиозного «дурмана», хулиганствующие «комсомольцы», как называло население первых помощников партии, в дни больших религиозных праздников собирались у церкви, оскорбляли священнослужителей и верующих, устраивали прямо во время службы у входа в храм громкую читку «антипоповских» стихов Демьяна Бедного, пели частушки. Но эти действия вызывали только осуждение со

стороны населения станицы, люди по-прежнему посещали храм, даже уходя с работы.

– Как звонят на службу в большой колокол, слышно было аж в Новоминской, – вспоминал учитель Григорий Иванович Овсянников. – И как только зазвонит этот колокол, колхозники говорят: «Уже святой вечер. Бросай работу!». И все бросали работать и шли домой. А мы, учителя, на их место работать становились. Ночью клали копицы до утра, ночью на молотилке хлеб молотили. Всю ночь, начиная с пяти часов вечера и до утра. А домой придёшь – надо в школу идти. Вот такая жизнь была! Ни зарплаты, ни хлеба, а работать надо было!

Отвлекая людей от круглосуточного рабского труда на колхозных полях, церковь стала попрёк новой жизни и тем самым подписала приговор своему существованию.

Формальным поводом для закрытия в станице церкви послужило то, что церковная община не смогла выплатить огромный налог, возложенный на неё Новоминским райфинотделом. После раскулачивания и страшного голодомора, население станицы значительно уменьшилось, пожертвований на храм не поступало, так как в колхозах за работу денег не платили, а ставили «палочки».

После закрытия церковь сначала использовали как склад для хранения зерна, а затем райфинотдел настоял на её разрушении в счёт уплаты налога-недоимки за несколько лет.

– Письма отдельных смельчаков (Боже упаси было написать групповое заявление – это могло быть расценено как создание контрреволюционной организации и открытый мятец против Советской власти) с жалобами на самоуправство местной власти, направляемые в Ростов, Москву, неизменно возвращались на рассмотрение в райисполком, и только ускоряли разрушительные работы, неся жалобщикам большие неприятности, – рассказывал бывший в ту пору председателем колхоза «Рот Фронт» Фёдор Матвеевич Махно.

Из Ростова-на-Дону приехали инженеры-строители, просили отдать в городской театр красивую чугунную лестницу, находившуюся в колокольне.

– Пошли они в сельский Совет, а там как раз верховодили Федьков, Север, Савченко Владислав, – свидетельствует П. М. Андрюнкин, – и предложили снять верх церкви (купола), переоборудовать здание под двухэтажную школу-десятилетку: «Зачем же вы будете такую красоту рушить, такой труд людей? Мы вам такую школу сделаем – по всем правилам!» А наши дураки и говорят: «Як це так? Дети будут учиться, а там

святым духом всё пропитано. Що це за школа такая – из церкви? Не нужна нам така школа!» И настояли на полном, «до основания», разрушении, чтобы церковь и видом своим не туманила головы ни старым, ни малым.

За двадцать лет советской власти «строители будущего» в совершенстве овладели технологией разрушения. В нижней части стены над фундаментом выбирался кирпич, в образовавшиеся пустоты забивали деревянные столбы, которые принимали на себя её тяжесть. Затем дерево обливалось горючим и поджигалось. Сгорая, столбы лишали стены здания опоры, и они рушились.

Новоминской райфинотдел сам нанял «шабашников» из числа местных жителей, застраховав на большие суммы их жизнь. Имена их известны в станице, и здесь с полным основанием вслед за К. Н. Батюшковым можно повторить, что славны они «своим бесславием... в позднейшем потомстве».

Подготовительные работы длились почти год и закончились к осени 1938 года, когда на один из дней был назначен завершающий акт вандализма.

– Вся станица сбежалась на это безумное зрелище, – рассказывает очевидец того события И. Д. Варивода.

Первоначальная попытка поджечь столбы закончилась неудачей – всё погасло. Тогда представитель РайФО стал выкликать, кто бы вторично поджёг – желающих не находилось. И только после того, как была пообещана двойная страховка, нашёлся один смельчак и поднёс спичку к облитой мазутом соломе.

В повисшей над площадью тишине хорошо было слышно, как трещат деревянные столбы-подпорки. Вдруг земля вздрогнула, церковь вся как-то покачнулась и медленно осела, исчезнув в огромном облаке пыли... Люди кричали, стенали, падали в обморок, и страшны были на фоне этого всеобщего потрясения стоявшие поодаль радостно-оживлённые устроители новой жизни.

Стареньkim «фотокором» И. Д. Вариводе удалось сфотографировать церковь за несколько часов до взрыва. Много десятков лет спустя, на склоне своей жизни, он вспоминал тот день.

– Я сделал последний снимок церкви со стороны ДСК, отпечатал всего четыре фотографии. Снимать и делать было опасно – фотографирование и размножение снимков могло быть расценено властями как пропаганда церкви. А с религией велась жестокая борьба. Тем, кто не жил в то время, нас не понять...

Бесформенная груда кирпича была продана новодеревянковским колхозам «Правда» и

«имени XVII-го партсъезда», которые построили из него клуб и склады. Из остального материала в районном центре – станице Новоминской – был сооружён кинотеатр.

Церковной оградой по ул. Ленина была огорожена территория школьного двора, а церковные ворота долго стояли у въезда на территорию МТМ бывшего колхоза им. Молотова, затем их сняли; чугунные столбы от ворот рачительный Иван Кузьмич Гармаш, прозванный с лёгкой руки корреспондента районной газеты «хозяином станицы», уже в наше смутное время сдал в утиль – сырьё.

Много хлопот доставил большой колокол. При падении с высоты он разбился и, раздробив ступени главного входа, глубоко вошёл в землю. С ним пришлось изрядно повозиться: его травили кислотой, соляркой, рубили зубилом, чтобы доставить до «нужной» кондиции.

Выборка кирпичей шла почти до самой войны, а после неё бывшая церковная площадь была превращена в парк, и сегодня уже ничто не напоминает о её былом содержании.

Давно это было.

Не осталось в живых ни одного участника освящения нового храма, и уже совсем мало тех, кто его помнит.

Расказачивание, раскулачивание, коллективизация, голodomор, войны унесли тысячи человеческих жизней. В далёкой Югославии окончил земной путь выступавший с речью на торжестве новодеревянковский генерал Пётр Иванович Кокунько. В пекле гражданской войны сгинул освещавший храм о. Иоанн Чёрный, посмевший в 1918 году благословить казаков в поход на «красный» Ейск. И уже в эти дни пошёл на слом вошедший в историю «Чёрного попа дом», видевший в своих стенах много знатных персон, её (историю) вершивших.

Бездожное время и его приспешники не пощадили даже могил. При закладке парка на храмовой территории в поисках наживы был разграблен склеп и осквернены останки о. Михаила Алексеева. А позже, при строительстве Дома культуры, на расположенному рядом кладбище бульдозерами были уничтожены сотни христианских останков погибших покоя даже в родной земле... И только два немых свидетеля – старое Александровское училище да ссудо-сберегательное товарищество, добиваемое лишёнными разума «отморозками» (да и чем отличаются они от тех?) – ещё помнят многое, происходившее на церковной площади.

Но «силён Господь в правде, и не бывает поругаем», – всё возвращается на круги своя. Историческим днём для новодеревянковцев

стало 11 августа 2007 года. Епископом Ейским Преосвященнейшим Тихоном во сослужении восьми священников – представителей духовенства Приморско-Ахтарского, Усть-Лабинского и Выселковского округов, городов Апшеронска и Геленджика, станиц Привольной, Челбасской и Новодеревянковской был заложен новый Свято-Никольский храм.

Строительство новой святыни стало возможным благодаря помощи Председателя совета директоров ООО «Компания «Базовый элемент» О. В. Дерипаска, Генерального директора Благотворительного Фонда «Вольное Дело» Т. Д. Румянцевой, координатора проектов Фонда по работе с религиозными организациями Г. В. Кокунько.

Посильный вклад в строительство храма внесли местные прихожане – крестьяне, казаки, местная интеллигенция, руководители предприятий и организаций, предприниматели.

– Храм – это дом Божий, наше общее достояние, он необходим всем и каждому, – говорит настоятель Свято-Никольского храма священник Сергий Ядрушкин, под неусыпным наблюдением которого проходит стройка. – Сюда мы приходим в горе и в радости, в здравии и болезни, вознося свои молитвы. Именно в храме человек рождается духовно в Таинстве Святого Крещения, и здесь его провожают в последний путь.

Пройдет несколько лет, и в центре станицы взметнёт к небу свои золотые купола возрождённый красавец-храм, как связующая нить между прошлым и будущим, свидетельство нашего уважения к памяти предков и покаяния за десятилетия глумления над человеческими душами.





«Казацькому  
роду нэма  
пэрэводу...»

Ноха СУЛТХАНОВ

# Одна, но пламенная жизнь...

Очерк о полном Георгиевском кавалере  
Василии Емельяновиче Зубаре

*Не надо разделять их на чужих –  
Помолимся за тех и за других!*

**К**огда начавшиеся ещё в 1905 году митинги-потоки превратились в 1917 году в настоящую революционную реку, она разрушила устои самодержавия, затем свергла временное правительство и привела к власти большевиков. В те смутные годы происходящее ещё не отозвалось в сердцах многих новоминчан непоправимой бедой, они продолжали заниматься каждый своим обычным делом.

Находящийся на фронте прапорщик Василий Зубарь уже давно испытывал на себе агитацию со стороны революционно настроенных казаков и даже офицеров, но позицию их не разделял и продолжал выполнять приказы своих командиров. Было немало таких, которые смирились с победой большевиков, с бесполезностью дальнейшей борьбы и уже не выступали за Единую, Неделимую и Великую Россию. Но и без них хватало тех, которые, взяв кровавый меч, пошли по стране рушить то, что было создано веками.

Десятки народов, проживавших на бесконечной российской территории, под лозунгами борьбы за свободу сошлись на бранном поле. Потекли потоки людей с оружием с запада на восток, с юга на север. Бросил человек камень в родного человека, поднял на него меч. Сосед на соседа. Брат на брата. Сын на отца. И эту бойню затем кто-то назовёт революцией, кто-то гражданской войной. А кто поумнее – догадается, что это происки врага-дьявола, лишившего людей разума, расколотого народ на две части и столкнувшего его в смертельной схватке: белые – на красных, красные – на белых.

Даже после возвращения с фронта, дома ему не удалось остаться нейтральным, хотя он никуда не выходил: шла гражданская война, и её трудно было наблюдать со стороны. Часть новоминских казаков встала на сторону большевиков, другие по-прежнему признавали верховенство Кубанского казачьего войска. Были и многочисленные отряды, которые враждовали со всеми и не признавали над собой никого. Всё это привело к страшной трагедии, в результате которой



Василий Емельянович ЗУБАРЬ

часть казачества (не только военнослужащие, но и мирные граждане) погибла, а другая вынуждена была спасаться в эмиграции. Многие так и не узнали, кто заставил людей заглотнуть наживку братоубийственной войны, ради каких интересов многие мирные жители стали солдатами и пошли убивать друг друга. Опьянённые свободой и кровью, они не думали о последствиях, о том, каким горьким и страшным будет похмелье.

Василий Емельянович, получивший в одном из боёв тяжёлое ранение, будет отлёживаться в доме одного знакомого. Он так и не узнает о судьбе своих однополчан. О том, как в марте 1920 года их эвакуируют в Крым, а затем на пароходах отправят на греческий остров Лемнос в Эгейском море, как первую на чужбине зиму проведут они практически без жилья, под холодным дождём и мокрым снегом, со скучным снабжением. На следующий год часть казаков вернётся домой, а остальные уже летом будут перевезены в Сербию и Болгарию, а потом в Грецию, Турцию, Францию, Югославию. Разбросанные по миру, они не потеряют связи друг с другом.

Бывшие станичники и однополчане, они станут хранить свои народные традиции, ездить друг к другу в гости, вести активную переписку. А там, где будут жить компактно, построят церкви или часовни, станут жить по обычаям своих предков,

## «Казацъоңу роду нәма пәрәводу...»

оказывать друг другу помощь, храня народные обряды и обычай. Они и останутся такими до смерти: простыми в жизни, с любовью к родному очагу и семейству, почтением и уважением к старшему, с гордым и независимым характером. Многие кубанские казаки, среди которых было больше сотни уроженцев станицы Новоминской, не потеряются на чужбине. Они станут писателями, художниками, священниками, деятелями культуры, скульпторами, внесут немалый вклад в культуру зарубежных стран и российской эмиграции.

Самое главное, им удастся в полной мере сохранить свои культурные и бытовые традиции, свою неразрывную связь с Родиной, которую с годами они станут любить всё больше и больше.

...Было тепло, хотя солнце ещё робко отдавало свой пыл, а ветер, словно играя в прятки, качал верхушки камыша и утренней свежестью обдувал лицо. В предрассветном тумане, лежащем на водной глади реки Албаши, показался из воды и вновь ушёл вглубь крупный сазан, словно проверяя, каким ожидается начинающийся день.

Сидевшие в лодках люди ждали, когда появится связник и даст условный сигнал для выхода на берег. От реки поднимался белый пар, который оседал на траве, покрывал её серебристой росой. В прибрежных кустах что-то щёлкало, шумело, перемещаясь вдоль берега. Запел восходящему солнцу свою песню соловей-весельчик,

а неутомимые пичужки заголосили, защебетали многообразием голосов. Разбуженные кукушки стали щедро раздавать всем года и целые десятилетия, не заботясь о правдивости своих предсказаний.

– Один, два, три... – начал Василий, отсчитывая свои будущие годы, но на седьмом счёте кукушка внезапно замолкла и больше не отзывалась. Перестали предсказывать ему судьбу и дальние кукушки, которые до этого направо и налево дарили годы жизни всем, кто их слышал.

– Плохой знак, – подумал Василий Емельянович, – шесть – дьявольское число.

Ему вдруг стало зябко. Река приносila даже самые отдалённые звуки. Со стороны станицы слышался незлобный лай перекликающихся собак, пение запоздалых петухов и мычание выгоняемых на окопицу на пастьбу коров. Новоминская проснулась и засуетилась в своих обычных заботах.

Всё было как обычно... Но что-то было не так.

«А-а, колокол! Колокол молчит, не звонит», – догадался Василий и удивился вдруг нахлынувшему радостному чувству. Оно было связано с победами: когда они входили в освобождённые от красных станицы и города, долго и торжественно звонили колокола, как бы призывая и Бога в свидетели правого дела белого движения.

В один из таких радостных дней ему удалось поговорить с самим главнокомандующим А. И. Деникиным. Случилось это так... Антон Иванович



1918 год. Молодые новоминские казаки приготовительного разряда.  
В центре - Василий Зубарь, командир конной сотни станицы Новоминской.

один, без охраны, подошёл к отдыхающим офицерам и поздоровался за руку со всеми. Развернулся и... к нему, к Зубарю. Пытливо на него посмотрел. Шутливо спросил:

— Ну как, закончился твой спор с черкесским князем? Убедил его?

— Никак нет, ваше превосходительство! — ответил тогда он. — Утверждает горец, что их пророк сильнее нашего Христа, и не хочет в нашу веру переходить.

— И не надо, друг мой. Скажу тебе, казак, кому бы пророку мы не молились, а Создатель у нас один. Рано или поздно сыны Аллаха и Христа побратаются в союзе, и тогда наступит другая жизнь. Это будет хорошая жизнь, хорунжий. Веришь мне?

— Верю. А что случится с нами? Не станем ли мы изгоями, ваше превосходительство?

— Не думаю. Мы — осколки огромного народа, рано или поздно соединимся с ним. Очень надеюсь на это. Понимаю, что сейчас жизнь каждого из нас тяжела, но ничего взамен предложить не могу. И никто не может пока. А вам всем совет, господа: живите уверенно, и всё будет хорошо. Думайте всегда о счастливом, и судьба будет к вам благосклонна!

Сказав это, генерал ушёл...

Вдруг на ум пришли слова из песни, которую пели казаки на фронте:

...О тебе здесь вспоминаючи,  
За тебя ль не постоять,  
За твою ли славу старую  
Жизнь свою ли не отдать?

— А за кого же отдать? — спросил Василий самого себя и не нашёл ответа. Как не нашёл его и в семнадцатом, и в двадцатом году, когда из Новороссийска вышли в море последние корабли с остатками белой гвардии. Он не ушёл с теми, кто после мучительных раздумий вынужден был выбрать эмиграцию. И не потому, что был ранен, а был уверен, что там они никому не нужны, что ждут их лишения и невзгоды. Знал Василий Емельянович и о том, что ожидает его дома, в станице Новоминской, где власть захватили большевики. Он надеялся, как и те, кто уплывал за границу, что этот период в их жизни — временный, что пройдёт совсем немного времени, они вернутся домой и продолжат борьбу за Россию. То, что случилось с ними, никто пока не считал военным поражением. Хорошо вооружённая и организованная армия временно отступала перед превосходящими силами противника, сохранив полностью свои боевые порядки.

Вспомнилось почему-то детство, как он босоногим мальчишкой шёл вслед за сохой, пас с такими же сорванцами табун, проводя рядом с

конями большую часть суток. Среди игрушек запомнил деревянный кинжал с настоящими ножнами да пулью под подушкой, которая по обычанию полагалась каждому мальчику. С детства его учили быть ловким и смелым, честным и трудолюбивым, не только уважительно относиться к старшим, но и прислушиваться к их советам. В казачьей среде не любили бездельников, детей держали в строгости, учили их жить на примере старших, которые много работали в поле и по хозяйству. Станичники жили, в основном, мирно, хотя случались иногда драки. Воровства не было, среди преступлений на первом месте случались оскорблении и ранняя косьба травы.

В три года маленького Васю посвятили в казаки: отец остряг сыну волосы на голове, дал в руки шашку и посадил на коня. Сейчас он не помнил об этом, но знал, что это было именно так, потому что соблюдение обычаев предков было одним из главных казачьих принципов. И ещё запомнилось из детства, как резали хлеб отец или дед: всегда после молитвы и обязательно стоя.

Когда ему исполнилось пятнадцать лет, его и других сверстников начали готовить к воинской службе. Их учили всему, что пригодится в боевых условиях: стрельбе, джигитовке на лошади, упражнениям с шашкой, науке первым увидеть и услышать врага, приспособливаться к местности, переносить холод и жару, быть храбрым и искусным в бою, мастером на все руки в быту. Призывник должен был изучать военное дело самым серьёзным образом, так как, став казаком-воином, он вляпался в ряды защитников Родины, становился частью вечно подвижного казачьего войска. Казак обязан был по первому зову выступить против врага за Веру, Царя и Отечество. Этому учили юношей-призывников.

А вот девочек учили другому: трудолюбию и терпению, умению вести домашнее хозяйство, быть готовыми напряжённо трудиться в поле. Именно на женщине в казачьей среде держались дом и двор, чистота и порядок.

В девятнадцать лет Василий Зубарь принял присягу. В отсутствие отца, погибшего на японской войне, свою шашку ему подарил дед, строго наказав быть верным казачьим традициям, беречь и приумножать славу предков.

После завершения курсов в приготовительном разряде, его призвали на службу. До этого семья и родственники готовили мундир, сбрую, долго и тщательно выбирали коню. Дело было не только дорогостоящим, но и сложным. Казачья строевая одежда состояла из казачьей папахи, бурки, башлыка, бешмета и черкески. Приходилось искать сукно и шить форму у хорошего портного, а на это уходили месяцы. Хорошего

строевого скакуна тоже приходилось искать по всей округе, внимательно и терпеливо выбирая будущего верного друга казака. Кинжалы и шашки продавались повсеместно, но большинство казаков отдавали предпочтение холодному оружию своих дедов, если оно было надёжным в боевом отношении. Всё это – казачья форменная одежда, конь и оружие – были составными частями справы кавалериста-казака, и её подготовка считалась делом чести для каждой без исключения новоминской семьи.

Служба для Василия Зубаря началась в 1908 году в 1-м Запорожском полку. Как прилежного и грамотного казака, через десять месяцев службы его направляют в полковую учебную команду. Производят сначала в младшие, а затем в старшие урядники. В 1913 году в звании вахмистра он возвращается в Новоминскую и становится инструктором по обучению казаков приготовительного разряда. В 1914 году по случаю мобилизации командируется во 2-й Запорожский полк. Участвует в боевых походах на Австрийском, Германском и Румынском фронтах, награждается Георгиевскими крестами 4-й, 3-й, 2-й и 1-й (дважды) степени, медалью в память 300-летия Дома Романовых, бронзовой медалью Французской Республики, Георгиевской медалью 4-й степени. В 1917 году вступает в партизанский отряд Шкуро. В том же году направляется в Ташкентскую школу прапорщиков. По возвращении зачисляется в Добровольческую кубанскую армию, становится командиром конной сотни гарнизона станицы Новоминской. С начала «ледяного похода» генерала Корнилова служит командиром 6-й сотни в звании хорунжего. В одном из сражений получает осколочное ранение, после поправки возвращается домой. Из-за многочисленных угроз со стороны местных ревкомовцев вынужден уйти в повстанческий отряд Дубины, который новая власть называет не иначе как бандитами. И вот он среди них, и не знает, что делать дальше...

В преддиктумной тишине сухо треснул винтовочный выстрел, и его звук, прежде чем погаснуть в вышине, разбудил дремавших в подках людей. Вместе с ними проснулась вся округа, которая, казалось, также ждала условного сигнала и озабоченно приготовилась к предстоящим обычным дневным заботам.

Высокую, сутуловатую фигуру бывшего до революции учителя словесности, а теперь революционного активиста, или просто деда Авдея, Василий признал сразу.

– Пора, – сказал он старшему и пожал его холодную руку.

Тот спросил:

– Не передумал, Василий? Никто тебя осуждать не посмеет. Может, ловушка это? Остерегаюсь я.

– Авдей не может согнать. Если это он, значит, всё – правда. Мне надо сдаваться, другого выхода нет.

– Бог тебе в помощь, Василий Емельянович. Мы будем молиться за тебя. Будь жив, братишко!

Старший взял правую руку Василия, крепко пожал её и в порыве братской любви обнял его. Легонько свистнул. Другие сидящие в лодке товарищи так же молча попрощались с ним. Из темноты бесшумно выплыла лодка. Сидящий в ней коренастый гребец причалил так близко, что Василий без особого труда перелез в неё.

– Счастливо оставаться, братцы! Храни вас Бог! – сказал он на прощание тем, с кем провёл все последние месяцы, и которые называли себя борцами за народное дело.

Лодка неслышно подплыла к берегу, где, держа повод лошади, стоял человек, ещё не совсем отчётливо видимый сквозь заросли камыша.

Когда лодка приблизилась, он остановил коня и стал спускаться вниз, к воде.

– Ты ли это, Василий, сын Емельяна? Не узнаю, давно не виделись.

– Я, дед Авдей, – ответил Зубарь и пожал неожиданно протянутую руку старику. Тот не сдержался, прижал Василия к себе, украдкой смахнул непрошенную слезинку.

– Сколько лет-то мы не виделись?

– С начала германской, с 14-го. Выходит шесть лет. Все ли мои родичи живы?

– Что померли, не слыхал, но не видел давно. В гости друг к другу не ходим. Дальные родственники, думаю, живы, а близких-то у тебя нет.

– А брат?

– А брат покуда живой. А ты решился, значит? А я не поверил было Меланье, что ты сдашься. Рыба ты из стана врагов крупная. Значит, решил на заклание пойти. За брата постоять. А если живот придётся положить?

– Если надо, значит, и живот.

– Садись на коня, – потребовал старик, – а я пешим пойду. Видно, сильно ты ослаб, тощий совсем.

– Зато духом силён, дед, а это очень важно. А на коня сам садись. Ногами пойду, засиделись они, пять месяцев я здесь, в плавнях.

Связник без особого труда влез на коня, и они тронулись в путь в сторону станицы.

– По смоленской дороге пойдём, хоть и далече, да тебе сподручней станет. А ты за стремя держись, так легче идти. Небось, на фронте легкораненых да и просто пеших не раз выручал?

- Было и такое. Всякое было.
- Ну, пошли, значица, по дороге, по смертной дороге.
- Да зачем же так мрачно, Авдей Сергеевич?
- Они считают, что враги революции недостойны жить.
- Я не враг.
- Ну, ты же стрелял в наших, красноармейцев, когда вас из плавней выкуривали? Скажешь, не было?
- Я не стрелял. Бог спас. У меня-то и винтовки нет.
- А твоя, армейская?
- Под Новороссийском, в доме торгового черкаса оставил. Подарил ему, вроде. Выходил он меня без всякой платы, когда во время отступления из Екатеринодара весной 1920 года меня ранило навылет в правое плечо.
- А что же тебя беляки не бросили? Так и таскали с собой в обозе?
- Как можно бросить? Ты никак, дед, забыл казачьи воинские заповеди. С той поры винтовку в руки не брал.
- Чего же так?
- В своих не стреляю.
- А кто свои? Белые? Красные?
- Русские!
- Но они же в тебя стреляли! Как волка травили! В плавни загнали!
- Травили, согласен. Но когда они уходили от моего логова, я возвращался, чтобы обозначить себя, чтобы сказать, что несогласен с вашей политикой.
- Таких немного.
- Нет, дед Авдей, таких большинство, да многие промолчали и не захотели ввязываться в драку со своими же.
- Потому красные и победили?
- Нет! Никто не победил. В таких войнах победителей не бывает.
- Выходит, и они, и ты — одинаково победители?
- Мы все — одинаково проигравшие. Проиграла, в конечном счёте, Россия, а значит, проиграли мы все: и белые, и красные. То, что мы делаем — мы и вы — безумие. Но первыми меч подняли вы, большевики. Вы родили революцию и первыми стали её жертвами.
- Но пока жертва — ты!
- С моей смертью, дед, вы ничего не измените. Вы празднуете победу на костях своих же братьев. Посмотри: всю страну мёртвыми телами усеяли, какая уж тут победа. Как только Все-вышний нас терпит — отцеубийц и братоубийц?
- Это ты сейчас так гутариш. А раньше, не бось, брал на прицел своих-то?
- Не брал, ей богу. Слово казака!
- Да ты про казачьи корни забудь, не в чести вы для новой власти.
- А ты как же, не казак теперь? Такое разве бывает?
- Я вроде красного партизана, мне верят.
- А другие казаки — тоже червонные партизаны? А женщины, а дети, а другие?
- Не замай! Уж слишком тяжёлые вопросы задаёшь. Перековать меня вроде хочешь. А сам, смотрю, злобой на красных переполнен.
- А вот ты, дед, казак из рода Гордиенко, видать, любовью к ним исходишь. Служишь вот, сказал бы, как, да...!
- Как собака, думаешь? Вижу, думаешь. Спасибо, что правду говоришь в глаза, не юлишь. Люблю таких. И отец твой такой же правдолюб был, хорошо его помню. Царство небесное, ещё в японскую голову сложил за батюшку-царя.
- Не за царя, дед, за Россию.
- Не всё ли равно?
- Нет, отец! То просто человек, был и ушёл, а Отчество — вечно.
- Такое вот Отчество.
- Даже такое! Наше, русское, не турецкое какое, не китайское. Понимаешь, наше, родное!
- Вы не державу любили, а упорно цеплялись за прогнивший царский режим. У меня на это, господин офицер, собственное мнение имеется, большевиками не навязанное.
- А кто кровью страну залил, не большевики ли? Вы хотели сделать счастливыми часть русских людей, погубив её другую, едва ли не лучшую половину? Вам трудно будет, дед Авдей, убив часть граждан, других призывать к покорности. Они согласятся с вами, чтобы избежать смерти, но любить вас не станут и никогда не покорятся чужой власти.
- Я же поверил в идеи Ленина без принуждения. Раз и бесповоротно! Я люблю свою Родину и верю в её будущее.
- И я люблю. И верю в неё. Но будущее России мы видим иным, чем большевики. И это несовпадение взглядов — не главная наша беда. Страшно, земляк, когда народ идёт на народ, когда брат поднимает меч на брата.
- Мы бы сами как-нибудь по-братьски разобрались, да вы, беляки, Атланту на нас натравили. А они вовсе не дорожили кровью наших соотечественников.
- Мы их и не звали. Они сами слетелись на нашу драку.
- Что же делать теперь новой власти? Может, ты и выход знаешь?
- Знаю. Сесть за стол переговоров. Всем. И тем, кто за советскую власть, и тем, кто за монархию, и тем, кто за буржуазную республику. Вспомнить,

что мы сыновья одного народа, и сесть за стол. Но перед этим все должны покаяться друг перед другом.

– А большевики, небось, первыми?

– Да, дед! Они – первыми! Вы это начали!

– Не обидься, офицер, но плетёшь ты тенета. Большевики подхватили лишь падающее знамя монархии и буржуазной революции, не дали погибнуть России, а врагам – растащить её на отдельные куски-княжества. Не царь ли ваш ввязался в японскую войну и проиграл её? Не он ли без нужды полез на германцев, хотя можно было переждать? Не большевики же заставили его отречься от престола? Да и кровушки нашей, русской, он немало пролил, людоед проклятый! А большевики хотят построить мир, в котором всем будет хорошо!

– На море людской крови вы создадите лучший мир?

– Обязательно создадим!

– Нет, дед, при помощи винтовки и шашки нельзя построить счастливую долю. Благодать наступит только тогда, когда мы станем терпеливее друг к другу, когда с братскими чувствами возлюбим каждого своего соотечественника. Только доброта спасёт мир.

– Большевики спасут!

– Ни большевики, ни царь, ни герой счастья для народа не построит. Только сам народ способен на это.

– Наш народ на многое горазд, направь его только по верному пути.

– А ты, дед, вправду веришь, что ленинский путь – самый правильный?

– Не знаю, верю и тут же сомневаюсь. Эх, заглянуть бы на несколько лет вперёд, я бы тебе точно ответил. А покуда точно не знаю. Сам вижу промахи новой власти, а что поделаешь: новую жизнь строим, никем до этого не виданную. Поэтому ошибки возможны. Ошибки увидеть большого ума не надо, сложнее их предвидеть.

– И вы их предвидите?

– Мы знаем, что они будут, и смело идём вперёд.

– Разрушая всё созданное до этого многими поколениями русских людей? Ведь наследникам надо оставить не только надежду на будущую счастливую жизнь, но и крепкую державу. А что у вас: ни надежды, ни государства, ни Бога.

– А не Бог ли перестал вам помогать? – снова укусил старик. – Он отвернулся, а мы такое натворили! Чего же он? Зачем допустил такую резню? Выходит, и Каин своего младшего брата Авеля убил в тот момент, когда Господь отвернулся? Не часто ли он отворачивается в минуты совершения убийств? Ведь для чего он Спасителя на

землю посыпал? Чтобы спасти людей! Так чего он братоубийство не остановил? Да Бог ли он после этого?

– Богохульствуешь, дед! Войны останавливать Он не может, то происки дьявола. А Иисуса присыпал образумить нас, чтобы мы не вдавались в тяжкие грехи, учил же: «Не убий!» Разве Его Истина не в этом? Не гневи Создателя, Авдей Сергеевич, ведь одной ногой в могиле стоишь. Ответ перед Ним придётся держать!

– И дам, не промолчу. Спрошу его, ради чего столько людей погубил. Столько разрушений допустил. Пусть ответит, а я за себя отвечу.

– Я вот что тебе скажу: не Он разрушал, а мы, люди. Я, ты, они и все мы. Мы, дед, а не Бог!

– А он спокойно наблюдал? Может, ещё в ладоши хлопал? Разве Бог таким должен быть? Он же – Вседобрый! Он же – Всемилостивый! Как его понять?

– Через страдания Творец хочет привести нас в Вечность.

– А нас он спросил: хотим ли мы в такую вечность? А когда это будет? Люди сейчас хотят жить, трудиться и любить. То, что когда-то может свершиться или не свершиться, будет или не будет, многих сильно не волнует. Им сегодня надо всё. Что на это скажешь, беляк?

– Он тебе скажет! Ему ведомо всё, и истинно Он судья всему. Только Он.

Помолчали.

– А награды свои куда дел? – прервал недолгую паузу связной. – Ты, говорили, чуть ли не полный Георгиевский кавалер. Неужто побросал где?

– Схоронил. Придёт время, достану. Вспомню.

– Тебе не придётся, тебя зараз к стенке поставят.

– Я же сам, добровольно, зачем же к стенке, так сразу стрелять?

– Стрельнут и не пожалеют. Другие времена, другие нравы. Вот мой батя рассказывал, как в 1859 году пленили страшного Шамиля. Отец с другими казаками его до места ссылки в Калугу сопровождал. Перед отъездом в Калугу знаменитому имаму Дагестана и Чечни было разрешено провести несколько дней в Санкт-Петербурге и Москве. Так по всему пути его с почестями встречали губернаторы. А в столице заклятого врага империи с важной любезностью сам император Александр Второй принимал. А почему, думаешь, царь окружил такой заботой знаменитого пленника?

– Знаю, дед! Чтобы склонить на свою сторону остальных кавказцев. Худой мир всё же лучше доброй ссоры. Хотя клетка, пусть даже и золотая,

остаётся клеткой. А чего ты так хорошо дату запомнил, читал что ли?

— Читал, правда твоя. Да и родился я в следующем году, в 1860-м. Отец ещё рассказывал, как раненый Шамиль сдавался. Его зажали в горах, уходить некуда. У него мало оставалось мюридов — воинов по-нашему, да и многие горцы перестали его поддерживать. Если бы имама убили в бою, горцы мстили бы русским, и война бы продолжалась. А покуда жив он, верный клятве, обязан был продолжить освободительную войну. Оставался единственный выход: добровольно сдаться в плен на милость победителя и этим актом остановить в дальнейшем бессмысленное сопротивление. Говорят, когда Шамиль шёл сдаваться князю Барятинскому, его лучший мюрид кричал вслед имаму: «Прощу тебя, оглянись!»

— Зачем кричал?

— А чтобы убить его. Горцы не стреляют в спину. Поэтому требовал, чтобы тот повернулся лицом. Но он, попрощавшись со всеми, спокойно перешёл к нашим.

— К чему ты это мне рассказываешь?

— А к тому, что ты себя героем мнишь, кавалером Георгиевских крестов! Из-за брата, мол, прекращаешь борьбу с Советами. Да им наплевать на тебя и на таких, как ты. Вы на благородство рассчитываете, а они вам пулю в лоб. Так и знай, Василий Емельянович!

— Знаю, чего уж там!

— А шашка твоя знаменитая где, ещё дедовская? Припрятал? Продал?

— Как можно, старики! Тоже в надёжном месте.

— А что же не при себе? Ведь воюешь?

— Я не воюю. Как перед Богом клянусь: не стрелял и не рубал своих. Помню казачий завет: без надобности шашку не вынимай, без славы не вкладывай. Какая может быть слава у сражающегося против собственного народа?

— А ты об этом бандитам говорил? Они тебя дюже слухали?

Опять помолчали. Уже явственнее стали видны окраинные станичные огороды. Ещё полчаса, и они дойдут до Новоминской.

— Скажи, учитель, а что второго коня тебе не дали твои благодетели? Быстрее бы меня, злейшего врага, как ты говоришь, до ревкома доставил...

— Говорил я им об этом. Да комиссар беспокоился, вдруг ты на лошади ускакешь. И патрон к винтовке один-единственный дали, чтобы знак подать.

— Так я и на твоей коняке могу убежать.

— Да неужели ты на безоружного нападёшь?

— Так я и сам безоружный, даже без винтовки!

— Да как же ты на старика, на старшего руку поднимешь, на станичника? — недоумевал стариик. — Мы же казаки! У нас такое не в чести. Неужели такое могло тебе в мозги закрасться? — совсем разошёлся дед.

— Прости, отец, и не думал так. Не беспокойся.

— Да я и не беспокоюсь. Знаю тебя и твои корни. Без подлости твой род, тем и крепок был всегда. Разве смог бы ты жить с таким позором? Ладно. Скоро уж дойдём.

Через несколько минут дед вдруг остановил скакуна и снял шапку. Перекрестился. Посмотрел в сторону Новоминской, затем на Василия и громко сказал:

— Не верю я им, Василий Емельянович. Они создают мировую революцию и сметают всё на своём пути. Они — фанатики в своей новой вере и твёрдо убеждены, что кто не с ними, тот против них. Не видать тебе от них милости и прощения.

— Знаю, Авдей Сергеевич, и поэтому ничего хорошего от красных не жду. Если мои жизненные часы закончились, так тому и быть. Помнишь, в Экклезиасте: «Всему свой час, и время всякому делу под небесами. Время родиться и время умирать». Я проживу столько, сколько назначено судьбой. Ни красные, ни кто другой не в силах вмешаться в божье провидение. Не беспокойся за мою судьбу! Только у труса бывает несколько жизней, а я хочу свою единственную прожить честно и достойно. Если позволишь, расскажу тебе один случай из фронтовой жизни. В одном из боёв я столкнулся в рукопашной схватке с крепким уланом. Офицер был неплохим рубакой, и я десять-пятнадцать минут не мог с ним сладить. Меня выручило чудо: его конь на мгновение споткнулся, а мне удалось сильным ударом шашки выбить у него из рук саблю. Кинься он бежать или стал бы выхватывать наган, разрубил бы его, окаянного. А он слез с лошади, сложил руки на груди в знак покорности. Сдался. Он оказался австрийским полковником. Я тогда подумал: не от моей руки ему суждено было принять смерть. Значит, не перестали идти его жизненные часы. Вот так!

— Уходи, ваше благородие! Доберись ночами до Ростова и уезжай, куда глаза глядят. Авось, со временем что-либо изменится, а не изменится, хоть жить будешь. Жизнь — она лучше смерти, тебе ли этого не знать. Или возвращайся к своим обратно в плавни. Скажу, не вышел. Возвращайся!

— А брат-то мой как? Ведь ты же сам несколько дней назад передал, что красные взяли его в заложники и непременно расстреляют, если я добровольно не сдамся властям. Ты так просил передать весточку?

– Так-то так! – кивнул стариk. – Да стрельнут они тебя, и брата твоего, вот те крест.

Он снова осенил себя крестным знамением и продолжал:

– У вас же никого нет. Вы с братом последние в семье. Не приведи господь, оборвётся веточка.

– Не оборвётся, дед Авдей, всё будет хорошо. Им я нужен, брата отпустят, он мал ещё и ни в чём не замешан. Трогай коня. Поехали. Спасибо тебе за всё. А если желаешь действительно помочь, дозволь в церковь зайти. Богу помолюсь. Грехов за собой не чувствую, но вину перед Всевышним каждой клеткой ощущаю. Дозволишь?

– Дозволю. И сам с тобой зайду, если проклятые ещё двери не заколотили. Собирались. Говорят, Бога нету, сказки это, мол, буржуйские. А то как же без Бога?

Перед самой окопицей, когда они вплотную подошли к дамбе Бакумке, дед спешился, взял лошадь под уздцы.

– Чтобы никто не подумал, что ты пленник, а я караульный.

– Однаково мы равны, что ли, выходит?

– Нет, сынок, ты выше. Георгиевский кавалер, шутка ли! Это я должен тебя уважать как старшего, хотя ты и молодше меня. Так у нас, у казаков, героев почитали.

Покуда они шли к центру станицы, где стояла шестикупольная Свято-Покровская церковь, а через дорогу – ревком в бывшем здании казацкого правления, редкие станичники, уже завершившие утренние хозяйские дела, сквозь плетёную изгородь своего двора с тревогой смотрели на двух людей, устало идущих по улице Правленской (нынче ул. Советская). Державший за

поводья лошадь бывший преподаватель Алексеевского училища дед Авдей был известным в станице человеком, а второго, худого и болезненно бледного, шагающего в офицерской шинели и без шапки, никто не узнавал...

В тот же день Василия Емельяновича Зубаря и его младшего брата Павла под усиленной охраной отправили в Краснодар.

Назад братья не вернулись...

\*\*\*

Через 78 лет на запрос о судьбе полного Георгиевского кавалера Зубаря Василия Емельяновича из компетентных органов пришёл следующий ответ:

«Зубарь Василий Емельянович, 1886 года рождения, житель станицы Новоминской, был арестован 16 мая 1921 года по обвинению в участии в контрреволюционной организации полковника Жукова.

Постановлением коллегии Кубчека 23 сентября 1921 года осуждён к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведён в исполнение 28 сентября 1921 года.

15 июня 1999 года прокуратурой Краснодарского края Зубарь Василий Емельянович реабилитирован...»

\*\*\*

Помиримся: белые и красные.

Простим старые обиды.

Не допустим, чтобы из наших сердец вновь вырвалась дикая страсть всеразрушения и всеистребления, приведшая наш народ к величайшей трагедии в истории человечества.

Посвятим себя в новом веке и в новом тысячелетии миру и созиданию, исходя священной любовью к самому дорогому на земле – Родине.

**Зоя СИЗОВА**

# Чую, як бандура плаче

Чую, як бандура плаче  
По судьбе твоей, козаче.  
Чи ты помныш, дэ вродывся?  
Встав бы сам, та й подывывся:  
Ны хрэста та й ны могылы,  
Дэ тэбэ похоронылы.  
Лыш репьях, та стари гылья  
Од козачого подвирья.  
Дэсь и зовсим роспахалы  
Зэмлю, дэ тэбэ кохалы:  
Можэ, дэсь у лиси сгынув,  
Можэ, дэсь на нарах стынув?  
Що зробылы з тобой каты,  
За що став ты вынуваатый?  
Сияв хлиб, дэржав скотыну,  
Жинку мав, кохав дытыну.  
Що було тоди нэ так,  
Зо що вклэялы – «кулак»!  
Виру в Бога загубылы,  
А тоди и зовсим вбылы:  
Тильки, знов бандура грае  
Про козаче, про Мамая.  
И про Хвэдора Щербыну,  
Про защитныків Аюнина.  
Та й заграй про Данысэнка,  
Що спивав и у застенках.  
Про дидив, про сыви чубы,  
Що в болотах завжды гублять.  
Вин казав, що наши диты  
Будуть чортови служыты.  
А жинки, що е в их сылы,  
Замовчать, хоч до могылы:  
Знав я чую: - Сэрцэ стынэ!  
Ты ж моя надия, сынэ!  
Е у тэбэ й батько, й дид.  
Нэ страмысь на билый свит

Подывыцца прямо в очи.  
Совисть хай тэбэ нэ точе!  
Жив – нэ стыдно спомынаты:  
Да, любыв тэбэ и маты.  
И робыв, дэ б ны казалы,  
А за цэ – нас убывалы:  
- Спы спокийно, як иначе?!

Сын помьянэ – та и поплаче.  
Як нэмае – прыйдут люди –  
Спомнэ хтось и нэ забудэ.  
А як зовсим нэ помьянуть –  
Мое сэрцэ будэ въянуть.  
По судьби твоей, козаче,  
Я з бандурою поплачу.

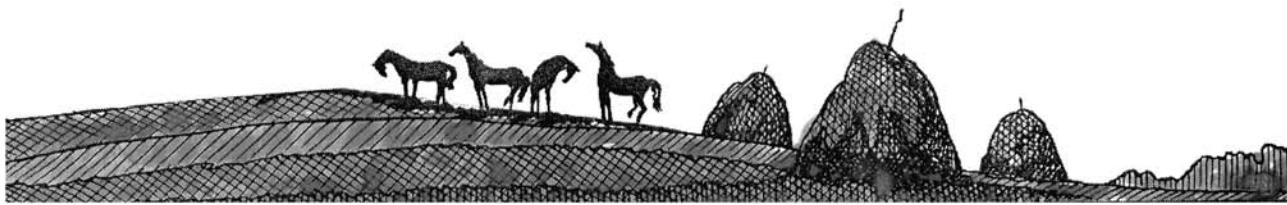
# Ветру

Ни ясного солнца, ни светлой луны  
Не видно на небе седом,  
И нет мне покоя, и нет тишины –  
Лишь ветер гудит за окном.

Стучит и хохочет, и плачет буян,  
И рвется опять в бесконечность.  
Мне кажется, воин мой намертво пьян,  
Но это на время, конечно.

Его не привяжешь беседами, нет:  
Упряжка ему не годится.  
Но скоро наступит желанный рассвет,  
И он перестанет сердиться.





Виктор АНДРЮЩЕНКО

## К НОВОЙ ЖИЗНИ

Исторический этюд

Осенью 2001 года кубанской станице Приольной исполнилось 120 лет. История её заселения и развития в общем уже известна. Автор предлагает читателям своё видение того, как начиналась станица.

Бурным был сход новомышастовцев. Казаки этой станицы уже давно проявляли недовольство тем, что население росло, а земельный надел оставался таким же, как и при первом размежевании. К тому же, в Новомышастовскую прибывали всё новые поселенцы, многие из них норовили записаться в казаки и получить землю. Общественной земли уже не осталось — почти вся толока была отдана под наделы. А казаки знали, что ещё очень давно для их станицы в юрте Бриньковской был отмежёван участок земли площадью тридцать тысяч десятин. Знали, что почти всю эту землю станичное общество сдавало в аренду купцу Варварову и войсковому старшине Бардаку. Сдавали почти задаром, а свои казаки бедствовали на малоземелье. Особенно страдали те, кто получил свои паи по берегам Кубани. Весной она широко разливалась и надолго затопляла пахотную землю, делала её непригодной для хлеборобства. Вот и шумели казаки на церковной площади.

Церковная служба закончилась, и люди стояли в ожидании схода. Вопрос о земле был настолько острым, что домой не пошли даже женщины. Самые бойкие из них подзадоривали казаков.

— Понайхалы кацапы на нашу голову, зэмлю захватылы, а нам ныма.

— Бардаковы гроши пропылы «бороды», а нам хоть торбу на шыю, та иды свитзаочи.

— Эй, казакы, если боййтэся, дайтэ нам, мы сами з атамана и землю, и гроши вытрясэм.

Наконец тыжневые вынесли небольшой столик и скамейку для писаря. Люди подвинулись ближе к правленческому крыльцу. Вперёд, выставив бороды, позванивая крестами и медальями, увешанные дорогим оружием, двинулись

самые пожилые и самые зажиточные казаки. Им сегодня никак нельзя быть сзади. Надо любым путём вырвать землю, а заодно и избавиться от голоты, которая совсем охамела.

На крыльце вышел дежурный вахмистр Козуб и объявил:

— Господа козакы, з вамэ сичас будэ балакать станышный атаман.

В дверях правления в сопровождении помощников — писаря и отца Георгия — появился атаман Фат. Он был маленького роста, щуплый и мешковатый. Тёмная черкеска висела на нём, как на палке, большая папаха низко надвинута на глаза.

Одного беглого взгляда хватило этому старому лису, чтобы оценить обстановку. Он сразу же понял, что сход будет жарким, и больше всего боялся, что казаки потребуют раздела арендных денег. Атаман подошёл к столу. Рядом с ним стали помощники и отец Георгий, писарь усёлся за стол и приготовился записывать. Фат поднял насеку, и толпа мгновенно стихла. Он снял папаху, поклонился на три стороны и снова надел её.

— Господа козакы. Давайтэ всем мыром рышымо, що нам робыть з зымлею. Срок арэнды конъчайци в апрэле цего года. По договору и Бардаки, и Варваров выплачуют нам остаток грошэй и покыдают наш брынькивский надел. Правда, Варваров просэ ще дать зымли и обищае харашиб заплатыть.

Последние слова атамана взорвали сход.

— Хватэ. Дэ ци гроши?

— Хочиш ще одын вынбарь поставить?

— Пропылы выборни нашу зэмлю.

— Геть того купця.

Атаман снова поднял насеку. Привычные к дисциплине казаки сразу смолкли. А Фат продолжал:

— Господа, давайтэ послухайим, що хто дума про тэ, як нам рышыть з зымлею. Як рышытэ, так и прыговорым.

В круг вышел Григорий Паламаренко. Он служил в личном конвое царя, но сейчас находился в станице — в отпуске. Несколько лет он уже прожил в столице, стал таким важным, даже по-русски научился говорить.

— Господин атаман, господа казаки. Надо выселить из станицы всех городовиков, всех лодырей и воров, тех, кто не почтает наших правил и мешает нам жить.

Заявление Паламаренко опять вызвало возмущение.

– Отпускатэ, куркулти, пойидым, а шо?  
– Знайим, чим мы тоби мишайим.

Фат почувствовал, что скоро между казаками начнётся потасовка, и опять призвал их к порядку. В круг почти бегом выскочил Патрикей Семеняка, высоким петушинным голосом он закричал:

– Чого ради таку зэмлю оддавать кацапам та всякым там бойстрюкам? Мы й сами пойидым на нови земли. Я тоже пойиду, як шо що захоче.

Услышав одобрительные выкрики из толпы, атаман облегчённо вздохнул. Он хорошо знал, что зажиточные домовитые казаки не очень-то сдвинутся с насиженных мест, а оттого, что уедут такие, как Семеняка, станица не пострадает. И он сразу же ухватился за эту мысль:

– Правильно. Хто хоче, пыштица. Козак вин такый, любэ новыну.

– Леоненка пышы.  
– Черного.  
– Оноприенка ны забудь.  
– Пышы й мэнэ с Приськой. Пойидым, подымось, як воно там.

К столу начали подходить добровольцы. Многих подбодрило то, что среди записавшихся был Григорий Леоненко, Патрикей Черный. Это были очень уважаемые в станице люди. Они были хранителями старых казачьих традиций и не один раз на сходках отстаивали права казаков. Записались на переселение и несколько довольно зажиточных казаков, таких как Скородод Макар, Чернобай Потап, Авраменко Яков и другие. Увидев их среди записавшихся, казаки шутили:

– Ци й там ны пропадуть. Чого йим? Одних быкив по шисть пар.

– А плугы, а вынбары!

Писарь Яковенко сменил уже второй лист, а добровольцы всё подходили. Когда огласили список, в нём оказалось 62 семьи. И сразу же на площади поднялся шум. Кто-то не хотел отпускать дочку с непутёвым зятем, кто-то голосил по сыну, как будто он уходил на войну. Отцы грозили своим непокорным сыновьям, родные братья уже на сходе начали делить батькивщину.

В этот же день, 8 марта 1881 года, было решено, что переселение начнётся осенью, после уборки урожая, но так, чтобы успеть на новом месте хоть как-то обустроиться на зиму и вспахать зябь, да хоть немного посеять пшеницы и жита. Переселенцам решили выдать по 20 подвод для перевозки имущества. А Григория Леоненко и патрикея Черного избрали уполномоченными для вручения Начальнику Кубанской области приговора новомышастовцев для утверждения.

Сход закончился в поздний обед. Занятые важными делами люди не заметили, что на улице уже весна. После долгих и нудных дождей засветило яркое солнце. Кое-где на бугорах стала уже просыхать земля. По улицам, ошалевшие от первого солнца, носились дети. Отогревшиеся после долгого ненастяя воробычи чирикали так громко, что обременённые своими думами люди останавливались и, махнув на них рукой, ворчали:

– А шоб вам луснуло. Кричать як оглашеньни. Кыш!

К вечеру станица затихла. Казаки поужинали, накормили и напоили скотину, отдыхали. Но в сумерках, прижимаясь поближе к плетням и заборам, собирались по хатам переселенцы, чтобы обсудить свои дела. К дому атамана шли самые именитые казаки, чтобы «обмыть» удачу. Они хорошо знали, что это переселение – только начало. За первыми потянутся и другие, а чем больше уйдёт, тем больше свободной земли останется. А уж прибрать её к рукам они сумеют. К решению схода равнодушных не было.

Долго в эту ночь не спала Новомышастовская. Долго горели огни в окнах куреней. Гуляющий над станицей ветер доносил из степи запах просыпающейся земли, земли, за которую так много воевали и погибали люди.

С трудом пробираясь через заросли кути и камыша, Потап вышел на бугор. Следом за ним, растянувшись во всю греблю, двигались подводы. С бугра старый Брыньков уже еле виднелся в утреннем тумане. Сквозь скрип колёс и треск уже застаревшего камыша до него доносился недовольный голос его Федосеевны:

– Сыдив бы дома, старый бурлака, так не – поплился на нови земли. Бильше б слухав старых людэй, ты покорявся, ны прышлось бы бовтатьца по свити билому.

– Цыть, бабо, – гаркнул на неё Потап, – скоро будым на мисти.

С вершины бугра на восток взору открывалось широкое, до самого горизонта, поле, покрытое высокой травой. Слева в лиман врезалась степная балка, справа возвышался курган, почти до самой вершины заросший травой и терновником. Здесь, на бугру, трава была немного примята, и еле просматривающаяся колея терялась в зарослях. Переехав Брыньковскую греблю, обоз остановился. Решили дать отдохнуть волам и лошадям.

Ощущение близкого окончания нелёгкой дороги немного оживило людей. Громче заговорили женщины, повсюду кидали с возов дети. Казаки собрались в кружок, и вскоре вокруг разнёсся терпкий запах казачьего самосада. Несколько подростков побежали по колее в траву, но вскоре, как стайка

воробъёв, выпорхнули оттуда. Послышался топот лошадей. Привыкшие ко всяkim неожиданностям казаки схватились за шашки, начали срывать с плеч ружья. Прямо на них выскочили два всадника. Не останавливая своих низкорослых косматых лошадей, они загарцевали по кругу.

— Знаком, не стреляй, дай табак.

Это были калмыки. Оба одеты в кожаные брюки и куртки, на головах у них смешно топорщились островерхие грубой работы шапки. У одного чернели обвислые очень жидкые усы, а у другого из-под шапки свешивались две чёрные, как смоль, косы. У обоих во рту были потухшие трубки. Попробовав казачьего «дериглota», калмыки благодарно закивали головами и блаженно закрыли свои и так не очень широкие глаза. Женщины, было притихшие на ближайших возах, зачарованными.

— Гля, баба, а күрэ як той козарлюга, а шоб тоби!

Но калмыки довольно прищёлкивали языками и приговаривали:

— Корово казак, хорошо табак, хорошо.

Разговаривать с этими детьми степей было нелегко. Но всё же удалось узнать, что эти калмыки — пастухи купца Варварова. Что они пасут здесь стада и табуны по Очеретоватой балке... Калмыки как-то узнали о том, что приезжают их будущие соседи, и выехали, чтобы засвидетельствовать им своё почтение.

Из разговора с пастухами выяснилось, что скоро, в ближайшей балке, можно встретить несколько колодцев с водой, пригодной для питья и приготовления пищи. Калмыки знаками показали, что к ночи переселенцы будут уже на месте, подъедут к большой воде. Они ещё немного покружили среди казаков, попросили табаку и, не прощаясь, ускакали в заросли. Вслед им казачки кричали:

— Ну баба, анцыхрист в юпки. Күрэ як самонешда.

Пока отдыхали и разговаривали с калмыками, солнце уже на целую четверть поднялось над степью. Потап подал команду, и возы двинулись вперёд. Взрослые казаки вели за налыгачи волов, подростки верхами и пешие направляли на дорогу овец, коз, коров и лошадей... На возах сидели только самые старые и малые. Остальные, чтобы не перегружать волов и лошадей, шли пешком, лишь изредка садились на возы отдохнуть. Всё вокруг наполнилось скрипом колёс, шуршанием травы, мычанием, блеянием, ржанием, криками погонщиков. Выстроившись в длинную вереницу, переселенцы двинулись на встречу поднимающемуся солнцу, к новой неизвестной жизни.

Григорий Леоненко с несколькими казаками шёл впереди обоза саженей на пятьдесят. Они с Патрикеем Черным уже побывали здесь весной, после того как Начальник Кубанской области утвердил приговор новомышастовцев на переселение части казаков в Бриньковский юрт. Теперь они были как бы проводниками. Григорий уже несколько раз рассказывал казакам, что земля там привольная, а вокруг неё — лиманы, и рыбы в них... Много камыша, есть хорошая глина. Будет из чего строить хаты. А старого камыша и сухого терновника хватит и внукам. Каждому из казаков не терпелось самому всё это увидеть. Уж очень они натерпелись в безземельи.

А щедрое сентябрьское солнце пригревало всё жарче. Высоко в небе высматривал свою добычу степной орёл. Справа и слева на курганах стояли скифские «бабы» и пустыми глазами смотрели на мир. Люди радовались красоте осенней степи. Слева, в плавнях, гоготали дикие гуси, крякали утки, плескались какие-то птицы, из-под ног волов то и дело выскакивали куропатки и перепела. Люди с интересом оглядывались вокруг, радовались обилию корма для скота, сухого бурьяна и терновника для топки печей, широкой глади тянущегося слева лимана.

Вскоре лиман остался далеко слева, и кругом была только дикая степь. Когда солнце уже высоко поднялось над головой, подъехали к глубокой степной балке, на дне которой виднелось несколько копаней. Земля вокруг была занавожена и усеяна копытами лошадей, коз и овец. Балку пересекали две дороги. По ним и решили переправлять возы. Переправой руководил Чернобай Потап. Ещё в Новомышастовской станичный сход наказал переселенцам избрать его атаманом нового посёлка. Он приказал вставить в колёса специальные палки — гельма — и осторожно, по одному, опускать и потом поднимать возы.

Одновременно с возами чуть в стороне перегоняли скот. Делали это тоже осторожно, стараясь сберечь весь скот. Ещё не все возы переправились, а на противоположном склоне балки уже задымились костры. Растропные казачки готовили походный кулеш. Вскоре все расселись вокруг своих костров и быстро пообедали. Во время обеда по обеим сторонам балки были выставлены пикеты служилых казаков. Незнакомая местность требовала осторожности.

После завтрака опять стали выводить возы на дорогу. Оставался один переход. По свидетельству Леоненко и Чёрного, к вечеру они должны быть уже на месте. После отдыха движение заметно ускорилось. Даже, казалось, безразличные ко всему волы шли быстрее, как бы зная, что

их ждёт отдых и хорошее пастбище. Прошедшую ночь переселенцы ночевали на окраине Бриньковской. Местные жители рассказали им, что на берегу Сладкого лимана они должны увидеть две заброшенные хаты и одну полуразрушенную кошару. Выехав на небольшую возвышенность, подводы и возы казаки остановили, чтобы дать отдых волам и лошадям. И люди замерли, поражённые открывшимся видом. Верстах в трёх впереди в конце ровной пологой долины стояли и долгожданные хаты, и кошара. А за ними почти до самого горизонта синел лиман. Противоположный берег его был еле виден. Левее степного ерика, у лимана, рядом с хатами и решили остановиться. Это место выбрали старики и для табора, и для будущего посёлка.

Первые подводы расположились сразу у ерика, а остальные – левее, вдоль берега лимана. Каждая семья ставила свои возы полукругом, открытой частью его к лиману. Уж если и грозила им опасность, то только из степи. Ещё заранее переселенцы договорились, с кем по соседству они будут располагаться и впоследствии строиться. Но не обошлось и без мелких стычек. Кто-то хотел расположиться у хорошего естественного спуска к лиману, кто-то передумал селиться рядом с тем, с кем собирался. Но военная дисциплина у казаков имела место и в военное, и в мирное время. Женщины и подростки стали снимать с подвод и возов самые необходимые вещи. Мужчины кинжалами и шашками рубили высокий камыш, стелили его и на возы, и на землю. Новосёлы старались до наступления темноты приготовиться к ночлегу.

Несколько старииков отошли в сторону. Кинжалами и лопатами они ковыряли землю, тёрли её в руках, нюхали. Земля показалась им очень плодородной. Здесь же решили, что на этом месте и остановятся. Завтра разгрузят данные обществом Новомышастровской возы и отпустят их возниц домой, а сами станут устраиваться. Немалую роль в выборе посёлка сыграло то, что у хат и у кошары было уже несколько готовых колодцев, и за питьевой водой далеко ходить не надо, а рыть новые – дело долгое. Да и поить скотину из лимана было очень удобно. Вода в нём оказалась хоть и не очень приятной на вкус, но скотина её пила с удовольствием.

До наступления сумерек в лагере стоял гомон. Кто-то переставлял возы, кто-то ругался на скотину, кто-то никак не мог вспомнить, на каком возу у него полсть, попона или тёплые кожухи. С наступлением темноты всё более-менее успокоилось. Скот под присмотром молодых казаков выпустили в степь на пастбище. На срубленный камыш и сухой бурьян постелили рядна, полсты и попоны, и

на них устроились мужчины. Женщины, старики и дети предпочли спать на возах. Когда совсем стемнело, зажгли костры, и казаки ещё долго сидели возле них, покуривая свои люльки. На ночь учредили караул вокруг табора из служилых казаков. Как ни устали люди, а долго ещё не могли уснуть на новом месте. Наконец, всё смолкло. Налетевший с лимана ветер пошелестел камышом, поиграл в спицах возов и, обласкав чубатые казацкие головы, улетел в степь.

На другой день после Покрова в табор переселенцев прискакал конно-нарочный из Новомышастровской. Он сообщил, что в ближайшее воскресенье сюда приедет атаман Фат, чтобы провести сход жителей посёлка. Весь предшествующий приезду начальства день казаки приводили в порядок свой лагерь. Посёлком его назвать пока было трудно. К этому времени люди успели спрятать свои вещи под навесы из дерева и камыша. Построили временные коновязи и базы. Кое-кто или вырыл уже землянку, или построил примитивный курень. Везде были видны кучи свежевскопанной земли, разбросанный стройматериал, кучи камыша, кучи терновника для отопления жилищ. Кое-где уже виднелись тургучные основы будущего дома. Но мазать его было уже поздно. Большой проблемой было, как укрыть от зимних холодов коров и дойных коз, как и где укрыть птицу. Благо, пастбище было ещё хорошим, и до холодов скот можно было ещё пасти в степи.

Но уже пахло жильём. Дымились костерки, на которых готовили пищу, кое-где виднелись закопанные палки с верёвками, на которых сушилось нехитрое бельё. Одним слово, здесь уже жили люди. Они строились, готовились к зиме. В общем беспорядке возов, стройматериалов, копен сена, куч камыша и терновника уже просматривался присущий казачьим поселениям порядок, проведены две очень прямые борозды – будущая улица. А пока все расположились вдоль лимана. Впоследствии это место станет улицами Кирпичной, частично Московской и Набережной. Но это будет очень нескоро.

В воскресный день с утра всё уже было готово к приезду станичного начальства. Новый посёлок в административном отношении был частью Бриньковского юрта и вместе с этой станицей входил в состав Темрюкского отдела. Атаман Новомышастровской уже не был его начальником, но по договору он должен был провести сход, избрать атамана посёлка и дать ему название. А потом как бы передать его Бриньковскому станичному атаману.

Уже с раннего утра у временных коновязей были привязаны строевые кони, на возах разложена конская упряжь и другая военная амуниция.

Старики расхаживали вдоль возов и давали по-следние указания и замечания. Нескольких подростков верхами направили далеко в степь, чтобы они увидели атамана и предупредили жителей посёлка. Десять наиболее именитых казаков во главе с вахмистром Дмитрием Беликом должны были встретить атамана и вручить ему хлеб-соль.

Время близилось к позднему завтраку, когда прискакали дозорные и сказали, что уже появилась линейка атамана с вооружёнными всадниками. Казаки, отслужившие действительную службу, и казаки-старики построились в одну шеренгу. Не доехав несколько саженей до строя, кучер резко осадил лошадей. Атаман с писарем и отцом Георгием сошли с тачанки и направились к строю казаков. Вахмистр Белик молодецки доложил атаману, что население всего посёлка собралось на сход. Атаман со стариками обошёл посёлок, посмотрел строевых коней, военное оборудование и принадлежности. Прошёл по некоторым дворам. Везде его сопровождал священник. А писарь в это время подготовил стол, скамейку, выяснил, сколько казаков, имеющих право голоса на сходе, есть в наличии. Когда атаман со священником возвратились на прежнее место, казаки Гладкий Иван и Маловик Иван поднесли атаману хлеб-соль. Атаман поклонился сходу и обратился к казакам. Он сказал, что уполномочен провести сход казаков посёлка, чтобы избрать атамана и выбрать наименование посёлку.

— Господа козаки. Кого б вы хотели бачить своим атаманом?

- Черного.
- Леоненка.
- Чернобая.
- Потапа давай.

Атаман опять обратился к казакам.

— На сходи в станыци мы договорылись, шо атаманом посёлка будэ Потап Чернобай. Я попросыв його до схода послидыть тут за порядком. Якшо вы сходни, то ныхай Потап Чернобай и будэ атаманом. Атаманом посёлка...

Так как другие фамилии перестали выкрикивать, то Фат пригласил Чернобая в круг и сказал:

— Отак, козакы, цэ ваш батько-атаман. Слухайтэ його и пидчиняйтэсь. А як же мы посёлок назвэм, га?

- Чорноморъский.



Такое название всем пришлось по душе. Казаки выразили своё одобрение возгласами:

— Хай будэ Привольный.

Сразу же после проведения схода новомышастовское начальство уехало. А казаки по случаю избрания атамана и выбора названия своему посёлку решили устроить небольшой отдых. Они расселились на берегу лимана. На разостланных ряднах разложили нехитрую закуску, расставили горластые кувшины с горилкой. Пили за здоровье нового атамана, за Привольный посёлок, за благополучную зимовку. Вспоминали былье походы, своих друзей, родных, оставшихся в Новомышастовской. Потом ещё долго пели протяжные украинские песни.

Незаметно наступили сумерки. При зажжённых кострах продолжали пировать казаки. На время они забыли о том, что скоро зима, что ещё не готово жильё, что на зиму надо куда-то определить скот, что надо ещё рыть колодцы, а самое главное — закончить пахоту и посеять в зиму пшеницу и жито.

Потап Чернобай незаметно покинул гулянье. Ещё на сходе в Новомышастовской понял он, что быть ему атаманом нового посёлка, с нетерпением ждал выборов. Теперь он атаман. Вместе с тайной радостью его взяла тревога за будущее посёлка, своей семьи. Ведь работы предстоял непочатый край.

Одолеваемый этими мыслями, он пошёл в степь. Проверил иочные дозоры. При его появлении казаки вставали. Обращение «господин атаман» приятно щекотало его самолюбие. Когда он возвратился в посёлок, по всему табору слышался богатырский храп. Большинство взрослых казаков предпочитали ещё пока спать на возах.

Жена и два сына Чернобая спали на разостланной бурке, постеленной поверх камыша. Лёг и Потап. Долго не мог уснуть. Смотрел на курносое лицо своего младшего сына, который чему-то улыбался во сне. Потом, долго ещё глядя в осеннее небо, вспоминал службу, сражения с черкесами, своё житьё в Новомышастовской, о том, что заставило его разобрать ещё не старый отцовский дом и пуститься в это путешествие.

Поднявшийся высоко месяц с удивлением заметил на земле новый посёлок Привольный.



Историко-  
литературное  
объединение  
**«Родник»**

Владимир САЯПИН

# ДОВОЕННОЕ КИНО

С грустью, что вполне понятна,  
Вспоминаю иногда  
Я, пацан шестидесятых,  
Те далёкие года.

Старый парк станичный тенью  
И проходадою манил,  
Только что сменили деньги  
И на Кубе кризис был.

Длинный дом на шесть крылечек,  
Под сиренью – рай земной,  
Здесь стучали каждый вечер  
Папы в майках в домино.

На девятое на мая  
Накрывали общий стол,  
Выпивали, вспоминали:  
Кто пришёл, кто не пришёл.

Платья из сплошных оборок,  
Брюки жуткой ширины.  
Было им едва за сорок  
Ветеранам той войны.

Танцевали, пели песни  
И не спали до утра.  
Эх, какой была чудесной  
Та далёкая пора!

В месяц раз, как по заказу,  
Возникал среди двора  
С ручкой сбоку, лупоглазый,  
Чёрный киноаппарат.

На некрашеном заборе –  
Все в заплатках – полотно.  
Здесь крутил Кравцов дядь Жора  
Довоенное кино.

Где он брал кинопроектор,  
Плёнки где? Никто не знал.  
Двор его любил за это  
И, бесспорно, уважал.

Сонно воробы ругались,  
В стихших на ночь тополях  
На траве располагались  
Мы в родительских ногах.

Извиваясь, по экрану  
Беломора плыл дымок,  
Тёту Клаву дядя Ваня  
Тихо щупал под шумок.

Мама нос подолом вытрут,  
Чтоб не шмыгал в темноте.  
Гreta Гарбо, Марлен Дитрих  
Ясно помню фильмы те.

Милые мои соседи!  
В летней душной тесноте,  
Непосредственно, как дети,  
Принимали фильмы те.

Замирали в изумлении,  
Спорили до хрипоты.  
И дремали на коленях  
Разлукавые коты.

Гас экран – не расходились,  
Под полночный звон сверчков  
Перед сном отцы курили,  
Мы ловили светлячков.

А потом, под звёздный шорох,  
Средь мохнатой тишины,  
Мы, благодаря дядь Жоре,  
Видели цветные сны.

Мы во сне, как в сказке, жили  
Тем, что видели в кино,  
Тихо цокает будильник,  
И распахнуто окно...

Вот и мне – «едва за сорок»  
И не всё, как быть должно,  
Постарел и ты, дядь Жора,  
Вот такое, брат, кино.

Мы ж с тобой – друзья до гроба,  
Хоть не виделись давно,  
Так давай крутнём без пробы  
Небывалое кино!

Я хочу тебя, дядь Жора,  
Попросить от тех ребят:  
Покрути назад неспоро  
Старый киноаппарат.

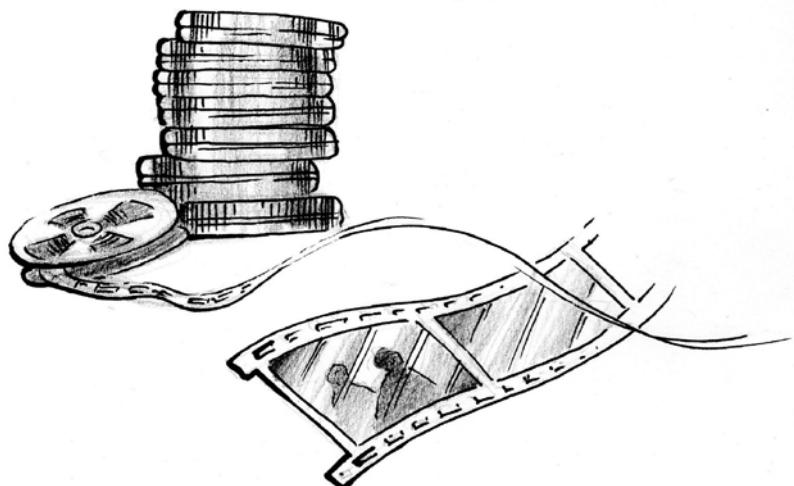
Чтоб обратно, в детство прямо,  
Хоть на часик, наконец,  
Чтобы не болела мама,  
Чтобы не старел отец.

Чтоб тебе – едва за сорок,  
За окошком – луг в цветах.  
Что же ты молчишь, дядь Жора,  
Добрый, всемогущий маг?

Ладно, не грусти, не нужно,  
Что расстроил – извини.  
Ты по дружбе, старой дружбе,  
Как-нибудь мне позвони.

Хоть забот набралось столько,  
Брошу всё, что мне их плен?  
Посидим с тобой за стопкой,  
И споём «Лили Марлен».

Пусть потом защемит сердце –  
Позвони мне всё равно,  
Пригласи меня из детства,  
В довоенное кино.



\*\*\*

Там, на столике в сквере,  
В бывшем летнем кафе,  
Кисть рябины в мадере,  
Саксофон подшофе...

Блюз осенний случайный,  
Словно выпивший друг,  
Как заблудшая чайка –  
Саксофон на ветру.

Листья сорваны грубо,  
С плеч деревьев нагих.  
Стынут астры на клумбах,...  
Сколько горечи в них!

Небо зыбкого цвета,  
Грусть и съёженност крыши,  
От ленивого лета –  
Лишь обрывки афиш.

Не смешно и не в терцию,  
Первый лёд поутру.  
Клоун с осенью в сердце –  
Саксофон на ветру.

Пальцы нервные, тонкие,  
Ветер, словно палач,  
Им же сломанный зонтик,  
Им же скомканный плащ...

О простом и о вечном,  
О несбывшемся стон,  
Плач души изувеченной –  
На ветру саксофон...

\*\*\*

Я Вам не позвоню, Вы за день так устали...  
Я Вас не разбуджу, мне дорог Ваш покой.  
Я не хочу, чтоб Вы потом в окне стояли,  
Халат у горла сжав холодною рукой.

И больше от меня ни слова и ни фразы...  
Я этой немоты, как холода боюсь,  
Но я Вам не приснюсь, Вы слышите, ни разу!  
Вот так вот соберусь, и больше не приснюсь.

За то, что мне сейчас так дико и бездомно,  
Конечно же, я Вас когда-нибудь прощу.  
Но если я мечусь по городу пустому,  
То это я не Вас, а сам себя ищу.

А ветер – как труба Армстронга в старом клипе,  
И дождь по лужам пишет расхлябанный курсив...  
Я вновь не закричу, не прошепчу, не всхлипну,  
Озябшую ладонь до крови закусив.

А Вам ведь дальше жить в подлунном и жестком,  
В том мире, где я Вами любимым быть не смог.  
Я не обижу Вас ни словом, ни упреком,  
Одно лишь прошепчу: «Пускай хранит Вас Бог...»

Николай ЛЕМИШ

# ГОСПОДНЯ КАРД

«И времена были бы  
не такими подлыми,  
если бы мы не были  
такими подлецами...»  
М. Е. Салтыков-Щедрин

Прихода каждой ночи Степанида Власовна ждала со всеусиливающимся страхом. Давно её душу терзали тяжкие думы. Они были связаны с её прошлым. И поэтому из-за своей болезни, пребывая между сном и явью, она вновь и вновь окуналась в воспоминания о давно ушедших днях, отзывавшихся тяжкой душевной болью. В ней давно уже не осталось физических сил, и её тело давно иссушала болезнь, и только душа её жила. Она ещё была её собственностью. Её молодость, сила, сноровка были растрочены на тяжкой работе при исполнении чужих планов и чужих идей. Но труднее всего было пребывать в состоянии вечной тревоги и неизбежности разоблачения. Она только то и делала, что заглушала в себе чувство страха. Но шли годы, боязнь, что приедут ночью и арестуют, сменилась уверенностью, что о её поступке так никто и не знает, разве только она сама. Однако были моменты, что тревога всё же брала за горло, и тогда она торопила и без того неугомонный бег времени. Работая сутками, спала мало. Не имея права на своё «Я», она покорно принимала на себя удары судьбы, тревожась только за детей и внуков. Всё с ней происходившее, она считала наказанием, данным ей Богом за содеянное. Под закат жизни судьба преподнесла ей тяжкий удар. Она потеряла сына, похоронила невестку и жила теперь со взрослым внуком и его женой – добрыми хорошиими людьми. Жизнь была практически прожита, все кануло в лету, забылось, а тлевший до этого костёр её судьбы был уже покрыт пеплом забвения. Но в сердце её тупой и ноющей болью вновь вонзилась тревога. Она была теперь новой, более высокого порядка, в её сердце был страх встать в Судный час перед судом Создателя. И в эту ночь она приняла решение облегчить душу священнику и с именем Господним на устах рассказать о том, что она так тщательно прятала в своей памяти. Последняя исповедь должна была разрешить всё...

Едва дождавшись утра, она сообщила внукам о своём желании причаститься и собороваться. Передала настоятельную просьбу батюшке – отцу Михаилу: как будет время, прийти в её дом и выполнить её требы. Внучатой невестке наказала купить всё необходимо по этому случаю.

Теперь она пребывала в состоянии тревожного ожидания. Время текло медленно, и Степанида Власовна погрузилась в тяжкие раздумья. Вспоминалась многочисленная семья, в которой она жила без забот и хлопот до коллективизации, безбедная, счастливая жизнь... А потом наступила коллективизация. Она бросила её детскую судьбу озмь, да так, что осколков её не собрать и до конца жизни...

Отец её вернулся с Гражданской войны хоть и хромым, но дело хлеборобское повёл с толком. Вся семья трудилась не покладая рук, и дети ссыльства были приучены к труду. Всем находилась работа по возрасту и возможностям. Сеяли пшеницу, овес, ячмень, просо, держали гулевой скот, три дойных коровы, пару коней, полсотни овец. Всё лето дети были в степи, а осенью учились, и не безуспешно. Обычно по осени, продав часть зерна и скотины, отец с матерью покупали обновы себе, детям, своим родителям. Жить бы да радоваться, но весною 32-го зачастили по дворам бесцеремонные люди с сурово-неприступными лицами: мужчины во френчах, нередко с оружием, женщины в красных косынках. Верховодила всеми старшая дочь их соседа Демида Демьяновича – Агафья.

Была она девица своюенравная, себялюбивая, и не только с характером, но и с неуёмной жаждой власти. Соответственно она не осталась незамеченной и пользовалась полной поддержкой местных комсомольских вожаков. Она сумела понравиться и заведующей женотделом при МТС Макагоновой. Пользуясь полным доверием, верховодила группой активистов. Кстати, в комсомол вступила одной из первых, сразу надела красную косынку и, как злословили люди, в ней и спала. Возле Агафьи постоянно крутилась некая Анна, следя буквально по пятам. Агафья, будучи от природы неглупой, научилась произносить зажигательные речи, кипя ненавистью к классовому врагу. Более того, выросши в религиозной семье, она стала воинствующей атеисткой, одновременно возненавидела тех людей, которые мешали строительству новой «счастливой» жизни. Стремясь полностью освободиться от прошлого, она своё неблагозвучное имя сменила на самое модное – Велиора. После этого перевоплощения даже родной отец стал относиться к ней с опаской. Стало ясно, что в дальнейшем ничто не остановит эту карьеристку. Последующие события подтвердили это полностью.

Когда на Кубани был окончательно сорван план хлебозаготовок, властью была затребована особая категория людей, жестоких и беспрincipальных, для выколачивания у казаков якобы сокрытого ими зерна. И вместо того, чтобы разобраться в

ситуации, власть заняла крайне негативную позицию, определив всех в саботажники. Активистам-комсомольцам надлежало в кампании по изъятию хлебных излишков выполнить роль активных исполнителей. У кого из них была совесть, те легли со всеми в голодомор 33-го года в братские могилы. Другие же, как новоявленная Велиора, напитавшись злобой и жестокостью, с энтузиазмом принялись за работу. Жалость и сострадание по отношению к хлеборобу были определены как химера. Короче, жестокосердие становилось нормой жизни... Степанида Власовна на время вздохнула и прервала свои безрадостные воспоминания. Но цепкая память вновь вернула её к тем трагическим дням...

Уже в октябре 32-го года начали с прилавков исчезать продукты. Появились люди с голодными глазами и отёчными лицами. Порезали скотину, в ход пошли кошки и собаки. Люди мёрли, как мухи, но власти искали зерно с небывальным усердием, и горе той семьи, где нашли хотя бы горсть пшеницы. Активисты были вооружены щупами из толстой проволоки и при малейшем подозрении на зарытое зерно могли раскопать земляной пол в каждой комнате, а если зерно находилось, вся семья шла по этапу. А поскольку зерна действительно не было, то всем, от мала до велика, была определена дорога на кладбище...

В то роковое утро к ним пришли к первым. Несмотря на заверения отца и матери, что в доме нет ни зерницы, обыск продолжался почти до обеда. Но добыча искавших была невелика: горох в старинной бутылке, фасоль в глиняной махотке, завязанной обрывком полотна, да три початка кукурузы из-под стрехи. Велиора уже выходила из себя. Раздражённо оборвала сутулого мужчину, заявившего, что хватит искать, у людей ничего нет, надо иметь совесть. Взяв щуп, она стала метаться по хате, потом рванула в сени. Там её внимание привлекла пустая иловая бочка, обмазанная глиной, мимо которой все не раз проходили. Вызвав двух мужчин, участвовавших в обыске, она приказала им откатить бочку. Оглядел откравшийся участок глиняного пола, она вонзила туда железный щуп. Он легко вошел в землю. Огласив сени радостным возгласом, она велела мужикам копать. Под слоем досок обнаружились два мешка зерна. Воодушевившись, Велиора продолжала командовать своим визгливым голосом и дальше. Были вызваны вооружённые охранники. На дороги усадили отца Степаниды со связанными за спиной руками. На телегу погрузили мешок картошки, свёклу, найденные в погребе и последние тыквы из сарая. Но самое страшное – увезли корову. Мать от случившегося рухнула посреди двора без памяти. А детский плач был слышен на всю округу.

Хотя чужое горе вызывало сострадание далеко не у всех, но до откровенного хамства опустилась только Велиора. Она не скрывала торжества, суетясь, важным голосом отдавала отрывистые команды. И когда мать сквозь слёзы сказала, что семью ждет погибель, Велиора выразила сожаление, что погибнут не все. Не успеют, а надо бы ... освободить землю от «кулацких выкормышей».

От воспоминаний слёзы у Степаниды Власовны хлынули ручьём, и она заплакала навзрыд. Увы, в цепи воспоминаний эти кадры были не самыми страшными. Всё ещё было впереди. Через месяц пришла горькая весть, что в тюрьме умер отец. От горя и голода слегла мать, вскоре и её не стало. А за её смертью последовали беда за бедой. Гришу и Стёпку, отправившихся в совхоз на заработки, арестовали во время облавы, и не было от них ни слуху, ни духу. Клаву похоронили в саду под грушей. Она лежала маленькая, исхудавшая в старых яслях вместо гробика. Могилку еле выкопали, не хватило сил.

Оставшись вдвоём, Степанида и пятилетняя Фрося бросили опустевшую хату, и перешли к дедушке и бабушке. Жили они на краю станицы, и бабка Гарпина ходила к старой скирде выбирать редкие необмолоченные колоски. Собранный горстю зерна на всех не хватало, поэтому старики были с отёчными лицами, о себе не думали, беспокоясь только о детях. Когда они слегли, к скирде стала ходить Степанида. Стало приывать и много желающих набрать колосков, которых находили всё меньше и меньше. Несколько раз и вовсе пришла ни с чем. К марта голод стал невыносим. Даже первая зелень не спасла голодных, больных людей. Оставшиеся в живых ходили как тени. А на детей было страшно глядеть. Вскоре умер дедушка, а затем и бабушка. Хоронить их было некому, и Степанида обратилась к пожилому дядьке, жившему кварталом ниже. Он получал от сельсовета паёк и свозил трупы на кладбище. Старики погрузили на разболтанную телегу, и печальный кортеж в количестве двух детей (возчик не в счёт) отправился на кладбище. Того, что она увидела там, хватило ей потом на всю жизнь... Штабеля из человеческих тел всех возрастов, а то и вовсе бесформенные груды. Некоторые тела были с отрезанными конечностями и кусками плоти. Каннибализм был налицо: просто, доведённые голodom до помешательства, люди не отдавали оценку своим действиям.

В стороне группа мужчин под руководством троих в военной форме рыла большую глубокую яму. Командовал ими усатый дядька в кожаном картузе, надвинутом на самые брови. Степанида упросила похоронить дедушку и бабушку в отдельной могиле, отдав строгому мужчине мамино обручальное кольцо. Только эта могилка и осталась от большой

семьи. Где похоронены её отец и мать Степанида не знает и поныне. В тот день девочка-подросток поклялась не забыть до Судного дня всё то, что пришлось пережить ей в печальном 33-м году.

Сама она не знает, что спасло её от гибели. После смерти Фроси пришлось испытать весь ужас сиротства, окунувшись во взрослую жизнь в свои неполные 14 лет. На всю жизнь запомнила, как добрые люди делились куском варёной тыквы (другого ничего не было), помогали чем могли. Но были и другие люди: злые, недоброжелательные. И то, что Степанида осталась жива, подтверждает, что хороших людей больше. Да и потом в колхозной бригаде с нею рядом были, в основном, порядочные, такие же, как она, обездоленные люди, пережившие весь ужас голodom. Горькая жизнь не согнула её, не сломила, не выбила из колеи. Но всё же, осталась сильная горечь, обида на жестокосердие людей одной с ней крови и плоти. Будучи верующей, она недоумевала, почему Господня кара до сих пор не настигла тех, кто виновен в гибели тысяч и тысяч людей. И среди них жила и, кажется даже неплохо, небезызвестная Агафья – Велиора. Теперь, по слухам, она возглавляла в районе какой-то женотдел и пользовалась у начальства большим авторитетом. Видела её как-то Степанида издали: дородная, в хорошо пригнанной полувоенной форме, подстриженная, в неизменной красной косынке. Полная достоинства, скорее самодовольства, она отдавала распоряжения крутившимся вокруг неё людям. Да могла ли тогда бедно одетая сирота даже приблизиться к ней, наделённой полномочиями и обласканной властью...

Меж тем проходили годы, угловатая девчонка стала красивой девушкой. Караглазая, черноволосая, скорая на ногу, она везде успевала, с людьми была обходительна. А оставаясь одна, становилась замкнутой, задумчивой. Но отчего в её волосах цвета вороньего крыла ранняя седая прядь? Перед самой войною Степаниду, отличавшуюся не только работоспособностью, но и умом, перевели в правление колхоза счетоводом. Она стала привыкать к разумеренной жизни, с ладоней сошли мозоли, а с лица – лишний загар. В ней появилась особая женственность. Бывая больше на людях, Степанида стала за собой следить, её походка стала плавной, разумеренной. В сороковом вышла замуж за бравого помощника командира взвода, вернувшегося с двумя медалями с финской войны. И года они не прожили с Фёдором – началась война. В первый месяц муж ушёл на фронт, и осталась она с крохотной дочкой на руках. Уже осенью, оставив ребёнка свекрови, приняла она, по настоянию правления, полеводческое звено. Вести с фронта были малоутешительны. От Фёдора последнее письмо было в сентябре. По брони в

тылу мужчин осталось несколько человек, да и те ждали повесток. Вся нагрузка ложилась, как всегда, на женщин да подростков. Работы в бригаде было невпроворот. А тут ещё пришлось Степаниде занять должность бригадира. И это в 21 год, да ещё при безрадостных обстоятельствах. Совсем безрадостных. Дело в том, что бригадир Гордей Еремеевич, носивший в себе осколки ещё с Гражданской войны, списанный «вчистую», глубоко порядочный и честный, был арестован только за то, что дал голодным женщинам, едва передвигавшим ноги, по коробке зерна. Причём с условием, что за ночь намелят они на каменках грубой муки, напекут «ляцэнки» себе и голодным детям, а утром выйдут на работу. Готовились к первой военной посевной на двух разбитых тракторах, хромых конях, да ещё с голодными сеяльщиками. Горе, да и только. Знал опытный хлебороб и руководитель, что на его заботу ответят ударным трудом. Да только повернулось всё по-другому... Гонористая, вечно фыркавшая учетчица Ульяна «сигнализировала» о факте воровства зерна в райземотдел. В прошлом завзятая активистка, она считала свою должность незаслуженно низкой и с нетерпением ждала, когда её заберут «наверх». А «сигнал» свой передала не кому-то, а уже известной Велиоре. Тут такое закружило... Для расследования кражи зерна прибыла целая группа. Среди них и два команда НКВД со «шпалами» в петлицах. Может, комиссия и разобралась бы по-трезвому, если бы не Велиора. Она здесь была «на своём месте». Произнесла пламенную политическую речь, давала советы комиссии, требовала наказать по военным законам и бригадира, и колхозниц. А то, что люди падали с ног от голода, ей было безразлично. Короче, всех в районе она подняла на ноги. Даже видавшие виды командиры только возмущёно качали головами. Всех, кроме Велиоры, смущало, что у бригадира четверо детей. И всё-таки Гордя Еремеевича арестовали, и след его затерялся в северных лагерях. Теперь Степанида знала, на что способна эта страшная женщина. Её буквально потряс цинизм Велиоры. Перед глазами, как в калейдоскопе, промчалось её погубленное детство, потеря близких, сиротство. Но раны душевные потихоньку заживали. Помогли добрые, хорошие люди. Тут напрашивалась мысль, что неужели такие злыдни, как Агафья-Велиора, будут беззаконно мордовать людей.

Не помнит уж ныне Степанида Власовна, когда к ней пришло осознанное желание отомстить Велиоре. И не знала она, что вся последующая жизнь будет отравлена горечью раскаяния за ту самую месть.

В тот день ареста бригадира Степанида не предполагала, что судьба столь близко сведёт её

с Велиорой. И не позже, как в августе сорок второго года, при эвакуации. Нестерпимая жара, хруст пыли на зубах. По дорогам пешим порядком, редко на разбитых машинах, передвигаются войска. Вдоль дорог – беженцы вперемешку с гуртами скота, повозками, верховыми. А в небе нагло хозяинчиают немецкие самолёты. Вой авиабомб, крики людей, рёв скота – сплошная погибель. Люди и неуправляемые животные бегут кто куда, всё вокруг горит. От взрывов бомб кажется, что земля и небо смешались. Кромешный ад. После второй бомбёжки Степанида очутилась с девчатами в сборной группе гуртовщиков, возглавляемой Велиорой. Та, с присущими ей апломбом и энергией, кинулась командовать. Уличала людей в саботаже, грозила им расправой. Меж тем люди выбились из сил, некоторые были ранены. А непоеная, недоечная скотина, ошалевшая от страха, была действительно неуправляемая. Но командирша была готова отдать гуртовщиков под суд, объявив саботажниками. Да где был тот суд? В аду не бывает ещё одного суда. Ибо сам ад уже суд. К полудню первый поток беженцев повернулся назад. Военные объявили, что немцы пробили оборону, вышли к Кубани и всем надо поворачивать домой. Вторая весть была ещё хуже: немцы подошли к Ростову. Началась среди отступленцев паника. Срочно жгли архивы, банковские документы, деньги, разбивали машины, ломали перевозимое на них оборудование. А колхозникам деваться некуда – погнали скотину обратно, благо бомбёжки прекратились. После всех новостей Велиора потеряла былую самоуверенность, сникла, её не стало заметно...

Тут Степаниде Власовне стало плохо, она выпила приготовленное лекарство, а отышавшись, продолжила воспоминания, вернувшись к моменту возвращения в станицу несостоявшейся эвакуации. Не успели разобрать по бригадам уцелевшую скотину, как в станицу въехали немцы. Самоуверенные, на машинах и мотоциклах, они чувствовали себя хозяевами положения. Следом за немцами ввалилась на лошадях орава румын, голодных и оборванных. Если первые и были бесцеремонны, но не наглели, то румыны напоминали одичавшую орду. На базаре хватали съестное не расплачиваясь, шныряли по дворам в поисках кур, яиц, молока и сала. Немцы были по отношению к ним надменны, откровенно их презирая. Многие демонстративно воротили носы. Новая власть утверждалась бесцеремонно. На улицах появились развязные субъекты в казачьей форме, с винтовками и повязками на руках – полицаи. По станице, по слухам, искали коммунистов, комсомольцев, жён красных командиров. Люди без нужды на улицах не показывались. Видела Степанида Велиору всего один раз, и то случайно. Та была в рванье, на глаза был

надвинут линялый платок. Может быть, исчезла она из поля зрения Степаниды насовсем, если бы не случай. Заболела дальняя родственница, и поскольку у неё никого не было, то Степанида, собрав узелок, пошла задами дворов, чтобы не мелькать на улице. Вскоре она разговаривала с неродной тёткой, и та поделилась новостями, достаточно невесёлыми. Из рассказа Степанида узнала о семье её бывшего бригадира Гордея Еремеевича. Жена совсем слегла, дети голодные, о нём самом ни слуху, ни духу. Простившись со старушкой, Степанида заспешила домой. Собрала в сумку, хоть и у самой было скучно с продуктами, немного муки, сушки да постного масла. Увиденное потрясло её... А дома весь вечер мерила комнату шагами, не находя места от возмущения. Наверно в тот вечер в её голове ожила план отомстить виновнице всех её бед и несчастий – Велиоре. Да заодно и её напернице Ульяне. Обе – препорядочные мерзавки. Считай не одну семью осиротили. Степанида, несмотря на молодость, уже слабо верила в торжество справедливости, потому как вдоволь глотнула горя. Ведь когда придут наши, Велиора, она же Агафья, скинет рванье, оденет свой мундир – и вновь при деле. Да ещё в большем почёте. Она сумеет предстать как надо. А четверо сирот не в счет. Тётка рассказала, что Агафья прячется в коммуналестровской хате, а по ночам выходит.

Все последующие дни Степанида обдумывала план. Даже маленькая дочурка не могла отвлечь её от задуманного. Её стало тянуть в центр, на базар. Теряясь в скучной толпе, она мерила долгим взглядом гордо вышагивающих немцев, а думу думала свою. Проходя скромным шагом мимо комендатуры, она не решалась поднять голову. Приметила, однако, паучью свастику на флаге, часового у ворот, машины, мотоциклы. Ей чужд был тот язык, составные части которого подобны резким ударам хлыста, ненавистны самодовольные физиономии. Ненавистен был весь их новый порядок, невесть откуда вынырнувшие пронавтalinенные юркие людшки. Но ради своей мести она готова была на всё. Для себя она считала допустимым только этот шаг. И всё. В остальном она считала нужным разделить судьбу всех тех порядочных людей, с которыми жила, работала, а теперь переживала оккупацию.

Она приметила на заборе комендатуры ящик, похожий на почтовый, но с непонятной немецкой надписью. В кармане уже была приготовлена нацарапанная химическим карандашом записка, но только лишь она подходила к ящику, сердце её стучало, ноги подкашивались, и вся решимость куда-то исчезала. Однако жажда мести вновь и вновь вела её к комендатуре. В этот день она уже не надеялась выполнить задуманное. Подходя в

который раз к объекту, она увидела, как к воротам подъехала пара легковых машин. Часовой, откозыряв как ошалелый, кинулся открывать ворота, а потом побежал за машинами. Степанида осталась один на один с притягательным ящиком. С трудом оторвав от вмог намокшей ладони половину тетрадного листа, она сунула его в щель. Воровато оглянувшись, отпрянула от ворот. Ноги сами понесли её прочь. Только за углом оглянулась. Часовой уже стоял на своём месте. Всё произошло просто и как-то обыденно, только сердце было готово вскочить из груди, и в голове от нервного перенапряжения стучали молоточки... С этого времени душа её будет лишена покоя на долгие годы.

Два дня она не показывалась из дома. А на третий, вечером, потихоньку пришла поправившаяся родственница. Поведала о каких-то второстепенных новостях, а потом известила, что немцы арестовали партийных и кое-кого из активистов. Пожалев о горькой участи достойных людей, перечислила некоторые фамилии, а среди них и Агафью-Велиору. У Степаниды от волнения пересохло во рту и враз бросило в холодный пот. Старушка, хитро сощурившись и приторно вздохнув, слегка попричитала. А заметив растерянность Степаниды, успокоила: «Деточка, жаль людей, но не всех нужно жалеть, потому, как там есть и такие каты (палачи), что на них кровь людская до сих пор. А кровь людская, известно, не водица». «Именно им, вражинам, на тот свет и дорога», – подумала Степанида, промолвив: «А хороших людей спасать надо. Немчера долго тут не задержится. Скоро дадут им такого пинка, что побегут они без оглядки до отой самой их неметчины». Потом не раз Степанида вспоминала слова старой женщины. Вскоре после этого разговора её нашла хохотушка Фрося из её же бригады, весьма отважная девчина, и без обиняков предложила работать на

людей, которые смертно ненавидят фрицев. А в качестве первого задания нужно было достать для раненых бойцов медикаменты. Потом они собирали тёплые вещи, продукты, сопровождали выздоравливающих на дальний хутор. Прятали на чердаке жену красного командира. С девушкой Пашей и пожилым конюхом Емельяновичем упрятали от румын в тёрнах племенного жеребца. Дел хватало. Несмотря на новый порядок, люди жили своей жизнью, не склоняли головы, хоть и тихо, но сопротивлялись оккупантам. Надеялись, что немцев скоро прогонят, и жизнь наступит совсем другая. Потом, спустя годы, Степанида узнала, что даже в окружении бургомистра были люди, предупреждавшие земляков об арестах и облавах.

Они же сообщили о готовившейся «Варфоломеевской ночи» – расправе над семьями коммунистов, комсостава Красной Армии и людьми, преданными советской власти.

Ценою жизни спасли они многих земляков от расстрела.

А были и такие, что прислуживали, угодничали перед немцами. Даже дочерей повышавали замуж за Фрицев и Гансов...

Степанида Власовна наконец прервала свои тягостные воспоминания. Ожидая батюшку Михаила, готовясь к исповеди, она вновь оглядела свою прошедшую жизнь. И, не находя в ней более тёмных пятен, она уже отдала себя во власть Господней воли. Тёплые слова священника, молитва из его уст, запах ладана вызвали поток слёз из её глаз, страстное желание облегчить душу, покаяться, попросить у Бога прощения. Чтобы с облегчённой душой и чистыми помыслами предстать перед вратами, за которыми вечный покой, где нет зависти, корысти и многоного другого, чем грешат люди в этой жизни. Грешат, но далеко не всегда раскаиваются...



**Зоя СИЗОВА**

# ЖУРАВЛЁВКА

Моя деревня умерла,  
Моя деревня похоронена.  
Там, где она свой век жила,  
Земля распахана была,  
Распахана и заборонена.

Сергей Викулов.

**Ж**уравлёвка... Когда-то это был большой хутор. Теперь – несколько хат торчат своими брошенными крышами, которые от непогоды, от времени состарились и грозят вот-вот рухнуть.

Здесь жила моя бабушка. Здесь родилась и выросла моя мама. Сюда привозили нас на лето: отдохнуть на свежем воздухе, попить парного молока, набраться сил.

Давно уже нет бабушкиной хатки, нет улицы, почти ничего не осталось от хутора, когда-то состоявшего из сотни дворов. Уже нет и бабушки, но память сохранила всё до мельчайших подробностей.

Стоит только прикрыть глаза, как картины детства всплывают одна за другой и бередят душу.

Будто бы и не девалась никуда Журавлёвка. Пахнет тысячелистником, ромашкой, коровьим навозом. Пахнет детством... Кажется, сейчас бабушка пригонит из стада свою корову Зорьку, вьзмет подойник и пойдет её доить.

По ведру ударит звонкая и тугая струя парного молока. А я уже бегу с большой алюминиевой кружкой. Мне молоко бабушка доила прямо в эту кружку. Оно пенилось и бежало через край.

Потом бабушка варила на керогазе суп. А я, не дождавшись супа и теплой воды, засыпала на бабушкиной кровати.

Бабушка работала в колхозе с утра до позднего вечера, но всегда забирала нас летом к себе на хутор...

Было мне лет пять. Задержалась я в Журавлёвке до глубокой осени. Листья с деревьев опали, шли проливные дожди, в посадке вышли волки. Ведь дома на улице стояли в один ряд, а напротив было поле и лесополоса. Волки заходили прямо в хутор, а иногда забирались в конюшни и курятники. В эту ночь и к нам пожаловали. Сначала долго и жутко выли, но не было их видно. Потом, один огромный волк обнаглел, перепрыгнул через ворота и пошел прямо к хате. Мы выглянули в окно. Было ужасно неуютно и жутко. Бабушка забаранила по стеклу кулаком и громко закричала. Волк развернулся и пошёл

прочь со двора. Но голод брал своё. Через час он вернулся обратно. Теперь он не боялся ни стука, ни крика.

Перепуганные гуси громко загоготали. Это ещё больше подстегнуло волка. Он побежал наперевес всполошившимся птицам. Схватил за шею гуся, забросил его на спину и побежал прочь, ловко перемахнув через ворота. Было очень страшно, я расплакалась. Бабушка с трудом уговорила меня лечь спать.

Поспали мы часа три от силы. Вдруг, в окно раздался сильный стук. Здесь перепугалась не только я, но и бабушка. Мужчин в доме нет, соседи далеко, дождь льёт как из ведра.

– Кто там? – громко спросила она.

– Мама, открой, это я.

Спросонья бабушка не могла ничего понять.

Переспросила ещё раз. Потом вдруг вскрикнула:

– Ой, боже, сынок, ты откуда?

– Открывай скорее, я весь промок.

Бабушка открыла дверь с крючка. На пороге появился высокий худощавый мужчина в матроске, бескозырке, с чемоданчиком в руках. Вода текла с него ручьями, как с мокрой курицы.

Это пришёл со срочной службы мой дядя. Отслужил он на черноморском флоте четыре года. На побывку не приезжал ни разу. Можете представить, в каком состоянии была мать. Она обнимала его, целовала, поворачивала из стороны в сторону и всё не могла насмотреться.

Потом вспомнили про волка. Затем обратили внимание на меня. Я сидела в углу, как затравленный зверёк. Дядя переоделся, поел. Затем достал из чемоданчика коробку конфет и протянул мне. Для меня это была настоящая диковинка. В довершение к моей радости дядя нахлобучил на меня бескозырку и нацепил на голый живот широкий морской ремень. Я так и уснула в бескозырке и с ремнём, а в руках крепко держала драгоценную коробку шоколадных конфет.

Утром я соскочила рано, когда бабушка ещё только подоила корову и выгоняла её в стадо. Я бежала рядом с ней, а сзади на моей голове развивались ленточки бескозырки. Все мальчишки смотрели на меня с завистью. Ведь ни у кого из них не было дяди моряка и таких замечательных подарков.

На хуторе все вставали очень рано: и взрослые, и дети. Нужно было подоить коров, выгнать их в стадо, накормить свиней, птицу, приготовить завтрак. Варили еду утром и вечером, потому что холодильников тогда ещё не было.

Холодильником служил глубокий колодец, который находился в палисаднике между двумя орешками. Вода в нём была очень глубоко: даже днём в колодце отражалась луна. Вкуснее бабушкиной

воды мы не знали. Она была чистая, прозрачная и такая ледяная, что ломило зубы, когда её пьёшь.

Бабушка хранила в колодце молоко, сливки, творог, масло. Она всё складывала в вёдра, наливала в бидоны и на длинной верёвке опускала вниз, а верёвку закрепляла сверху на крючках.

Посередине двора рос ещё один орех. Это было очень большое и старое дерево. Ствол был такой толстый, что его можно было обнять только втроём. Зато орехов на нём тоже всегда было очень много.

Коров на хуторе пасли по очереди. Сколько было голов скота, столько дней и пасли. Вставали мы с бабушкой на рассвете, управлялись и выходили на улицу собирать стадо. Было по утрам прохладно, на траве и деревьях блестела обильная роса. Солнца ещё не было видно. Но его лучи уже окрашивали край неба в малиновый цвет. От земли клубами поднимался туман.

Из каждого двора послушно выходили коровы и, брякая колокольчиками, брели к речке. Шли они медленно, раскачиваясь. Из-за тумана казалось, что коровы плывут в молочном облаке. Когда же стадо собиралось на берегу реки, мы гнали коров вдоль берега. Они брели медленно, паслись, лежали отдыхая, заходили в речку пить воду. Если было очень жарко, то они заходили в воду по самое брюхо и подолгу стояли там, то и дело отгоняя от себя хвостами слепней и оводов.

Потом коров заворачивали и гнали обратно, чтобы успеть пригнать стадо на обеденную дойку. После дойки всё повторялось сначала. Вечером коров гнали домой, когда начинало темнеть.

Приходили домой уставшие, разбитые, голодные. Доили корову, пили молоко и ложились спать.

Но следующего выпаса ждали с удовольствием, потому что пасти коров было всё-таки намного легче, чем полоть свеклу в колхозе под палящими лучами солнца, когда от марева в глазах расплывались контуры окружающего.

Однажды, когда пасли коров, со мной произошёл один курьёзный случай. Было это в конце июля. Бабушка стерегла стадо, улегшееся на отдых, а меня отпустила полакомиться остатками переспевшей шелковицы.

Я долго бродила по тутовнику в поисках ягод, пока не наелась досыта. Потом собирала поздние цветы. Это занятие мне тоже надоело. Решила я построить новые гнёзда для птичек. Насобирала прутиков, сухой травы, птичьего пера и с увлечением занялась новым делом. Я так была поглощена своим занятием, что не заметила, как по стволу дерева поползла змея. Я очень испугалась, закричала и, с широко раскрытыми от ужаса глазами, побежала к бабушке.

Змее, конечно, до меня и дела не было. Но, убегая от одной змеи, я налетела на целую кучу других. Может с перепугу, может ещё по какой-либо причине, я перемахнула это трёхметровое сбوريще гадин одним прыжком. На моё счастье я не наступила ни на одну из них. Если бы это произошло, то змеи, мне казалось, смотрели бы меня в клубок и закусали бы до смерти.

К бабушке я подбежала в самом ужасном состоянии: сначала я только судорожно глотала воздух, потом бессвязно что-то кричала, затем в полубессознательном состоянии рухнула на траву.

Бедной бабушке пришлось нести воду из речки и приводить меня в чувство. С тех пор я пасла коров только рядом с бабушкой. А каждая палка, упавшая с дерева, или кем-то оброненная, виделась мне змейёй. Даже сейчас, когда я уже взрослая. Один вид этих тварей вызывает у меня ужас.

Дома на хуторе долго освещались керосиновой лампой. За керосином ходили в станицу и подолгу простоявали за ним в очереди. Привозили керосина очень мало, ведь кругом уже было электричество. Со временем и в Журавлёвку провели электричество. Потом провели и артезианскую воду, чему несказанно обрадовались все женщины. Ведь колодезная вода очень жесткая, стирать в ней было очень трудно. Для стирки, в основном, собирали дождевую воду. Ею же мыли и головы.

И уже попозже проложили в Журавлёвке тротуары. Теперь ходить в станицу можно было в любую погоду и в любое время года. Ведь раньше, если шли дожди, то даже за хлебом не выберешься. На хуторе не было своего магазина, поэтому один-два раза в неделю нужно былоходить за хлебом в станицу: осенью, зимой и весной по колено в грязи, а летом – под палящими лучами солнца.

Летом хуторяне ходили своими тропинками: огородами, посадками, срезая дорогу на добрых полкилометра. Да и солнце не так пекло. А ещё надо было переходить два деревянных моста через речку. Летом один мост торчал высоко над водой, как рёбра высущенной и обглоданной рыбы, а другой – прятался в камышовых джунглях. А весной и осенью они оба тонули под вешними водами на полметра. Приходилось снимать обувь и шлёпать по ледяной воде. Путешествие было хоть и утомительным, но увлекательным и интересным. Идти надо было берегом реки. Берега не косились: стоял густой запах разнотравья. На речке плавали дикие утки, бродили кулики и цапли. Кругом пели птицы, летали бабочки, ползали разные букашки. Моему любопытству не было предела. У бабушки всегда хватало терпения и времени, чтобы рассказать попутно

какую-нибудь интересную историю, или объяснить и показать, какие травы лечебные и для чего они применяются. Ведь больница была также далеко, как и всё остальное. Во время таких путешествий я не один раз видела, как комбайны косят пшеницу. Это очень тяжёлый и изнурительный труд. Но всегда я видела сквозь пыль и рёв моторов довольные и улыбающиеся лица комбайнёров. Работа для них была праздником. Были у них и свои традиции. Даже знала такого человека, который в уборочную страду каждый день надевал чистую белую рубашку. Это был у него своеобразный ритуал.

Особенно красиво, когда уборка хлеба идет вечером. На комбайнах горит всё освещение. Грузовики тоже идут со включенными фарами. Свободные машины освещают поле. Солнце садится, весь закат красный, поле тоже сияет огнями. Получается настоящее зарево. Такое зрелище завораживает.

На уборочную обычно присыпали солдат срочной службы. Для них работа, по сравнению со службой, была намного легче. Работали весело, задорно. То и дело со всех сторон раздавался хохот. Молодые, загорелые, да ещё все в пыли – они выглядывали из кабин, как чертеныта. Только белые зубы блестели при очередной шутке. Хуторяне относились к солдатам очень хорошо, доброжелательно. Женщины старались собрать в узелок еду повкуснее и отнести обед в поле, прямо к комбайнам. Или отправляли кого-нибудь из младших мальчишек. А им только этого и надо было. Ведь в благодарность парни обязательно прокатят на комбайне. Носили воду в поле и взрослые девчата. Как устоишь перед такими симпатичными кавалерами?

Танцплощадки не было, кинотеатр был в соседнем хуторе. Гулять собирались на пятаке посередине хутора. Парни приходили с гармошкой, с гитарами. Приходили все: от мала до велика. Детвора играла в жмурки, пока было светло, потом в лапту. Пели все хором старинные кубанские песни. Старики обсуждали новости. Потом все расходились. Ведь утром снова нужно было идти на работу. Оставалась только одна молодёжь. Тогда начинались танцы. Гомон и хот разносился по всему хутору. Но и танцоры угомонялись к ночи. Оставались гулять только влюблённые пары. Они бродили по хутору до рассвета. Иногда попадались навстречу, когда уже коров гнали на выпас.

В каждом населенном пункте есть свой убогий человек. Была и в Журавлёвке Оля-дурочка.

Работала она по дому наравне со всеми. Только разум у неё остался на уровне дошкольника. Обычно над такими людьми подсмеиваются, дразнят их. Олю никто и никогда не обижал. Взрослые всегда правильно давали ей сдачу, если она приходила за молоком. Убогого человека обидеть считалось грехом. Боялись её мальчишки. Она ужасно не любила, когда обижали малышей, поэтому всегда за нас заступалась.

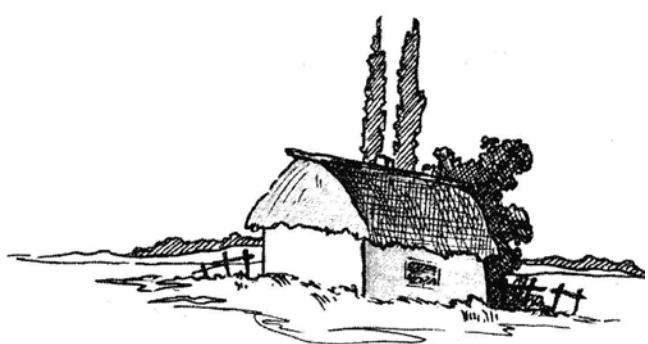
Знала Оля все новости в хуторе. Хоть и говорила плохо, но все её слушали. Ведь такой человек сорвать не сможет. Была она эталоном честности и справедливости.

...Но опустел хутор. Молодёжь разъехалась по другим хуторам и станицам, когда произошло объединение колхозов. Ведь центральная усадьба теперь была в другом хуторе. Каждый день не находишься, а ездить не на чем. Посыпать машину из-за одной бригады тоже никто не станет. Долго держались старики. Но потом и они не выдержали. Кто умер от старости, а кого забрали к себе дети.

Пусто и одиноко теперь на хуторе. Почти все усадьбы распаханы, трудно даже подворье найти, где жила бабушка. А жаль. Столько старались, работали, жили...

Съездила я в Журавлёвку, узнала, что отдали землю под дачи. Это очень замечательно! Ведь хутор расположен в таком красивом месте, что хоть картины пиши. С трёх сторон его огибает река. На речке много дичи. Пойменные луга буйно цветут разнотравьем. Только глупому человеку может прийти мысль разрушить такую красоту. Сколько же ещё глупцов на белом свете?! Сколько мы будем жить чужим умом, выполняя необдуманные приказы?! Может хватит?! Может нужно, чтобы жили малые Журавлёвки не только в наших сердцах?!

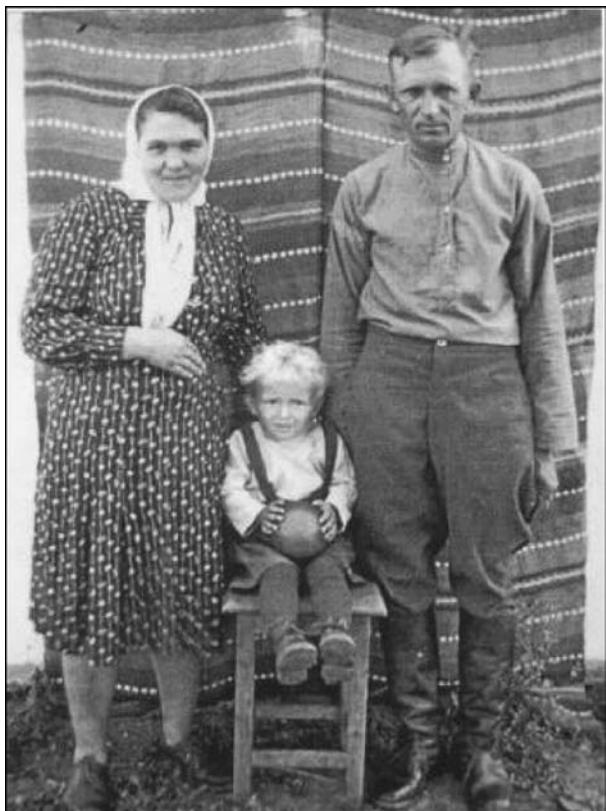
Остаётся только надеяться и верить, да правильно воспитывать своих детей, чтобы они умели не только разрушать, но и созидать...



Степан ДЕРЕВЯНКО

# ТЕРРИТОРИЯ ДОБРА

/Рассказ/



На снимке начала пятидесятых – я с родителями. Отец в галифе, которые подарил ему в день капитуляции Германии американский солдат; за спиной рядно, сотканное матерью в Полесье.

**М**ои родители познакомились в Германии после освобождения. Отец как военнопленный батрачил у «бауэра», мать загибалась на военном заводе, пока не дала по морде надзирательнице-эсэсовке и не попала в концлагерь. Спасло ее наступление американцев. Отца, бывшего санинструктора, забрал к себе наш военный госпиталь (там для него и окончилась война), мать попала в тот же госпиталь, ибо была кожа да кости. С того времени и началась история моей семьи.

После войны родители осели на родине матери, в украинском Полесье. Там остались лежать навечно мои брат и сестра – Ваня и Зоя, которые умерли малыми, наевшись грибов с того места, где в войну стояли немецкие танки. Грибы были съедобные, но какую дрянь они впитали с недав-

ней войны никто не знал, и брата с сестрой не спасли.

Я родился вслед за этой бедой, и отец решил уехать подальше от горя и тех голодных краёв на Кубань, где у него жила старшая сестра. В теплушке, к радости родителей, я начал ходить, катал по вагону между узлами сделанный отцом «возик» на деревянных колещатах (типа ходунков), и старая еврейка, ехавшая с нами, глядя, как я настырно толкаю возик и набиваю шишки, погладила меня по белой кучерявой головенке и сказала:

– Гарнэ будэ хлопчина. Доброй ему доли, – и по-своему меня благословила.

На кубанском хуторе Сухие Челбасы отец с матерью «стеляпали» турлучную хату на две половины, разделённые печкой. Отец был сухонький, рукастый, немолодой, до войны уже имел семью, натерпелся раскулачивания и голодовок. Первую семью он потерял, чудом остался жив, когда забрел в голодавшее село, и его чуть не съели. Мать была на десять лет моложе отца, но попробовала перед войной того же «смалэнного вовка», и, наверное, поэтому родители ладили, хотя характеры у обоих были склонные.

Работать отца взяли в совхоз плотником, но он умел по дереву всё (не зря носил фамилию «деревянную») и был из рода мастеров, где с шести лет сыновья уже тесали спицы для колес. Потом его поставили колёсником, ибо никто другой колёса и хода телег, бричек делать не мог. Мать была дома на хозяйстве, после концлагеря её здоровья хватало только на это.

В ту послевоенную пору, в пятидесятые годы, по хуторам и станицам ходило много нищих, каких-то странных неприкаянных людей. Им подавали, что Бог послал: пару яиц, кусок хлеба, шматок сала. Зазывали домой и кормили. Мать часто совала мне в руки что-нибудь съестное и говорила: «Стыпанко, отнысы чёловику».

Часто таких людей, накормив в хате, оставляли ночевать. Почти всегда осенью, зимой, в непогоду. И тогда под треск дров в печи до керосиновой копоти в лампе шел рассказ о житьё-бытье странников, вздыхала сочувственно мать, кивал головой отец, а я не мог заснуть – слушал, мало что понимая из этих бесконечных рассказов. Поутру люди уходили, благодаря родителей и нашу хату. Не припоминаю, как пускали на ночь лег людей наши соседи, видимо, не очень – вшей боялись, но мои отец с матерью пускали, хотя и ругались потом, если гость одаривал кусачими.

Одного такого постояльца из пятидесятых я запомнил. Жил он у нас все лето и звали его Соловьян. Фамилия была это или прозвище – не знаю, так его все звали. Был он высокий, худой, носатый

и в хате сутулился. По хутору Соловьян плотничал, во дворе под камышовым навесом на отцовском верстаке строгал доски, курил едуший самосад и спал под вишней на топчане. Ему, как и отцу, было за сорок, он тоже воевал, тоже попал в плен, как и отец, в Крыму, когда армию бросили на произвол судьбы, но после плена еще пять лет сидел и жил по волчьему билету. Родом он был из воронежских краёв, там у него кто-то остался, может и семья, но об этом Соловьян не рассказывал.

Работал он, как лошадь, — отец его звал двужильным, но и пил также. Вдовы хуторянки звали его чинить крыши, латать сараи, рыть по-греба, угождали первачом, настоящим на дикой маслине, который и быка б с ног свалил, но хозяином в хату к себе не взяла ни одна. «Пропыв свою мужеску силу», — говорил с досадой отец.

По утрам Соловьян после первача долго не мог проснуться и смешно чихал и фыркал, когда я щекотал ему куриным пером в носу. Потом он садился на топчане, тряс головой, сгоняя сон, приходил в себя и шел к колодцу. Плюхалось в глубине ведро, скрипел ворот, и Соловьян кричал:

— Стёпка-растрёпка, тащи ковш!

Я летел с ковшом, поливал Соловьяну спину и шею холодняком, он фырчал, поводил плечами, извивался, и от этого его худая спина становилась похожа на крученый ствол жердёлы, росшей за хатой. Потом он просил у матери рассольчика и, прихватив брезентовую сумку с инструментом, уходил в хутор до ночи. Мать глядела ему вслед и качала головой:

— Неприкаяна душа. А такой работящий чёловик...

Работал Соловьян инструментом отца, своего у него ничего, даже топора, не было. Мать ругалась на отца:

— Батько, ты дывысь, шоб вин нэ пропыв твий струмент.

Отец отмахивался.

— Тут все знают, что струмент мий. Нихто нэ визьмэ. А ему чимсь хлиб зароблять нада...

Инструменты, действительно, никто не взял, хоть у пьяного Соловьяна можно было и ремень со штанов вытащить, он бы не заметил. Плотницкий, столярный инструмент по тем временам был достоянием, а по карманам тогда не шарили.

В то лето осень на Кубань пришла рано, в августе. Пошли дожди, запахло с поля за хатой мокрой соломой, в копнах которой мы с пацанами еще недавно играли в жмурка. Соловьян перебрался ночевать к нам в хату и спал на досках возле моей кровати — пол был земляной.

Как-то вечером мать достала из-за сундука швейную машинку «Зингер», распорола свою выходную юбку и сшила мне шаровары.

— Через ныдилю тоби, сынок, в первый класс. Будэ обнова, — сказала она.

В школу меня тянуло, но не было ещё рубахи и «чёбит», а мне хотелось такие кирзовье, как у отца, только маленькие.

Соловьяну работы не стало, он заскучал, перестал выпивать, да и не с кем было — отец это занятие не одобрял. Когда мать куда-то ушла, а отец был на работе, Соловьян подозревал меня:

— Растрёпка, найди бумажки.

Я принес новую тетрадку. Соловьян повертел её, зачем-то понюхал, взял розовую промокашку, из кармана достал половинку химического карандаша, долго его слюнявил, смотрел в окно. Написал несколько крупных кривых строчек, положил на них деньги и сунул тетрадь под клеёнку. Вышел во двор, долго вертел козью ногу — закурил, поглядел на бегущие тучи; оделся у верстака в свой старый брезентовый плащ и зашагал на улицу. Я его догнал, схватил за руку и спросил:

— Дядько Соловьян, вы куда?

— В белый свет, Стёпка, долю искать. А ты рости, — он потрепал меня по белым вихрам и добавил. — Добрый рести.

И ушёл, больше я его не видел.

Мать пришла к обеду, нашла тетрадку и прочла: «Павло и Катя. Поеду на родину. Спасибо, что приютили, обогрели, накормили. Спасибо за добро. Буду вас помнить. А 50 рублей дарю Стёпке на школу. Иван». Мать заплакала.

Придя с работы, отец попросил мать прочитать еще раз записку, поглядел в сенях инструмент — всё было на месте, и сказал:

— Дастань, матэ, вынца з погреба. Выпьем за счастливый путь Ивана-Соловьяна. Хай Господь ему помогае...

Пришла настоящая осень, мокрая и холодная. Я таскался с отцом за четыре километра в совхоз, где была школа, месил грязь в кирзовых чёботках, купленных на подарок Соловьяна. Они, как и отцовы, не боялись воды, потому что были смазаны березовым дёгтем. Сильный запах дёгтя стоял в классе, и учительница не знала, что со мной делать: выгнать или оставить.

По вечерам мы с отцом устраивались у натопленной печки и просили мать почитать книжку. Она хорошо читала, и в хате долго слышался её ровный красивый голос. Я засыпал под щемящую историю графа Монте Кристо.

Иногда мать читала Священное Писание. Я слушал, смотрел на строгого Бога в углу комнаты, и вечные слова Христа живой водой текли мне в сердце: «Я был наг, и вы Меня не одели, Я был странником, и вы Меня не приютили, Мне было холодно, и вы Меня не обогрели, Я был голден, и вы Меня не накормили». Я вспоминал

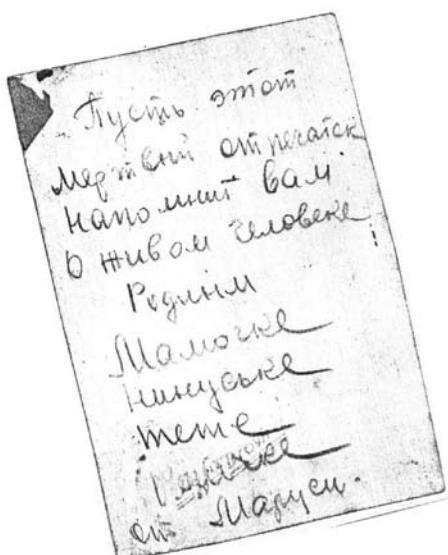
записку Соловьяна на промокашке и думал, что нас Господь ругать не будет.

Я подрос, волосы потемнели, но остались волнистыми, как у матери. Отец приглядел лучшую хату на другом хуторе, мы распродались и переехали. Но и на новом месте в нашу крайнюю хату стучались: переночевать, оставить на догляд поломавшийся мотоцикл, постоять с пасекой под нашим двором... Многие из этих людей потом появлялись снова – в гости, с благодарностью или просто проводить нас. А грузин-пчеловод прислал посылку с домашним чаем и с таким адресом: «Хутор Мигуты, добрым людям в крайнюю хату». Посылку почтальонка, ездившая на бедарке, привезла, смеясь, нам. Чай был такой, что лучшего я в жизни не пил.

Прошли годы. Мой хутор поредел, черепичные крыши хат густо поросли зелёным мхом, в них живут другие люди, которых не знаю я, и которые не знают меня. И в январский вечер я завернул к хутору, бросил машину у старых верб и решил, как это было в моём детстве, попроситься на ночлег к кому-нибудь. Мне открыли всего в одной хате из шести. На пороге стояли две девочки: лет семи и пятнадцати.

– Заходите, дядя. Мама скоро приедет с фермы. Мы супа наварили, ужинать будем, – сказала старшая.

Я поблагодарил сестричек, сказал, что без мамы в хату не могу зайти, и вышел со двора, смахивая пробившуюся слезу... Видит Бог, в этом большом мире не сгинула территория добра.



**Татьяна КУН**

## Сестричка Маша

**Моей родной тёте Стешенко-Сусловой Марии Александровне посвящается.**

Прошла дорогами войны,  
Забыв мечтания и сны,  
Забыв и отдых, и уют  
Внесла свой вклад в большой салют:  
Салют Победы долгожданной  
Такой тяжёлой и желанной!  
Не зная страха и покоя  
Ты стольких вынесла из боя!!!  
Девушке в двадцать юных лет  
«Хлебнуть» досталось много бед!  
Ряды товарищней редели,  
А пули всё свинцово пели...  
Отважной, смелой ты была;  
Спасала жизни, как могла.  
«Сестричка!» – звали – «Помоги!»  
И снова – нипочём враги;  
Ползла, тащила ты бойцов  
И старых, и совсем юнцов...  
Где только силы находила?  
Тепло, заботу всем дарила...  
И шла дорогами войны,  
Забыв мечтания и сны!..

**Д**авно закончилась Великая Отечественная война, унесшая миллионы человеческих жизней. Дорога к Победе была очень трудной, мы, выросшие уже после войны, знали о ней по военной хронике да по сккупым

рассказам наших родных, на долю которых выпали эти тяжёлые испытания.

Мария Александровна Стешенко родилась 14 октября 1920 года. С 16 лет она работала в МТС машинисткой. В 1942 году ей пришлось надеть военную шинель. 40 девушек-комсомолок ушли на фронт в апреле 1942 года, в их числе была и Маша Стешенко. Сразу она попала в подразделение противовоздушной обороны – 15 отдельный батальон ВНОС, где она была воздушным наблюдателем в системе оповещения. По звуку летящего самолёта они определяли направление его полёта и предупреждали о воздушной тревоге.

Шли бои, вскоре родные места были оккупированы захватчиками, и долгое время от родных Маша не получала никаких известий. А в это время, её отец Стешенко Александр Алексеевич, организатор коллективных хозяйств в станице Привольной, красный партизан, был расстрелян врагами. Когда Маша узнала об этом, ей дали увольнительную, чтобы она могла побывать дома. Добиралась она в основном пешком. Шла и бежала, а по степи ветер гнал колючую траву курай, который сильно ударял в спину. В то, что отца уже нет в живых, ей всё ещё не верилось.

Встреча с родными была скорбной. Всё, что узнала Маша, сильно ранило её сердце, и она стала подавать рапорт за рапортом о направлении её на передовую.

Вскоре просьба рядовой Стешенко Марии Александровны была удовлетворена и она, пройдя переквалификацию и став медицинской сестрой, попадает в конце 1943 года в 255 отдельную бригаду морских пехотинцев, которые вели в то время жестокие бои за г. Керчь. В первых рядах наступающих под свинцовым дождем пулеметных и автоматных очередей шла «Сестричка» Маша – так называли её морские пехотинцы. Раненых, вынесенных с поля боя, укрывали в керченских катакомбах, где был организован своего рода госпиталь. Воды там не было. Речка, в которой можно было набрать воды, была под прицелом немецких снайперов. За водой делали вылазки в основном ночью. Город Керчь несколько раз переходил из рук в руки. Мужественно проявила себя Маша Стешенко. Спасла жизнь многим тяжелораненым. Отважная девушка пришла по сердцу бесстрашным морякам. После освобождения Керчи один из морских пехотинцев подарил ей полосатый матросский тельник со словами : «Возьми эту тельняшку и всегда иди в бой в ней, чтобы враги знали, что и у тебя морская душа». С тех пор она в бой всегда шла в матросской тельняшке.

За мужество, проявленное в десантной операции за город Керчь, медсестра Стешенко М. А. получает свою первую награду «За отвагу».

За бои в Керчи она была представлена к «Ордену II степени», но, к сожалению, в круговорти войны так его и не получила. Прошла фронтовыми дорогами не одну тысячу километров.

255 отдельная бригада морских пехотинцев прошла с боями весь Крым, освобождала Румынию и Болгарию.

Судьба была к Маше благосклонна. Однажды, когда они сидели в сырой землянке, посреди землянки упал снаряд, взрывом Машу отбросило в сторону и она чудом уцелела. Была ранена в ногу, но не сразу заметила это, и только когда сапог был полон крови, она обратила на это внимание. В конце войны работала в Советском консульстве в Болгарии.

Войну Мария Александровна закончила в болгарском городе Варна. В военном билете НД № 2139661 записано: «Уволена в запас 1 июля 1945 года согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1945 года». Старший сержант медицинской службы Стешенко Мария Александровна награждена медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За Победу над Германией», Орденом III степени – «Великая Отечественная война».

Уже после войны – юбилейными медалями: «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «70 лет Вооруженных Сил СССР», «За нашу Советскую Родину».

Демобилизовавшись, Мария Александровна возвратилась в родную станицу Привольную, в родной колхоз, где она начинала свою трудовую деятельность и долгое время проработала там нормировщиком ремонтных мастерских колхоза имени «Ленина». За добросовестный труд, теперь уже Суслова Мария Александровна (по мужу), была награждена медалью «В ознаменование 100-летия В. И. Ленина». За долголетний труд получила медаль «Ветеран труда» и удостоена звания «Заслуженный работник колхоза им. Ленина», а в картинной галерее музея ст. Привольной висит её портрет.

После войны вместе с дочерью Людмилой и зятем Виктором Мария Александровна ездила в город Керчь, опускалась в те самые катакомбы, где прошли её тяжелейшие дни войны.

Когда появился первый внук Алёша, Мария Александровна в нём души не чаяла, с такой же теплотой и нежностью она обожала и второго внука Серёжу.

В ст. Каневскую Мария Александровна переехала жить вместе с дочерью Людмилой и её семьёй в 1982 году, когда она была уже на пенсии.

Каждый год в День Победы 9 мая Мария Александровна в своем парадном костюме с медалями и Орденом на груди была в колонне ветеранов на праздничном митинге у «Вечного огня» в ст. Каневской. Здесь покоятся отец Марии Александровны и моей мамы Нины Александровны – Стешенко Александр Алексеевич. Каждый год мы приходим сюда с цветами и долго стоим у гранитной плиты, на которой золотистыми буквами написано: «Стешенко А. А.»

21 мая 1993 года Марии Александровны Сусловой не стало... Но в моей памяти она осталась

доброй, улыбчивой, красивой и мужественной женщиной, на которую всегда хотелось быть похожей. Она всегда умела выслушать, понять и помочь любому человеку в трудную минуту. А какие замечательные картины из атласных лент она мастерила!.. Какой вкусный торт «Наполеон» она пекла, да разве расскажешь обо всём этом!.. Целая жизнь прошла – яркая, жизнедеятельная!.. Вечная память всем павшим в этой жестокой войне, и тем, кто уцелел, выжил, но уже ушёл в мир иной. Низкий поклон всем тем, кто своим трудом в тылу помогал приблизить Победу.

**Виталий КИПИРИН**

## Музыкант

Рассказ

**Н**икто из молодых работников Дома культуры не помнил, когда и откуда приился к их берегам этот пожилой спившийся музыкант.

Его сутулая фигура с глуховатым голосом и неуверенной походкой казалась неотъемлемой частью интерьера их мрачноватого двухэтажного здания.

Под напором осеннего холодного ветра золотым дождём опали на землю листья – пышный наряд станицы.

В эту ненастную пору Пётр Кузьмич старался не покидать своего убежища. Сердобольный директор отвёл незадачливому музыканту каморку под сценой. Здесь, в тепле, рядом с подсобкой техничек он коротал время. Из-за частых запоев его отстранили от концертной деятельности и отправили в детский сектор, где под притопывания и прихлопывания он играл «полечку» и «гопака».

Бывало, собираёт несравненная Эльвира Викторовна на репетицию малышей, как квочка выводок цыплят, топнет литой ножкой об пол и воскликнет:

– Пётр Кузьмич, на выход!

Заворачивается на пружинной койке музыкант и нехотя вылезет на свет божий прямо через люк на сцену с баяном на груди.

Играл он бесподобно любую вещь в любой тональности, за что и держали непутёвого баяниста. Главное – он всегда был под рукой, вернее, под ногой.

Иногда случалась и ложная тревога. Сообразят пожарный Василь и столяр Микола бутылочку, уединятся в полуумраке пустого зала и, вспомнив о приятеле, постучат ногами по полу, призываю гаркнут, и музыкант с баяном тут как тут.

Мужики обычно собирались под сценой в его каморке подальше от начальственных глаз. И тогда в самое неподходящее время из-под сцены, как из преисподней, раздавалось под баян пьяное пение. Вышедший из терпения директор самолично опускался в смрадный прокуренный подвал и гневно разгонял компанию.

\*\*\*

Поздней осенью, когда первые заморозки робко сковали раскисшую от дождей землю, в Доме культуры заезжие гастролёры давали концерт.

Привлечённые красочной афишой, желая отдохнуть от трудов праведных, станичники дружно заполняли большой зал.

Пётр Кузьмич под обвальный грохот столичной музыки и дружный топот пригожих молодиц безмятежно спал в своём убежище, нежно прижавшись к отопительной трубе. Когда же на сцену вышел баянист, станичники дружно зааплодировали. Баян здесь любили. Тем более, что услаждать их слух собирался лауреат международных конкурсов, к тому же ещё и иностранец, каким-то образом затесавшийся среди русских. Под стать белокурому молодцу был и его концертный баян: пятирядный, со множеством регистров, как икона сверкавший на его широкой груди.

— Нужно позвать Кузьмича, — решил столяр Мыкола.

Пожарный Василь вызвался разбудить приятеля. Обходным путём он проник в подвал и постучал в узкую запертую изнутри дверь. На его призывный возглас за дверью жалобно заскрипели пружины койки, затем всё стихло. Услышав залихватские переборы, доносившиеся из зала, Василь поспешил на концерт.

— Ну как? — поинтересовался Мыкола.

— Залёг, как медведь. Теперь его из пушки не разбудить.

А музыкант тем временем на сцене мастерски исполнял прелюдию Баха, чем и покорил сердца слушателей. Вот он накинул на клавиатуру лёгкий платок, да так через него и «отшпарил» «Карнавал в Венеции». Следующим номером программы был «танец огня». Для большего эффекта в зале погасили свет. На сцене воцарился таинственный полумрак.

И вдруг среди артистов произошло замешательство. Сбоку у стены неожиданно откинулся люк, и на сцене появилось странное всклокоченное существо. Вот оно попало в луч прожектора. Сутулясь под тяжестью дешёвеньского баяна, оно на полусогнутых просеменило на середину сцены и растерянно осмотрелось.

Изжёванный костюм с продранными локтями и вытянутыми коленками обвисал на его тощей фигуре. Огромные, потрескавшиеся ботинки и липовый распухший нос дополняли его комический образ.

Зрители захочатали и заапплодировали удачной пародии на только что выступавшего артиста. И только работники Дома культуры замерли в оцепенении. Это явился собственной персоной потревоженный вызовом Пётр Кузьмич. В зал и на сцену дали свет, и недоумевающие зрители в пародисте узнали своего «хлопца».

Двое дюжих молодцов взяли под локти непрошёного гостя. Но зал дружно запротестовал.

— Нэ зайдайтэ! Хай вин грае! — послышалось из передних рядов. Станичники громко заапплодировали незапланированному развлечению.

Привычка артиста — не теряться в любой ситуации — подхлестнула Петра Кузьмича. Он смело подошёл к микрофону и обратился к залу:

— Что играть?

— Полонез Огинского! — с издёвкой крикнул молодой почитатель зарубежных ритмов.

— Полонез так полонез, — с готовностью мотнул головой музыкант и сосредоточенно прикрыл глаза.

\*\*\*

Теперь в отблесках ярких огней все увидели измождённое, блестевшее от пота лицо.

Первые звуки были слабы и казались неверными. И, действительно, куда было тянуться дешёвенькому баяну со своим концертным собратом. По залу прошёл смешок. Но это не смущило музыканта. Напротив, он вызывающе улыбнулся.

Постепенно до слушателей как бы издалека громче и явственнее стала доноситься грустная мелодия полонеза «Прощание с Родиной». Зал притих. А мелодия росла, ширилась, трагически переплетаясь с басами, и наконец загремела во всю свою мощь.

Перед слушателями больше не существовало ни взъерошенной фигуры музыканта, ни ярко освещённой сцены, ни самого зала. Каждый вдруг ощутил неясную тоску по чему-то важному и дорогому, безвозвратно уходящему из жизни.

А пальцы музыканта мотыльками порхали по клавишам в несравненных вариациях. Хотелось бесконечно плыть в сладостном потоке чаяния и надежд.

Но вот музыка оборвалась заключительным аккордом. Зал молчал. Людям не хотелось верить, что чудо уже кончилось. Затем грохот аплодисментов потряс зал.

\*\*\*

На следующий день руководитель заезжей труппы и немецкий музыкант на все лады уговаривали Петра Кузьмича присоединиться к ним.

Немец то хвалил русского музыканта, то возмущался его безразличием к мировой славе и материальному благополучию, чего, кстати, он уже достиг. На неплохом русском языке он рисовал коллеге безграничные возможности их совместной концертной деятельности. Когда же к договорам гостей присоединились и товарищи по работе, Пётр Кузьмич сдался.

И вот тщательно выбритый и одетый с иголочки, с хрустящими ассигнациями в кармане (всё было выдано авансом, в кредит), счастливый и помолодевший музыкант прошёлся с работниками Дома культуры. С обеих сторон было сказано много приятных и тёплых слов. Товарищи были рады, что из их среды вышел такой талантливый музыкант. Пётр Кузьмич благодариł коллектив за поддержку и обещал с этого дня начать новую, трезвую жизнь. И многие, особенно женщины, впервые заметили, что Пётр Кузьмич ещё не стар и довольно интересен.

\*\*\*

Вечером на вокзале среди отъезжающих артистов возник переполох. Они так и не дождались своего нового товарища.

Пётр Кузьмич опоздал всего лишь на час с небольшим. Пьяно пошатываясь, он, наконец,

достиг перрона и в отчаянии, глотая слёзы, тупо уставился на уходящие во тьму блестевшие рельсы, куда безвозвратно укатило его счастье.

Только на минутку, почти силком его затащили товарищи в забегаловку. Не выпить «на коня» они считали дурной приметой. Затем он повёл всех в ресторан, где щедро угождал компанию и даже заказывал музыку. Музыканты были плохонькие, зато впервые в жизни они играли для него, и он был счастлив.

Заскрипев в отчаянии зубами, Пётр Кузьмич выскреб из кармана мелочь, купил у лотошницы чебуреков, ушёл на пустырь и сел на краю канавы. Его тут же окружили бродячие собаки. Он скормил им все чебуреки.

Постепенно хмельной сон сморил его. Он бесчувственно, в одном костюме улёгся на дно проморзшей канавы. Собаки в знак благодарности облизали его руки и пьяные слёзы.

\*\*\*

Хоронили Петра Кузьмича на задворках старого кладбища без слёз и рыданий. Директор Дома культуры произнёс на его могиле проникновенную речь. Затем все, не глядя друг на друга, молча разошлись.

Эльвира Викторовна по случаю объявленного траура отменила занятия. Детишки с радостными возгласами разбежались по домам.

В память о товарице Василь взял баян. Мыколе достался потёртый чемодан. Музыканты-шабашники надеялись найти в нём свадебный репертуар. Но там были документы покойного, дипломы и призы.

Все были удивлены, что в молодости Пётр Кузьмич работал в известных творческих коллективах. Среди пожелтевших от времени бумаг нашли фотографию юной танцовщицы с обворожительным легкомысленным лицом.



**Людмила ВЕШНЕВИЦКАЯ**

# В сиреневом платье я выйду навстречу...

Кружусь в облаках я сиреневой птицей  
Под грустный мотив уходящего дня,  
А в сердце надежда звездою искрится,  
Всё манит и манит куда-то меня!

Никак не найду, о котором мечтаю,  
А годы летят, видно им всё равно,  
Что с каждой минутой молодость тает,  
И веткой сирени стучится в окно.

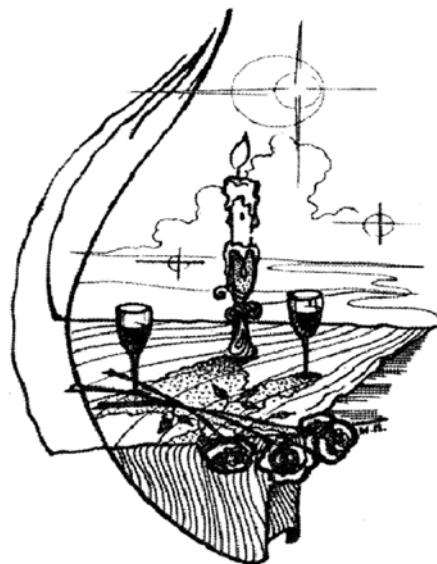
Я знаю: тебе нет ни сна, ни покоя,  
И кружишься ты в океане людском,  
Находишь немало друзей и знакомых,  
Но только меня не находишь ни в ком.

А я тебя жду. Буду ждать неустанно.  
Пусть мимо другие идут поезда.  
Растрачивать попусту ласки не стану,  
Взойдёт и моя золотая звезда!

Быть может, она запоздает немного,  
От поисков долгих собьётся с пути.  
Горячее сердце и нежность помогут  
Нам всё-таки, милый, друг друга найти.

Ищи меня там, где сиреневый вечер,  
Где домик стоит у лесного ручья.  
В сиреневом платье я выйду навстречу,  
По этому цвету узнаешь меня!

март 2002г ст. Челбасская



## ПРЕДЧУВСТВИЕ

Мне осень печальное что-то пророчит,  
Озябшую веткой стучится в окно,  
А сердце смириться с печалью не хочет,  
Отчаянно счастья желает оно!

Под шорох листвы уходящего лета,  
С неясной тоской и томлением в груди,  
Как-будто в прозрачное платье одето,  
Мне видится счастье моё впереди.

Я чувствую запах привядшего сена,  
Я слышу, как звонкие трубы звучат  
В той песне, в которой и я непременно  
Пройду через свой золотой листопад!

Пусть солнце живее играет лучами,  
Пусть вспомнятся лучшие годы мои!  
Не будет теперь в моём сердце печали –  
Я с ним зашагаю навстречу любви!

Где бабьего лета сияет дорога,  
С вином молодым и ночами без сна,  
Я знаю, что счастье уже у порога,  
Его упустить я никак не должна!

17.04.2001г. ст. Челбасская

**Джон АКОПОВ**

## На погосте...

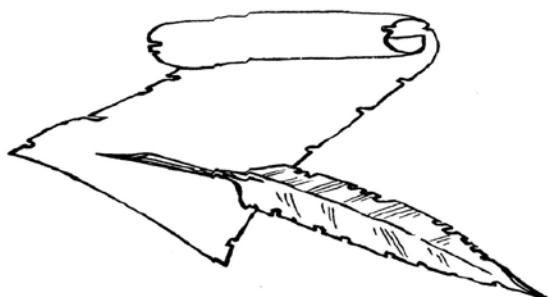
На погост прихожу я с особою грустью,  
К mestу, где завершился твой жизненный путь.  
Прихожу, чтоб в тиши пообщаться с тобою,  
Позабыв обо всём, и душой отдохнуть.

Тишина здесь иная, совсем не мирская,  
По-особому птицы здесь песни поют,  
Облака в поднебесье, такие как в детстве,  
И как в детстве букашки по травам ползут.

Здесь вся жизнь предстаёт моя, как на ладони,  
С той поры, когда сердцем услышал тебя,  
До черты той последней, когда поседевшей  
Сиротою почувствовал вдруг я себя.

Мне и грустно, и радостно рядом с тобою,  
Словно слышу из детства твой голос родной.  
Очищаюсь душой, исповедуюсь маме,  
Что я сделал, и где ошибался порой.

Здесь я чувствую к Богу какую-то близость,  
И душа твоя кажется рядом со мной.  
Здесь я жизнь понимаю полнее и глубже,  
И мне хочется жить за тебя и с тобой.



## Мы помним...

*Памяти поэта Валерия Лукьянова*

Было всё до боли очень просто.  
Видно, так задуман был твой рок,  
Птицей в небе пролетели годы,  
Слишком коротечен жизни срок.

Так ведь было до и будет после:  
Ветер будет быть крылом в стекло,  
Дождевыми брызгами умывшись,  
По ушедшим слёзы лить окно.

Будет набухать на ветке почка,  
Терпким соком наливаться ель,  
Под лучами молодого солнца  
Музойкой весны звенеть капель.

Облака куда-то будут мчаться,  
Небо будет сине-голубым,  
Но рассвет берёзовый в тумане  
Никогда не будет уж твоим.

Закружит листвой багряной осень,  
На земле найдя себе покой,  
Всё в природе повторится снова,  
Но не повторится лишь с тобой.

Для души иное назначенье.  
Где-то там, в заоблачном краю,  
На седых просторах мирозданья  
Ангелы зажгут звезду твою.

\*\*\*

Ночь окутала землю, вошла в мою комнату,  
Одинокая смотрит в окошко звезды.  
Лишь бегут по дорогам как в горы далёкие,  
Не мои, а чужие теперь поезда.

Было время, и я за мечтою крылатой  
Уезжал в незнакомые мне города.  
И мелодией нежной стучали колёса,  
И казался счастливым себе я тогда.

По огромной стране колесили вагоны,  
Было много и светлых, и грустных дорог.  
Все тревоги и радости выпавшей доли  
Я со стуком колёсным навеки сберёг.

Ночь окутала мысли, как снежною замятью,  
Лишь гудки возвращают в былые года.  
Колесят по душе моей вехами памяти  
Не мои, а чужие теперь поезда.



**Марина ЯЦЕНКО**

# Дарите женщинам цветы

Не только в праздник вспоминайте:  
Ах, да, букет ведь... Распыляйте  
На будней серые кусты  
Свет необъятной доброты;  
И о цветах не забывайте –  
Дарите женщинам цветы.

В водовороте дней шальных,  
В газету щуря глаз усталый,  
Глотая ужин запоздалый,  
Мужчины, видите ль вы их,  
Тех ненаглядных и родных,  
Которым нужно очень мало:  
Чтобы вы помнили о них?

...Как просто в суете забыть,  
Как восхищали эти очи,  
Как были вечера короче  
Мгновенья; как сплеталась нить  
В ковёр узорный... Может быть,  
Об этом сердце вспомнить хочет,  
Тепло стараясь сохранить?

Холодных дней и пустоты  
Не избежать без пониманья.  
Храните к женщинам вниманье!  
Дарите женщинам цветы;  
Их аромат сотрёт следы  
И уничтожит расстоянье  
От недомолвок до мечты.  
Дарите женщинам цветы!

1998 г.

\*\*\*

Август мелеет... Пора звездопада.  
В море купается отблеск луны...  
В прошлые дни возвращаться не надо:  
Здесь по-иному и грёзы, и сны.

В полночь приходят, и веют не грустью –  
Чем-то шальным, незнакомым пока.  
В ночь беспокойную вдруг окунусь я,  
И, растерявшись, отпустит тоска;

Выскользнет лентой из сердца больного,  
В море медузой навек уплывёт...  
Смоют отчаянье волны, и снова  
Радость в остывшей душе оживёт.

Август мелеет. И падают звёзды,  
В бедне морской остужая лучи.  
Нет, сохранить мне надежду не поздно:  
Знаю, достану от счастья ключи;

Знаю, открою заветные двери  
В мир, что, казалось, потерян в веках.  
Если сама в свои силы поверю,  
Отговорюсь и отплачусь в стихах,

Не оставляя следа от былого,  
Значит, ещё не напрасно живу;  
Значит, и солнца цветка золотого  
Радости свой лепесток оторву,

И загадаю желание смело  
На звездопадного ливня струю.  
Лето сожжённой рекой обмелело,  
В пепел тоску превращая мою.

Всё – отбродило на сердце ненастье,  
Брошенной хижиной вымерзла грусть.  
Памятью жить – ненадёжное счастье.  
Всё – больше к прошлому я не вернусь.

1994 г.



**Лидия ЛЯШКО**

# Мечта

На фоне бездны голубого неба  
Как отраженья плыли облака  
Всех нас, кто никогда там не был,  
И не смотрел на Землю свысока.

Синь вспыхнула в пылающем просторе,  
И нас поила высшею слезой.  
Земное стало очень мелким горе,  
А небо зазвенело бирюзой.

Так в эмпиреи хочется ворваться,  
Стрелою, да в заоблачную высь,  
И верить, испытаем счастье  
За нашу человеческую жизнь.

Лететь там, высоко, в просторе,  
Как облако, в блистающую даль,  
Внезапно впереди увидеть море  
И в дымке светлой разглядеть корабль,

В котором плыть хотелось к счастью,  
Увидеть воплощение мечты...  
Душа цветком умеет открываться  
На зов небес и силу красоты.

\*\*\*  
Облака плывут в канале  
Среди тины, камыша.  
Ну, зачем вы упливали  
Если речка хороша?  
Ах, куда их ветер носит?  
Хватит странствовать везде.  
Говорят, покоя просит  
Сердце. Этой ерунде  
Не поверю никогда я.  
Как такое может быть?  
Сердце и зимой и в мае  
Хочет жить, жалеть, любить.

\*\*\*

Бабье лето, бабье лето,  
В пурпур, в золото одето,

Ярким солнцем, синим небом  
Зазывает в сказку, в небыль.

Паутинки – бабье лето,  
И холодные рассветы.

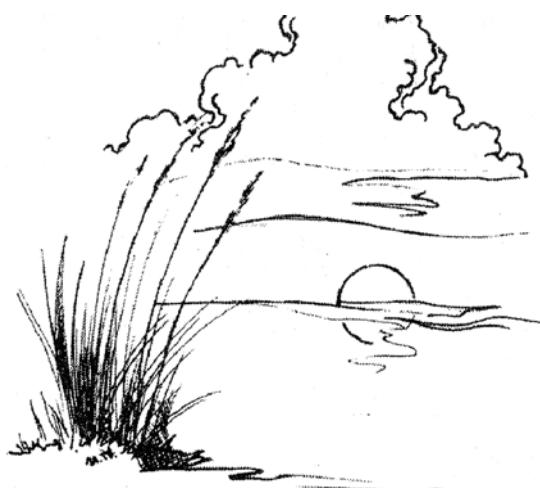
Тёплый полдень, птичи стаи,  
День неслышно угасает.

Листьев шорох под ногами,  
Море звёзд вверху над нами.

И влюбленные поэты  
Бродят радостно, как дети.

Улыбнулось бабье лето  
В бархат, в пурпур разодето.

Паутинкой у плетня  
Смотрит осень на меня.



Татьяна КУН

# Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОЯ СТАНИЦА

Я люблю тебя, моя станица,  
Где бы ни была в краю чужом.  
По ночам береза часто снится,  
Та, что шепчет тихо под окном.

Здесь мой дом, здесь все мои родные,  
Здесь коллеги и мои друзья,  
Здесь встают рассветы золотые,  
Здесь Россия – Родина моя!

Часто я мечтаю ночью звёздной,  
Стоя, у открытого окна,  
Утонув в величье этом грозном,  
Мне бы пить и не испить до дна.

Здесь все звёзды для меня родные,  
Только здесь так светятся они,  
Сладко пахнут травы луговые  
И горят, горят в ночи огни.

Только здесь сверчки поют так звонко,  
Нарушая тишину вокруг,  
Только здесь я чувствую так тонко  
Нашей жизни бесконечный круг.

Даже в самый жаркий летний вечер,  
Стоит лишь увидеть звёздный свет,  
Радуюсь я каждой нашей встрече,  
И печали будто бы и нет.

Каневская – милая станица,  
И горжусь я тем, что здесь живу.  
Я люблю тебя, моя станица,  
И тебя я Родиной зову!

# В вечернем пламени заката

В вечернем пламени заката  
Я вижу парус вдалеке,  
Из водных переливов злата  
Взмывает чайка налегке.

Мне слышен четкий шум прибоя  
И гальки тихий перебор.  
Я на свидание с тобою  
Иду судьбе наперекор.

Пусть мимолетное волненье  
Несет бегущая волна,  
И непонятное томленье  
Мне дарит моря тишина.

Лишь только тёплое касанье  
Златистых солнечных лучей  
Да нежное любви признанье  
Несут покой душе моей.

Мечты, мечты... и вновь сомненья  
Гоню я прочь. Вечерний бриз  
Приносит легкое движенье  
И радость жизни – ценный приз !



Игорь ПОГОРЕЛОВ

# Скифская память

I

Степи... Степи... Скифская память...  
В генах Колхи и Зикхов пути.  
И сарматское племя в крови заиграет  
Унося над просторами древней земли.

Наконечники стрел и курганов седины –  
Откровенье начал, может, тайн бытия.  
Здесь когда-то татаро-монголы бродили,  
И костры их горели в степи до утра.

Кочевые костры – догорают эпохи...  
И со временем, может, станем эхом и мы.  
Круг замкнется, и древнее примут потомки,  
Мы же станем прозрачной росою в степи.

II

Акварелью волошинской небо раскрашу.  
Подбоченюсь рубахой и сплету я косу –  
Разноцветьем травы, и жуками, и птахами...  
Камышовым раздольем, точно пьяный, дышу.

Ветер с Понта Эквинского шум прибоя приносит,  
В такт ему разнотравье шумит –  
В этом хоре чудесного многоголосья  
Слышит сердце забытый мотив.

Травы... Травы, плененные небом  
И влюбленные в солнце, песни ветру поют.  
Помнят травы скифское племя,  
Скифской памятью травы живут.



# Страна моя родная

Страна моя родная,  
Нежный край, что сердцу мил,  
О тебе давно не знаю,  
Ты меня уж позабыл...  
Позабыл мои ты песни,  
Позабыл ты голос мой,  
И в тебе уже иные  
Отпевают упокой.

Сколько лет промчалось, сроду  
Не видал я суеты.  
О тебе в сурову пору  
Были сны мои, мечты:  
Видел я твои равнины  
И усопшие поля,  
Видел всё, что сердцу мило –  
Знать в тебе судьба моя.

Горьких песен расставанья  
Мне не пой. Земля тоски –  
Я вернусь туда, где ране  
Зажигались огоньки,  
Где горело сердце сильно,  
Где в груди моей рвало,  
Ты меня уж позабыла...  
Как я не был здесь давно!



**Татьяна ГРЕЧАНАЯ**

\*\*\*

Опять весна пришла, играя  
Лучами солнца в облаках.  
И каждый пахарь твёрдо знает –  
Душистый хлеб в его руках.

Насколько быстро, расторопно  
Он проведёт весенний сев,  
Настолько белым и огромным  
В застолье будет новый хлеб.

Не каждый знает, сколько силы,  
Труда и мужества в зерне –  
От той полоски скатой нивы  
До каравая на столе.

Но, каждый раз, вкушая сладость  
От каждой булки и куска,  
Испытываешь боль и радость  
За все прошедшие века.

От первого зерна пшеницы  
До беспредельности полей,  
Всем надо низко поклониться,  
Огромной силе тех людей,

Что сеют, пашут, убирают,  
В колосья превращают труд,  
Другие – взят, собирают,  
А третьи – хлеб в печах пекут!

1990

\*\*\*

Мне не надо от вас  
Громких слов восхищенья,  
Мне не надо от вас  
Ни любви, ни вранья.  
Вы читайте стихи –  
В них для вас вдохновенье,  
И любите весь мир,  
Как люблю его я.

03.05.2004



Горькая  
память  
войны

**Валерий КОСТРОВ**

# ОККУПАЦИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ КАНЕВСКОГО РАЙОНА

**Л**етом и осенью 1942 года фашистские захватчики предприняли мощное наступление на Кавказ и Кубань. Несмотря на огромные потери, враг оккупировал территорию Краснодарского края и создал здесь мощную линию обороны. Гитлер настаивал на защите Кубанского плацдарма, рассматривая его как запасной выход из ситуации, складывающейся после окружения и разгрома под Сталинградом. Кроме того, он надеялся проникнуть через Северный Кавказ в богатые нефтью районы Ближнего и Среднего Востока.

В качестве основных методов управления на оккупированной территории немецко-фашистские захватчики использовали насилие и террор. С патриотами, сопротивлявшимися гитлеровскому игу, оккупанты вели жестокую борьбу. В секретных немецких инструкциях по уничтожению партизан утверждалось, что партизанско сопротивление «соответствует по своей сути русскому духу» и может быть побеждено только беспощадностью. «Все пойманные партизаны и гражданские лица, включая и женщин, должны быть расстреляны, или, лучше, повешены», – говорилось в «Боевом наставлении по борьбе с партизанским движением на Востоке». В то же время Гитлер признавался: «Партизанская война выгодна и нам: она даёт нам возможность истреблять всех, кто выступает против нас».

Партизанские отряды формировались из добровольцев. Это были люди большого мужества, патриоты, понимавшие, на какой риск они идут. В инструкции верховного главнокомандования вермахта, выпущенной в ноябре 1942 года, говорится: «Обращение с партизанами и их добровольными помощниками должно быть исключительно суровым... Лица, предоставляемые партизанам убежище или продовольствие, или знающие, но скрывающие место пребывания партизан или вообще оказывающие им какую-либо другую поддержку, подлежат расстрелу».

На всей территории, подвергшейся оккупации, враги установили так называемый «новый

порядок» – режим насилия и кровавого террора. Фашисты, занявшие 5 августа 1942 года Каневской район, за полгода убили 360 каневчан, в том числе 90 женщин и 60 детей в возрасте от двух недель до четырнадцати лет. Огромный ущерб был нанесён экономике нашей станицы. Были разорены все колхозы и промышленные предприятия, разрушен железнодорожный вокзал. Убытки составили десятки миллионов рублей.

Перед оккупацией в нашем районе были подготовлены базы снабжения партизан, где хранились продукты, медикаменты, одежда и оружие. На хуторе Сладкий Лиман организовалась партизанская подпольная группа, уничтожившая семерых полицейских, пятерых немецких солдат и двоих офицеров оккупационных войск.

В военном зале нашего музея есть стенд, посвящённый участникам партизанского движения в Каневском районе. На стенде можно увидеть фотографию расстрелянного полицая бывшего председателя Новоминского райисполкома Л. К. Черняева, который в 1942 году был организатором партизанского отряда в районе.

Рядом – снимок и личные документы учительницы Н. М. Берестовской, с 1937 года – секретаря Новоминского райкома комсомола. В годы войны она сражалась в партизанском отряде «За Родину!» В октябре 1942 года Нина Берестовская была послана в станицу Новодеревянковскую для организации борьбы с оккупантами, но в декабре была выдана предателем и расстреляна 22 января 1943 года в станице Ленинградской.

Здесь же фотографии П. К. Германа – бойца партизанского отряда «Кубань» и О. А. Лесик – участницы партизанского движения в Белоруссии.

Медицинские инструменты, которые экспонируются рядом со стендом, напоминают о подвиге врача-хирурга М. Ф. Стычинской, которая в период оккупации спасала раненых бойцов.



Г. В. Эспиноса

Жители Каневского района И. Н. Нефёдов, М. Ф. Новиков и О. Л. Сидоренко прятали парашютиста-десантника Германа Восмедиано Эспиноса, а фельдшер П. Н. Животовский лечил его. Рискуя собственной жизнью и жизнями своих близких, они спасли испанца. Помогал им другой десантник – Василий Александрович Кожедуб из Белоруссии. Три группы парашютистов были сброшены над нашим районом в январе 1943 года, но только два человека остались в живых – испанец и белорус.

В это трудное время ярко проявился патриотизм наших земляков, их воля к победе и самоотверженность. Народная борьба в тылу немецких войск – одна из героических страниц Великой Отечественной войны. Победа патриотам досталась дорогой ценой. За годы войны погиб каждый седьмой партизан и подпольщик. Все они, живые и мёртвые, до конца выполнили свой долг перед Родиной.

В ночь с 3 на 4 февраля 1943 года фашисты бежали из Каневской.

В вечернем сообщении Совинформбюро от 4 февраля сказано: «Наши войска овладели районным центром и крупным железнодорожным узлом Староминская, районным центром и железнодорожной станцией Каневская».

Первыми в нашу станицу под утро 4 февраля вошли части 351-й стрелковой дивизии, входившей в 58-ю армию, сражавшуюся на Северо-Кавказском фронте. Дивизия была сформирована в августе 1942 года, а к концу войны на её знамени появились заслуженные награды – ордена Красного Знамени, Суворова и Богдана Хмельницкого. Высокими правительственными наградами отмечены и 6693 воина дивизии, в том числе и за освобождение населённых пунктов Каневской и Привольной батальоном 1157-го стрелкового полка 351-й стрелковой дивизии, который первым вступил на территорию Каневского и Новоминского районов, вытесняя оккупантов, командовал наш земляк Филипп Иванович Колесников.

Он родился 21 октября 1905 г. в ст. Новодеревянковской, в батрацкой семье. Окончил семь классов, работал по найму, отслужил срочную службу, потом заведовал Домом культуры, работал в райкоме.

Когда началась война, стал старшим инструктором всеобщего воинского обучения при Новоминском райвоенкомате (Новодеревянковская тогда входила в состав Новоминского района). 20 февраля 1942 года ушёл на фронт. Освобождал родную Кубань, а ровно через год, 3 февраля 1944 г. на 1-м Украинском фронте в бою под Шепетовкой был тяжело ранен. Полгода провёл в госпитале, потом служил в Ростове.

После демобилизации Филипп Иванович работал в Новоминском райисполкоме, Новодеревянковской МТС, руководил сельпо и военно-учётным столом, был депутатом сельского Совета. Родина отметила его орденами Александра Невского и Красного Знамени, множеством медалей, в том числе такими почётными, как «За оборону Кавказа», «За отвагу», «За боевые заслуги».

Вместе с женой Верой Фёдоровной он вырастил и воспитал сына и дочь. 31 мая 1971 г. Филиппа Ивановича не стало, похоронен он в родной станице, которую когда-то освободил от захватчиков...

Большую работу по выяснению деталей биографии Ф. И. Колесникова провёл известный краевед А. И. Дайневич – истинный хранитель памяти родной земли.

Напор наших бойцов был неудержим. Германские и румынские войска, не оказывая серьёзного сопротивления, отступили на юго-запад. Преодолевая бездорожье, противника преследовали части 417-й стрелковой дивизии, входившей в состав 9-й армии. Они принимали участие в окончательном освобождении нашего района, особенно западной и юго-западной частей его территории.

Вечером 7 февраля в Каневскую вошли передовые части 89-й ударной стрелковой армянской дивизии, входившей в 58-ю армию. Судьба многих воинов этой дивизии была трагической.

По воспоминаниям В. П. Мановицкого, бывшего командира роты автоматчиков 1376-го стрелкового полка 417-й стрелковой дивизии, его полк 7 февраля 1943 года освободил станицу Придорожную и остался в ней на ночёвку. 9 февраля, до наступления рассвета, командир полка майор А. С. Гнатюк и начальник штаба старший лейтенант Н. А. Полищук подняли бойцов по тревоге. Ускоренным маршем они вышли из Придорожной и вдоль железной дороги направились в сторону Брюховецкого района. 9 февраля взяли Новоджерилиевскую, но освободители были тут же окружены немецкой пехотой, танками и два дня вели бой.

Командующий армией приказал 89-й армянской дивизии идти к ним на выручку. Дивизия шла из Каневской через станицу Чепигинскую и хутор Киновия на хутор Гарбузовая Балка, там часть бойцов осталась на ночлег. Ночью в хутор ворвались автоматчики и танки противника, и многих убили. Другая часть дивизии также попала под интенсивный огонь пушек, пулемётов и замаскированных немецких танков.

Основные силы дивизии вышли к МТФ № 1. Февраль 1943 года на Кубани был очень холодным, со снегом, морозами и пронизывающими

насквозь ветрами. С. Н. Черных, бывший начальник штаба 417-й стрелковой дивизии, вспоминал: «Как утверждают очевидцы, ночью армяне для обогрева разожгли костры. Местность была открыта. Немецкая разведка их обнаружила, и на армян двинулось большое количество фашистских танков, которые начали давить и расстреливать воинов. Под танком погиб и командир 89-й дивизии полковник Васильян. В результате танковой атаки гитлеровцев было убито около трёх тысяч воинов 89-й армянской дивизии».

Погибшие воины были похоронены в братских могилах хуторов Поды, Гарбузовая Балка и станицы Новоджерилиевской. По воспоминаниям М. И. Рудзит, бывшей тогда председателем райисполкома, тело командира дивизии полковника А. А. Васильяна было отправлено на его родину, а командир полка Г. А. Исаханян с воинскими почестями был похоронен вместе с погибшими парашютистами в летнем парке станицы. 9 мая 1967 года их останки были перенесены в братскую могилу в центре Каневской, а 5 ноября состоялось открытие обелиска Славы и был зажжён Вечный огонь.

В освобождённой станице налаживалась мирная жизнь. Нужно было восстанавливать разрушенное – ущерб, нанесённый нашему району за полгода оккупации, составил десятки миллионов рублей.

16 марта 1943 г. Каневской район был включён в специальную краевую программу подготовки групп минёров-разградителей из местного населения. Окончательная очистка территории края от минных полей завершилась лишь через два года.

26 марта было открыто движение по железной дороге на участке от Тимашевской до Староминской, через Каневскую вновь пошли поезда. Железнодорожный вокзал, стоявший с 1914 года, был разрушен, и каневчане построили новый.

Каждый делал всё, что мог, для того, чтобы хозяйство Каневского района поднялось из руин.

Заведующая районной библиотекой М. П. Олифаренко собственноручно отремонтировала помещение, она лично мазала и белила библиотечные стены.

Заведующий радиоузлом М. Ю. Пропейко, инвалид гражданской войны, в начале августа 1942 года, буквально в последний день перед оккупацией, смог спасти часть имущества радиоузла. Находясь в эвакуации, за свой счёт собрал из деталей 100-ваттный усилитель на 1000 радиоточек, стоимостью 14000 рублей. После освобождения района он привёз усилитель в Каневскую, установил и подключил. Наши земляки получили возможность узнавать положение на фронтах, следить за обстановкой в стране и мире.

Несмотря на невероятно трудное положение в освобождённых районах, было принято решение возродить разрушенную киносеть края. В станице Каневской был назначен начальник межрайонного отдела кинофикации, которому было поручено лично обследовать состояние кинотеатров и организовать их восстановление.

В те же дни было принято постановление Военного совета Северо-Кавказского фронта об обеспечении войск фронта мясом и рыбой. За 58-й армией были закреплены Каневской, Приморско-Ахтарский, Брюховецкий, Новоминской, Староминской и Щербиновский районы. Наш район с честью выполнил это задание, поддержав освободителей.

В середине июня командир 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса Н. Я. Кириченко в выступлении на XIII пленуме крайкома отметил, что Каневской район многое сделал для его бойцов. В конце августа каневчане в числе других оказали продовольственную помощь партизанам Белоруссии.

После полного освобождения Кубани по инициативе крайкома было подготовлено «Письмо казаков и казачек, рабочих, работниц и интеллигенции Советской Кубани товарищу Сталину И. В.» Помимо прочего, в письме рассказывалось о преступлениях фашистов на Кубани и о подвигах воинов-кубанцев. Свои подписи поставили 536705 жителей нашего края, из них 8313 каневчан. В докладной записке секретаря Каневского райкома П. Т. Ерёмина от 24 октября 1943 г., в частности, говорилось: «На собрании колхозников колхоза «За технику» после чтения письма старый казак тов. Буря спел старую казачью песню: «Ты, Кубань, ты наша Родина».

Восстановление развернулось широким фронтом по всем направлениям народной жизни. От людей требовалась высокая сила духа и огромная работоспособность, и военное поколение смогло проявить эти качества.

Люди жили, восстанавливали разрушенное фашистскими извергами, помогали фронту, строили новую жизнь. Мы навсегда благодарны военному поколению, преодолевшему огромные трудности тех лет, способному в горе и лишениях проявить волю, терпение, милосердие и любовь к Родине.

Валерий Костров,  
специалист архивного отдела  
администрации МО Каневской район

Николас БЕТЕЛЛ

# ГОЛГОФА ЛИЕНЦА

## Предисловие

Мало кто знает о трагедии Лиенца. В советское время было невыгодно освещать эту страницу истории. Суть в том, что Англия в конце второй мировой, следуя договоренности со Сталиным, выдала Советскому Союзу казаков, воевавших на стороне Германии. Трудно сейчас занять какую-то точку зрения. С одной стороны, Англия не имела права выдавать казаков, они почти все не являлись гражданами СССР. Т. к. их выдавали с семьями, то следовало, что это были те казаки, которые эмигрировали в 20-х годах. Немцы отмахнулись от того факта, что предатели были и среди сдавшихся в плен, но основная масса казаков была из эмигрантов первой волны. С другой стороны, идеализировать и оправдывать их как-то душа не поворачивается. А. И. Деникин, казалось бы, не менее враг СССР, на предложение сотрудничать хотя бы и именем своим, ответил немцам: «Большевики хоть и врачи, но Россия у нас с ними одна, на неё напал враг, и мы обязаны им помочь, в остальном разберёмся после Победы».

Повторяю, трудно судить и тех, и других. Страшно, изуверски обошлись с казачеством в 20-х и 30-х годах. Но идти на Русь с врагом, имея крест у себя на груди....

Короче, не судите, и не судимы будете. Просто прочтайте эти строки, написанные беспристрастным автором, и останьтесь при своём мнении.

В. Саяпин

Осенью 1945 года на территории северного Кавказа, исконных казачьих землях, полностью оккупированных к тому времени немцами, была предпринята отчаянная попытка возродить былую казацкую вольность. Движение с первых дней носило антисоветический характер. Были объявлены «Второй Казачий Сполох» и вторая война большевистскому режиму. Первая, как известно, пришлась на 1917-20 годы. Так драма казачества отливалась в своё второе, последнее действие, завершившееся голгофой Лиенца (по имени южно-австрийского города) в мае-июне 1945 года, когда отступившие с немцами казачьи части вместе с семьями были выданы английскими войсками советским властям. Так англичане выполнили секретные соглашения Ялтинской конференции. Половина репатриированных казаков закончила свои дни в сталинских лагерях. Лежит ли на англичанах вина за насилиственную репатриацию 50 тысяч казаков? Сейчас можно говорить, что их действия были продиктованы соображениями по необходимости. Поступи Англия иначе, кто знает, как бы отнеслись советские власти к тем английским военно-запертным из немецких лагерей, которые попали в руки Красной Армии в Польше и Восточной Германии.



Поэтому союзники стремились не раздражать Сталина. Но налицо, выражаясь современным языком, элементарное нарушение прав человека. Ведь часть казаков вообще не была советскими гражданами: со времён гражданской войны они были эмигрантами и никогда не признавали законности советского государства. Даже по условиям конференции в Ялте эти люди не подлежали репатриации. Вот почему в послесловии к книге, выдержанной из которой мы адресуем читателю, Виктор Некрасов написал: «Лиенц... Не лучшая, чтоб не сказать позорная страница в истории Англии. Её будут стараться быстрее перевернуть, но вырвать не удастся...» И не от этого ли история под Лиенцем двадцать семь лет держалась на западе под спудом? Сегодня становится известной и нашему народу...

Публикуя отрывки из книги английского ученого Николаса Бетелла «Последняя тайна» (они названы нами «Голгофа Лиенца») о страшной трагедии, постигшей казачество, мы не ставим своей целью реабилитировать в общественном мнении тех, кто, ненавидя коммунистический режим, надел в результате немецкую форму, встал под знамена нацистов, и с оружием в руках добровольно воевал со своими соотечественниками. Кто они были – предатели или мученики, ответить сейчас невозможно. Впрочем, пусть каждый решает сам. Для этого вчитаемся внимательно в строки мало кому известной у нас книги. Перед вами откроется еще одна трагическая страница войны.

В конце войны в западной части Германии находилось немногим менее двух миллионов советских граждан, и процесс их репатриации проходил так интенсивно, что за два месяца советским представителям было передано 1393902 человека. Сведения об этом периоде хаоса были отрывочны, и трудно сказать, сколько было тех, кто сопротивлялся возвращению.

Немногие из этих двух миллионов могли бы доказать свою полную непричастность к какому бы то ни было сотрудничеству с врагом. Только немногие вынесли испытания в немецких лагерях и провели все эти годы плена, никак не помогая вражеской военной машине. Для большинства из них сотрудничество ограничивалось лишь тем, что они выполняли грязную или опасную работу в обмен на чуть лучшие, чем в лагерях, питание и содержание, но с другими дело обстояло хуже. Сотни тысяч советских граждан добровольно и с энтузиазмом сражались на стороне немцев. В хаосе майских и июньских дней 1945 года многие из них пытались сбежать с группами перемещённых лиц. При некотором везении они могли бы вернуться домой и никто не узнал бы о их деятельности. В эти недели надо

было сделать мучительный выбор. Что они могли выбрать? Отправиться домой и надеяться на лучшее? Бежать и попытаться остаться в Германии? В любом случае шансы на успех казались незначительными.

Сообщение в газете «Нью-Йорк таймс» показывает, как мало сочувствия испытывали люди на Западе к русским, перешедшим на сторону врага. В ней сообщалось, что русские предатели в количестве от 100-150 тысяч, содержащиеся как военнопленные, вероятно, предстанут перед советским судом. На пресс-конференции 8 июня генерала Омара Бредли спросили о советских обращениях по поводу дурного обращения с их гражданами в американских лагерях. Его ответ был загадочным: «У нас есть русские, но я не думаю, что Россия может жаловаться на наше обращение с ними. Мы захватили от 100 до 150 тысяч русских, сражавшихся на стороне немцев. Я убежден, что этих людей ничего хорошего не ждёт».

Среди них самой яростной антисоветской группой были казаки. Еще раньше, чем власовцам, им было позволено формироваться в полу-независимые отряды в составе немецкой армии, и они завоевали репутацию хороших бойцов. 17 мая фельдмаршал Александр телеграфировал в свой главный штаб в Лондоне, запрашивая инструкций, что делать с 50 тысячами казаков, находившихся на его территории. «Быстрое решение, – писал он, – позволит нам избавиться от больших людских скоплений в южной Австрии». В то же время он выражал беспокойство, что «немедленное возвращение этих людей на родину может оказаться для них роковым».



на другой день Эндрю Каннингам, начальник штаба военно-морских сил Великобритании, ответил, что казаки в любом случае должны отправиться в Россию, так как они попадают под условия Ялтинского соглашения.

20 мая Черчилль в письме к начальнику своего личного штаба генералу Эсмею выразил некую

озабоченность этой проблемой: «Что вы знаете о численности русских, которые были взяты в плен немцами и освобождены нами? Можете ли вы отделить тех, кто просто работал на немцев, от тех, кто боролся против нас? Не могли бы вы мне сообщить дополнительные сведения о 45 тысячах казаков, о которых говорил генерал Эйзенхауэр? Как они оказались в настоящем положении? Всевали ли они против нас?»

Черчилль не довел до конца дело, которое тревожило его, он получал туманные ответы на свои вопросы, и приходили они тогда, когда операция шла полным ходом. 29 мая Александр получил приказ главного штаба передать казаков советским властям.

...Когда Россия была охвачена гражданской войной и революцией, большинство казаков боролось против нового большевистского правительства и Красной Армии. Когда же война закончилась победой Красной Армии, много тысяч казаков бежали на Запад. Старые эмигранты, бывшие белогвардейцы с горечью смотрели на то, как уничтожается казачий жизненный уклад и перераспределяются их земли. Они составляли планы и заговоры против тогда ещё слабой власти большевиков. В течение многих лет у них было мало возможностей из-за железной хватки, которой Сталин держал страну. Предпринимались попытки небольших вторжений в надежде, что при первом же признаке белого движения русский народ поднимется и свергнет коммунистический режим. Но дело обстояло не так просто. В большинстве случаев лазутчиков сразу же ловили и уничтожали.

Очевидно, поэтому среди казаков оказалось больше всего тех, чьи сердца загорелись надеждой, когда Гитлер напал на Советский Союз и, какказалось на первых порах, одерживает победу. Война представлялась замечательной возможностью свергнуть коммунистический режим и восстановить прежнее положение казаков в России. Лидеры казаков, вроде кубанского атамана Науменко (который в 20-е годы был генерал-майором белой армии) и донского атамана Петра Краснова, сразу же предложили нацистам свои услуги. В то время они получили категорический отказ. Немецкая армия в то время была очень сильна и не нуждалась в помощи «славянских недочеловеков». Но после Стalingрадской битвы и других последующих поражений немцы стали более терпимо относиться к этой возможности, надеясь с помощью казаков одержать верх над союзниками. В ноябре 1943 года они обещали казакам вернуть их исконные земли. Четырьмя неделями позже Краснов и Науменко были назначены командующими казачьими войсками в составе не-

мецкой армии. Ещё одним членом командования был назначен Т. И. Доманов, незадолго до этого произведённый в генералы. Доманов, в отличие от других, был представителем «новой эмиграции» – бывшим советским офицером, присоединившимся к немцам во время их вторжения и теперь отступавшим вместе с ними.

Казаки питали привязанность к амуниции, принятой ещё в царской России. Хотя их основная форма была немецкая, они носили высокие карабулевые папахи, высокие сапоги, бурки и огромные бороды или усы. На парадах солдаты носили длинные изогнутые сабли, а офицеры имели при себе изукрашенные драгоценностями инкрустированные кинжалы – фамильное оружие, переходившее из поколения в поколение в каждой казачьей семье. Когда казаки начали отступать, они тащили с собой обозы беженцев – женщин, детей, которые боялись оставаться на территории, куда должна была вступить Красная Армия.

Несмотря на устарелое и громоздкое вооружение, казаки сражались яростно, но чем дальше от своих территорий, тем сильнее у них нарастало чувство отчаяния. В конце войны казаки под командованием генерала Хельмута фон Паннвица были посланы в северную Югославию для борьбы с коммунистическими партизанскими отрядами Тито. Искусные наездники, они были больше приспособлены к горным условиям и действовали более эффективно, чем моторизированные немецкие части, которые ими заменили. Это была жестокая игра без пощады с обеих сторон. Вскоре казаки снискали себе здесь печальную славу. Входя в деревню, в которой, по их мнению, укрывались партизаны, они огнём и мечом сравнивали её с землёй.

Казаки утверждали, что эти сомнительные действия начались только после того, как они были вынуждены отойти от собственных территорий. Это произошло тогда, когда усилилось давление нацистской Германии на них, и их шаткая автономия перестала существовать. Многие признаки деградации наметились после смерти атамана Павлова. Пётр Донсов писал автору этих строк, обвиняя Краснова в подготовке убийства Павлова с целью завоевать доверие немцев и стать атаманом. Действительно, в последний год войны многие казачьи части оказались под прямым контролем СС.

Одной из уступок министерства по восточным делам Альфреда Розенберга в эти месяцы затухания войны была передача казакам области в районе Толмеццо в Итальянских Альпах, в нескольких километрах от австрийской границы. Казаки должны были занять этот район и сделать его базой для своих военных действий.

Потом казакам предстояло столкнуться с проблемой английской и американской армий, которые с боями продвигались по территории Италии. Английская армия в апреле 1945 года подходила к Толмеццо и итalo-австрийской границе. Казаки носили немецкую форму и формально должны были принять бой, но решили не делать этого. Они боролись с Советским Союзом, а не с Англией и не с Америкой. Перед ними встал выбор сдаться или отступить. В конце апреля походный атаман Доманов, заменивший в феврале атамана Краснова, отдал приказ об общей эвакуации. 30 апреля казаки погрузили всё своё имущество на телеги и направились в сторону альпийского перевала Плоушен-пасс, находившегося в нескольких километрах. На следующий день их авангард вошёл в Австрию, и в течение последующих дней все они расположились лагерем около двух австрийских деревень – Маутен и Кетчах.

Конечно, англичан тревожило, что будут делать казаки дальше. В начале мая подполковник Малcolm, командир восьмого батальона известного шотландского полка Аргайл и Сутерланда, получил приказ продвинуться к Лоренцаго, в тридцати километрах от Толмеццо, и «сделать это место опорным пунктом операций против казачьих отрядов». Его бригадный генерал Джейффри Масон не знал, что казаки уже ушли в Австрию. Джек Бейтс, который в то время вел дневник 36-й пехотной бригады, отмечает, что «их продвижение к австрийской границе не встретило никакого сопротивления и напоминало мирную прогулку по красивым местам». Они были приятно удивлены, что казаки решили не сопротивляться.

8 мая в Толмеццо прибыла делегация казаков с сообщением, что они готовы сдаться на любых условиях. В своём отчёте Бейтс пишет : «Преследуемые со всех сторон, потеряв всякую надежду на победу, они теперь столкнулись с перспективой быть возвращёнными в Советский Союз как предатели». Здесь он допускает крупную ошибку. Казаки меньше всего могли себе представить, что англичане выдадут их Красной Армии – злейшему врагу. Согласно воспоминаниям казачьего офицера Дмитрия Фролова, делегация с самого начала изложила свою точку зрения Массону и его сотрудникам: «Мы сказали, что мы казаки и всю свою жизнь посвятили борьбе против советской власти. Мы бились до последней капли крови. Но мы никогда не сражались с регулярными частями западных союзников, потому что англичан и американцев мы считаем своими друзьями». Они были настолько плохо осведомлены о политической и военной ситуации того времени, что союз Англии и Америки со Сталиным считали лишь уловкой, которая вскоре перестанет быть

необходимой. Они действительно думали, что вскоре война перейдёт в следующую фазу – Запад против Советского Союза.

Массон приказал казакам спуститься с гор и переправиться через реку по мосту около Обердрафурга, в нескольких километрах от Маутена. Здесь они вышли на шоссе, которое шло в западном направлении параллельно реке к городу Лиенц, расположенному в 15 километрах, и разбили лагерь в поле к востоку от города. Несмотря на хаос, они двигались к месту назначения быстро и расторопно, и вскоре достигли цели.

Согласно английским данным, к 16 мая в долине реки Дравы собралось 22009 домановских казаков: 15380 мужчин, 4193 женщины, 2436 детей. Ещё несколько дальше к востоку английские солдаты охраняли 15-й казачий кавалерийский корпус генерала Хельмута фон Паннвица, сдавшийся в полном составе в количестве 18792 человека. Но в то время царила такая неразбериха, что к точности этих цифр надо относиться с осторожностью. Например, казачьи историки утверждают, что численность домановых войск составляла 35 тысяч человек, на 13 тысяч больше, чем сообщают английские источники. Дело, очевидно, заключается в том, что много казаков осталось в Италии и после эвакуации, а другие рассеялись в разных направлениях во время похода через горы. Каждый день прибывали всё новые массы людей.

Через несколько дней командир корпуса Чарльз Китли получил требование от своего коллеги по ту сторону границы, советского генерала Бузухова о выдаче всех казаков: женщин и детей наряду с военными и эмигрантами Гражданской войны. Китли отправился на переговоры с Бузуховым и вернулся обеспокоенный тем, что, как он понял, от него будут требовать возвращения и тех русских, на которых не распространялись условия Ялтинского соглашения. Во время второй встречи на территории, занятой Красной Армией, обсуждались детали, и английским представителем на сей раз был бригадный генерал И. Трайон-Вилсон – один из сотрудников Китли.

...Первоначально выдача казаков из Лиенца была назначена на 31 мая, но была отложена на один день по требованию советских представителей, в чьих руках находилось уже более 8500 человек. Депортация из долины Дравы началась ранним утром 1 июня. Лейтенант И. Б. Хатерингтон с отрядом королевских вест-кенцев прибыл в лагерь около Обердрафурга и обнаружил, что там не проделано никаких приготовлений к отправке. Он вызвал местного лидера казаков и велел ему подготовить своих людей. Казак отказался, добавив, что предпочитает быть расстрелянным, после

чего два английских солдата силой втащили его в вагон. Потом Хетерингтон обнаружил большую группу казаков, сбившихся в кучу в дальнем конце лагеря, причем люди, образующие первый круг, сцепились руками, чтобы не допустить проникновения в свои ряды английских солдат.

Лейтенант приказал своим солдатам примкнуть штыки, чтобы вынудить казаков сдаться, но реакция на это казаков была однозначна: они стали рвать на себе рубахи, предлагая солдатам колоть их штыками. Устное обращение к ним через переводчика вызвало только свист и насмешки. Тогда Хетерингтон решил прибегнуть к классической технике овладения толпой путём изъятия её лидеров. Он велел своим солдатам «хватать наиболее активных». Однако, докладывает он, «это было легче приказать, чем выполнить, ибо чтобы схватить одного казака, требовалось от четырёх до шести человек». Были пущены в ход ручки окопных лопаток, чтобы прорвать наружный круг и вытащить людей из толпы, — техника, которая «медленно, но верно вела к успеху». После этого проблема возникла ещё раз, когда группа казаков бросилась бежать и скрылась в лесу. Солдаты открыли огонь и два казака были убиты. После этого погрузка продолжалась без затруднений, и ещё один поезд с казаками отбыл к советской территории.

Бывший казачий атаман Вячеслав Науменко называет первое июня «днем, который вместе со словом «Лиенц» кровавыми буквами вписался в историю казачества». Он предвидит, что «этот день на века останется в нашей памяти, как день беспримерной жестокости и бесчеловечности, совершенной западными союзниками, и, в частности, руками британской армии, против беззащитного народа казаков на берегах реки Дравы». Но он не рассматривает эти события в общем контексте второй мировой войны и не сравнивает их с гораздо большим кошмаром, в который нацисты ввергли другие народы.

Но казаки были людьми, и, хотя у них не было оснований требовать к себе особой лояльности, они имели право ожидать от армии, которая приняла их капитуляцию и рассматривала их как военнопленных, должного к себе отношения. С этой проблемой сталкивается каждый, изучающий ставшие теперь доступными британские документы по этому вопросу. Отчет Алекса Малкома начинается так: «1 июня в 7.30 утра я и майор Дэвис пришли в лагерь Пеггец. В лагере я увидел большую толпу людей, численностью в несколько тысяч человек, образовавшую строгий квадрат. Женщины и дети — в центре, мужчины — по краям. В первом ряду на равном расстоянии друг от друга стояли мужчины, одетые в военную

форму. В одном месте собралось 15 или 20 священников, одетых в облачения, державших иконы и хоругви. В 7.30 они начали богослужение, и вся толпа запела. Было ясно, что эта форма сопротивления была хорошо организована».



Малcolm был прав. Накануне священники решили собрать всех казаков для службы на лагерном плацу. Против этой идеи выступил старший священник Василий Григорьев, считавший, что следует избегать слишком большого скопления в одном месте. Он думал, что в этом случае солдатам будет легче собрать их и погрузить в машины. Но его переубедили. В 6.00 духовенство с крестным ходом вышло на лагерный плац. Началась литургия в молебен. По подсчетам Дэвиса, на площади, окруженной с трёх сторон высоким деревянным забором, собралось не менее четырёх тысяч человек.

Дэвис через переводчика обратился к толпе и сказал, что время начинать погрузку. Он пишет, что «в результате его слов толпа ещё больше сплотилась». Он сказал, что даёт им полчаса на молебен, а когда полчаса истекли, дал ещё полчаса. Но никаких признаков того, что духовенство собирается закончить молебен, не было. Тогда Дэвис понял, что «призывы начинать погрузку добровольно бесполезны и следует прибегнуть к насильственной эвакуации».

Дэвис описывает, как отдельная от общей толпы группа в 200 человек была погружена на грузовики: «Когда отдельные казаки, стоявшие в наружном кругу, были вырваны из толпы, остальные сбились в плотную кучу и под влиянием паники начали карабкаться друг на друга в судорожных усилиях уйти от солдат. В результате образовалась пирамида из истерически кричавших людей, затаптывавших других. Солдаты отчаянно пытались растащить эту массу и били прикладами и дубинками по рукам и ногам, чтобы спасти оказавшихся внизу».

Эта сцена произвела сильное впечатление на английских солдат. Дункан Макмиллан рассказывает: «Все казаки сбились в кучу, центр которой

поднялся выше человеческого роста». Арчи Рид, ныне шотландский фермер, говорит: «Не солдаты давили их, они сами давили друг друга. Они налезали друг на друга как овцы в тумане. Я думаю, что шестеро из них задохнулось». Дейвис в своей докладной пишет, что все казаки из этой группы были погружены силой, и, что двое умерло от удушья. Дмитрий Фролов, присутствовавший при этой сцене, говорит: «Они бросали нас в грузовики, как мешки с картошкой. Я помню семнадцатилетнюю дочь сержанта Пастрюлина. Это была прекрасная девушка. Я видел, как её перебрасывали через борт грузовика вниз головой. Потом я видел, что одной рукой она держалась за металлический прут, а другой – за голову, которой она сильно ударила о дно грузовика». Фролов увидел солдата, несшего на плечах к грузовику мальчика лет пяти. Мальчик в казачьей форме отчаянно извивался. Фролов пришел в ужас, потому что ему показалось, что это был его сын Володя. Он опрометью бросился из толпы, но когда подбежал ближе, увидел, что ошибся – это был другой мальчик, лишь похожий на его сына. Он повернулся назад, но был схвачен солдатами, которые потащили его к грузовикам. Фролова спасла группа молодых казаков, которые вырвались из толпы и освободили его. Потом они снова сомкнули руки, образовав цепь вокруг толпы, чтобы защитить её от налетов солдат. Хватать женщин и маленьких детей и насилино грузить их в грузовик было проще. Часто это происходило на глазах отца семейства. Многие казаки высекали из толпы, чтобы спасти своих близких, и схватить их уже не представляло труда.

Неудивительно, что этот кошмар привёл многих казаков к мысли о самоубийстве. Фролов рассказывает: «Я вошёл в лес и увидел несколько тел, висящих на деревьях». Это подтверждается английскими солдатами, включая самого Дэвиса, и не остаётся сомнений, что ряд казаков покончили с собой таким же образом. Самыми ужасными были самоубийства на мосту через Драву.

Воспоминания об этой ужасной сцене особенно богаты подробностями. Тейсон видел, как солдаты на мосту бросались во все стороны, пытаясь создать из своих винтовок заслон, чтобы оттеснить людей. Дейвис рассказывает: «Я видел солдат, спасающих людей из воды при помощи шестов и винтовок. Какой-то солдат набросил лассо на женщину и спас её. Я видел, как он протянул руки и обнял её. Он был в слезах». Солдаты делали, что могли, но река, вздувшаяся от растаявшего снега, превратилась в стремительный поток. Солдатам удалось спасти не всех.

Больше всего солдат потрясло то, что казаки не только сами бросались в воду, но бросали туда и своих детей. Один из таких случаев опи-

сывает эмигрантский писатель Фёдор Кубанский: «К обрыву подбежала молодая женщина с двумя малыми детьми. Секундное объятие матери, и одна девочка брошена ею в бездну водоворота. Другой её ребёнок, уцепившись за подол юбки, жалобно кричал: «Мама не надо! Мама я боюсь!» – «Не бойтесь! Я иду с вами!» – крикнула в ответ обезумевшая мать. Рывок – и второй ребёнок полетел в стремительные воды Дравы. Затем она подняла руку для крестного знамения: «Господи, прими душу грешную». И не донесся руку до левого плеча, прыгнула вслед за своими детьми. Грохочущий водоворот в тот же миг поглотил и её».

Столь эмоционально описанные сцены показывают всю глубину ужаса и религиозной истерики, которые охватили казаков в тот день. Жуткий и неожиданный поворот событий – исчезновение офицеров, яростное нападение людей, которых они считали своими друзьями, молитвы и проповеди священников и всепоглощающий страх перед советской властью... Они знали, что хотя сами они будут по всей вероятности, убиты или отправлены умирать в трудовые лагеря, дети их останутся живы. Их просто оторвут от родителей, отдадут в государственные детские дома и привьют им марксистско-сталинскую идеологию. Они научатся ненавидеть православие и отвергнут всё то, за что боролись их отцы. Возбуждённые массовой проповедью и верой в скорый конец, казаки находили это ещё более невыносимым, чем физическое уничтожение. И логически и эмоционально ситуация созрела для детоубийства. По подсчету генерала Науменко, двадцать или тридцать казаков убили своих детей. Может быть, их было не так уж много, но случаи эти явно имели место, и вероятно их было не меньше десяти.

Самое страшное воспоминание Дэвиса, подтверждаемое другими свидетелями, было об одном казаке, застрелившим жену и троих детей, а потом застрелившим и себя. Дейвис нашёл их около глубокой ямы: женщину и детей, лежавших рядом друг с другом, а напротив мужчину с пистолетом в руке. Дейвис говорит: «Кажется, в тот момент до меня дошёл весь ужас происходящего, когда я увидел, что человек мог такое сделать». Он вспоминает, как, глядя на тела, он размышлял над тем, как этот казак мог убить сразу четверых. Собрал ли он их всех вместе, а потом быстро – одного за другим пристрелил их? Едва ли: это неизбежно вызвало бы панику и тела не лежали бы в таком порядке. Очевидно, пришёл к заключению Дейвис, этот человек привёл сюда первого ребёнка, застрелил его, потом сходил за другим, застрелил его и так далее, пока все четверо не

оказались мертвыми, и он не убедился, что никто из его семьи не попадёт в руки советскихластей.

Капитан Дж. В. Бейкер был офицером, присутствовавшим при выдаче. В первую неделю июня он каждый день получал пропуск в советскую зону и каждый день, незадолго до прибытия поезда из долины Дравы, он ездил по дороге через мост к Юндербургу, чтобы доставить провизию казакам: «Поезд останавливался в стороне, и мы встречали его вместе с группой красноармейцев. У меня был список, по которому делалась перекличка пленных».

Когда прибывал поезд, советские солдаты выстраивались вдоль него и у станции – по два человека у каждого вагона. Состав состоял обычно из 30-40 вагонов по тридцать человек в каждом вагоне. Звучала команда – и они отпирали замки и отпускали людей. Работа Бейкера заключалась в том, что он должен был пересчитывать людей, проверять по списку фамилии и выдавать соответствующее количество пайков. Он был неудовлетворён состоянием вагонов: «Поезда отправлялись поздно утром и прибывали в семь–восемь вечера. В вагонах были только маленькие оконечки для вентиляции, забранные решётками. В них находились мужчины, женщины и дети, но единственным предметом санитарного обслуживания было оцинкованное ведро.



Нередко в вагонах обнаруживали трупы. Я не могу назвать их число, потому что я не проверял каждый вагон в отдельности, но, по приблизительным подсчётам, в каждом прибывающем поезде их было по семь–восемь. Один из казаков умудрился каким-то образом перерезать себе горло куском колючей проволоки. В других случаях они вешались на шарфах или веревке, скрученной из куска материи. Их товарищи по вагонам вполне могли не допустить этих самоубийств, но они, вероятно, думали: «Раз кто-то хочет покончить с собой, вероятно, это и есть лучший выход». Обращались с пленными грубо, но не жестоко, по крайней мере, в присутствии Бейкера: «Их пихали и толкали, но с их стороны не было попыток сопротивляться, ни борьбы, ни попытки убежать. Они полностью подчинились, покорившись судьбе». Солдаты быстро собирали их в группы и уводили. Бейкер говорит: «Боюсь, что некоторых из них уводили не очень далеко. За станцией были деревья, рощица, и казалось, что их уводили за эту рощицу. Вскоре после этого раздавался ряд длинных автоматных очередей. Я не могу с определенностью утверждать, что там происходило, потому что я не видел стрельбы, но я уверен, что многих расстреливали на месте, не на самой станции, но где-то тут же, за лесом.

Солдаты, на долю которых выпала малоприятная задача сопровождать поезда с военнопленными на советскую территорию, испытывали к этому заданию острое отвращение. В самые первые дни её выполнял 2-й батальон лондонских ирландских стрелков, вероятно, потому что батальонное командование почему-то считало, что ирландцы больше пригодны для такого рода работы, чем англичане. Командир батальона, а позже генерал-майор Г. А. Бредин вспоминает, как он получил приказ о депатриации всех военнопленных и как он был удивлён, с какой горячностью казаки настаивали на том, что их возвращение в Советский Союз немыслимо. Сначала его солдат раздражали все эти отчаянные жалобы и страшные рассказы о том, что, скорее всего, ожидает казаков по возвращении. Бредин помнит, что некоторые солдаты советовали казакам не валять дурака и не преувеличивать.

Бредин говорит: «В то время простому английскому солдату трудно было поверить, что такие вещи возможны. Но потом наши солдаты поехали в советскую зону в качестве охраны поезда, и только когда первые отряды вернулись обратно, мы услышали, что военнопленных уводят и расстреливают».

Лондонский ирландский батальон состоял из закалённых в боях, видавших виды солдат. В батальоне Бредина было 300 человек, награжденных

орденом «Звезда Африки», а 200 человек дважды были ранены в боях. «Во время войны они видели достаточно кровопролития, но только с приказом о выдаче казаков они не могли смириться», — говорит Бредин. Он посовещался с подчиненными офицерами, которые подтвердили серьёзность проблемы, так же, как и несколько немецких пленных офицеров, которые раньше командовали отрядами казаков. В частности, он помнит, как один из них, прекрасно говоривший по-английски, сказал ему перед началом депатриации: «Я не знаю, понимаете ли вы, что как только эти казаки сойдут с поезда, их сразу уничтожат».

Поэтому Бредин пошёл к начальству и сказал, что положение серьёзное, и что его люди находятся на грани неповиновения. Начальство не стало особенно вдаваться в подробности и суть дела. Оно просто отозвало лондонский ирландский батальон и заменило его другим подразделением. Бредин объясняет это дело так: «Они, очевидно, подумали: попробуем использовать на это дело новичков. Дело в том, что через несколько дней от всего этого становилось невыносимо. Трудно было примириться с подобными вещами. Из-за этого, по-моему, они использовали каждую часть только в течение нескольких дней, а потом заменили её новой».

Оуэн Фремптон был ещё одним британским офицером, который тоже был на грани того, чтобы взбунтоваться против приказа о насильственной депатриации казаков. Он был ответственен за состав, который подавался из Виллаха для посадки и перевозки казаков через границу советской зоны. Он вспоминает, как он впервые увидел поезд с казаками, но тогда он не обратил на него никакого внимания. Уж очень много людей разных национальностей передвигалось в различных направлениях. У него не было причин видеть что-либо необычное в этом ничем неприметном поезде. Но когда поезд вернулся в Виллах пустым, Фремптон был потрясён: «Какой-то австрийский служащий подбежал ко мне и сказал, чтобы я пошёл, посмотрел поезд. Я вошёл в один из вагонов. Он выглядел как место какого-то бойни. Весь вагон был забрызган кровью. Это были общие вагоны, и я помню пятна крови вдоль прохода, где тащили тела между сиденьями и дальше по трём-четырём ступенькам. Уборные были абсолютно залиты кровью, как будто эти люди специально запирались там, чтобы покончить с собой».

Как и Бредин, Фремптон говорил с несколькими солдатами из охраны состава. Они рассказали, что в нескольких ста метрах по ту сторону границы поезд остановили.

Затем некоторых казаков, в основном офицеров, выволокли из поезда и расстреляли. Он слышал также, что казаки разбивали окна и резали себя кусками стекла. Он говорит: «Тогда я сразу же ушёл с этой работы. Я пошёл к полковнику и сказал, что больше не могу выполнять её. Он устроил мне нагоняй, но не дал делу хода. Меня не отдали под трибунал. Они только заменили меня. Вот уже тридцать лет, как я рассказываю эту историю моим друзьям, и никто не верит мне. Я их в чём-то понимаю, потому что во всём это действительно трудно было поверить. Но это было...»

Депортация продолжалась ежедневно, пока 7 июля генерал Китти не отрапортовал: «Выдача казаков полностью завершена, за исключением сопротивляющихся, которых осталось окружить, и больных, находящихся на лечении».

*Н.Бетелл. Голгофа Лиенца //Родина, № 6-7, 1991.*



Владимир САЯПИН

# ВОЛЧИЦА



**С**тарушки сидели под тенистым тополем и тихо переговаривались: «Слышь, волчица сдохла», — промолвила одна. «Давно пора... — после долгой паузы выдохнула другая, теребя носовой платок и глядя куда-то вниз. — Ни царствия небесного, ни упокой её Боже — ничего...»

Обычно смерть в этом приюте скорби была событием значимым. Маленькая больница в одной из станиц района как-то незаметно с годами превратилась в приют стариков, доживающих свой век в её стенах. Сюда их свозили со всего района: у кого и в самом деле не было родных, а кто и при живых-то никому не нужен был. Уход любого своего товарища по несчастью старики старались спрятать «по-людски»: доставали из своих скромных пожитков: кто пиджак получше, кто накидку. Вечером в столовой обязательно тихонько поминали, разлив с санитарами по чарочке. Но не в этом случае. Вот уже санитары вынули из грузовика дощатый необитый гроб и понесли его в корпус, но никто не тронулся с места. Только тягучая, как болотная вода, тишина, висела в горячем летнем воздухе...

Волков в ту пору на Кубани развелось тьма. Война и отсутствие мужиков сделала этих тварей настолько дерзкими, что они ничего не боялись. Заходили в станицу, рвали собак, резали скот, а на рождество 1943 года учительница пошла на один из хуторов и была разорвана стаей. Разросшиеся на полях терны скрывали много тайн и костей непонятного происхождения.

Степан Стариков с войны вернулся осенью 44-го года с пустым левым рукавом и тремя ме-

далями. Разрушенное хозяйство требовало мужских рук, вот и поставили его бригадиром над бабьей тракторной бригадой. Как трудились в ту пору, выбивались из сил, как загнанные лошади, — уже сказано немало. И Степан от зари до зари пропадал «в степу», на стане. Там же и ночевали. Ночами невозможно было заснуть от заунывного волчьего воя, собаки на стане не держались, серые подъели всех.

Весна 45-го выдалась ранней, зацвела степь всеми цветами божьими. Но любой на Кубани знает, что ничто так не пахнет, как когда «цвитэ тэрэн». Сейчас этого колючего кустарника почти не стало, а тогда это была кара божья... Как-то в один день Степан кинул на плечо ружьишко и никому ничего не говоря, свернул мешок, сунул за пояс и ушёл в терны. Он уже с месяца заметил, что волки возле стана выть перестали, хотя кругом всенощную тянули исправно. «Где-то логово», — решил Степан. Ещё по довоенному охотничьему опыту он знал, что волки не трогают человека, нашедшего их нору, но ружьё всё-таки взял.

Лобастый щенок, серый с чёрной спиной, не успел вскочить в нору, как Степан ухватил его и кинул в мешок. Запустив в нору руку вытащил ещё троих. «Вот и премия», — удовлетворённо подумал Степан. Деловито и безжалостно ударили одного за другим троих о приклад ружья, задержался с четвёртым. Уж очень ему морда понравилась. «Ничего, успеется, покажу Екатерине», — решил Степан, бросил мешок и насторожено оглядываясь, стал выбираться из зарослей. Как гвоздь в спине Степан чувствовал чей-то взгляд. «Не иначе сама», — опасливо подумал он и прибавил ходу.

Волчица ползла, припадая за кочки, хватая в бессильной ярости зубами траву, лязгая челюстями. Набухшие багровые соски волочились по прошлогодней листве, раздираемые болью. Молоко из них сочилось, казалось, разбавленное этой физической и внутренней болью сознания, что вон тот, идущий впереди человек уносит её первенцев. Она почуяла их кровь, ярость мучила её сознание, но извечный, проклятый инстинкт не позволял броситься и впиться клыками в шею этого двуногого. До самого двора на окраине сопровождала волчица Степана, и только когда он вошёл в дом, из её горла вырвался вопль, вопль матери, потерявшей детей, вместе с яростным криком ненависти. «Ты смотри, как баба тужит», — подумал Степан, качая головой.

Всю ночь волчица металась у двора. Степан дважды стрелял из ружья, но спустя время она возвращалась вновь. Выла она уже не с ненавистью, а со стоном, как измученный горем человек.

«Степан, не гневи бога, отдай ей волчонка», – взмолилась Катерина. Измученный, под утро Степан вышел в поле, вынул волчонка и боязливо, торопливо пошагал к дому. За спиной он услышал радостное повизгивание, с которым щенки встречают мать.

Может и случайно, но всю осень и зиму волки на этот край станицы больше не заходили, а после Победы их потихоньку повыбили. Но до самой смерти Степан не любил вспоминать эту историю. «Матэ вона и у вовка матэ», – говорил как отрезал он. И долго, прищурясь, курил, о чём-то думая.

Сын Семёновны, Василий, первый свой отпуск получил летом 41-го. Молодой офицер-танкист уже год служил в Бресте, с женой и годовалой дочкой приехал в родную станицу. Как же она гордилась сыном: в ремнях, сапоги зеркало, значков уйма. Одно грызло старую казачку – невестка. «Что, не мог найти себе не жидовку? – скорбно бросила она сыну. – Воны твоего батька в девятнадцатом у груши, на огороди, порубалы». «При чём же здесь Рита?» – недоумевал Василь, но Семёновна непримиримо поджимала губы. Невестку при встрече так и не обняла. Внучку взяла на руки, без улыбки и поцелуя сунула ей карамельку. А Рита, надо сказать, была как солнечный зайчик. Хохотушка, сама ещё ребёнок, не спускала дочь с рук. Но где бы она ни была, чтобы ни делала – постоянно ощущала на себе взгляд Семёновны, в котором ничего не было, ни ненависти, ни любви – пустой взгляд. «Ничего, Вася, она привыкнет», – шептала мужу ночью Рита. Тот курил, глядя в потолок и молчал.

О войне узнали только вечером 22-го июня. Василий тут же побежал в военкомат, утром его направили в Краснодар. Он понимал, что в Бресте уже делать нечего, воевать придется, где прикажут. Риту с Наташкой решено было оставить здесь, в станице, так как Минск уже бомбили и не факт, что Ритины родители были живы.

«Мамо, сбереги моих», – обняв мать промолвил Василь. Ни слова, ни слезинки из глаз Семёновы не выкатилось. Только ещё глубже залегли упрямые морщины в углах губ. Расцеповав жену и дочь, Василий исчез за поворотом...

Потянулись одинаковые до одури дни. Рита устроилась в школу учительницей. Наташа оставалась целыми днями с бабкой. Ребёнок сам придумывал себе игры и тихонько, под шелковицей, сидел, раскладывая куклы и стекляшки. Так выходило, что Рита с Семёновной могли неделями не перекинуться и словом. Каждая занималась своим делом. Рита помогала свекрови, насколько ей, горожанке, это удавалось, по хозяйству. Рано ужинали и тушили свет, оставаясь каждая со своими думами.

Немцы вошли в станицу ранним утром. Первой проскочила прыткая танкетка, лихо развернулась у сельсовета. Из неё выскоцил молодой, красивый офицер, потянулся и весело посмотрел по сторонам. Потом подтянулись остальные. К вечеру начали распределяться по дворам. Так началась оккупация.

Прошло три месяца, в станице помимо немцев появились полицаи. В одном из них Семёновна узнала пропавшего в гражданскую соседа. Ничего не ответила она на его приветствие, только запахнула платок и проскользнула мимо. В доме у них стояли водители-немцы. Ни хорошего, ни плохого Семёновна и Рита от них не видели. Только Наташке как-то перепала шоколадка. Угостили её пожилой немец, погладив по голове, о чём-то грустно задумавшись.

То холодное утро станица не забудет никогда. Застучали в окна приклады винтовок, из домов стал выталкивать полуодетых людей, сгоняя в центр станицы. По доносам полицаев немцы сгоняли на расправу евреев, жён коммунистов, бывших советских активистов. Постучали в окно и Семёновне. «Мама, это за мной», – прошептала Рита. Семёновна, глядя на иконы, начала креститься. В дом вошёл офицер с двумя солдатами. «Собирайся, юдэ», – бросил коротко он, потом взглянул на испуганную Наташку, окинул взглядом дом, ничего не сказав вышел. «Богом молю, сберегите Наташку», – взмолилась Рита. Семёновна молча помогла ей одеть пальто, перекрестив на выходе.

На площади, у памятника Ленину, собралась огромная толпа, а посреди площади, в оцеплении автоматчиков, сгрудился человек пятьдесят, среди которых зябко ежась, стояла Рита. Все уже поняли, для чего были согнаны эти люди. Лаяли овчарки, матерились полицаи, в хмуром небе с карканьем носились грачи. Тоскливым взглядом Рита смотрела вокруг на станицу, так и не ставшую для неё родной. Одно грело душу – Наташку не тронули. И только успела подумать об этом, как почувствовала: дочка ткнулась ей в пальто, обхватив руками её ноги. Взглянув в толпу, она увидела в первом ряду Семёновну, глядевшую перед собой пустым взглядом. «Зачем?!» – в безмолвном крике зашлась душа. В это время полицаи начали подталкивать толпу, направляя её по улице к пеньков заводу, где в огромных ямах стыла чёрная вода.

Рита всё смотрела на Семёновну, моля взглядом забрать внучку, но та глядела перед собой, ничего не видя. В это время немецкий солдат, потихоньку прикрывая полой шинели, оттолкнул в сторону толпы, чтобы не увидел офицер, девочку. Тот заметил... и промолчал.

Рита вздохнула облегченно. И в это время раздался голос Семёновны: «Гер офицер, вы дытыну забулы». Аккуратно поправив платок на голове девочки, вытерев ей носик, подвела Наташу к Рите. Вся площадь затихла, пораженная. Офицер, опустив взгляд вниз, покачал головой и пошёл к началу колонны. «Волчица!!!» – услышала за спиной выдохнутые с ненавистью слова Семёновна. Толпа расступилась, и в тишине старуха, стянув с седой головы платок, побрела по снегу...

Через полчаса на территории пенькозавода застучали автоматные очереди. Ещё два дня шевелилась земля на братской могиле расстрелянных. В полузамёрзшей луже ярко краснела раздавленная сапогом кукла...

Никто не знает, чем жила эти месяцы Семёновна до освобождения. Изредка мелькала в огороде сгорбленная фигура в чёрном платке, да жидкоко струился дым из трубы. Её двор люди обходили, как прокаженный.

Письма от Василия шли, девчонки-почтальонки исправно, до победы, вставляли Семёновне треугольники в двери хаты. Но она писем не писала никому, а взять и написать Василию правду никто не решался, несмотря на то, что адрес почтовой почты на конверте был.

Василий вернулся в станицу ранним июльским утром 45-го. Красавец майор, вся грудь в орденах, только чуб сивый, шагал до родной хаты, радостно улыбаясь, здоровался с прохожими, не обращая внимания на их настороженные взгляды. Как столб замерла Семёновна перед сыном, ни слова не вымолив на вопрос: «Где мои?!». Соседка, обняв его, сказала, что братская могила на заводе. Никто не решился сказать Василию правду. Он зверски пил неделю, не закусывая, рыча от бессильной злобы.

До сих пор никто не знает, кто открыл Василию глаза. С вечера он ушёл к друзьям, и всю ночь его

не было. Сердцем почувствовала Семёновна, что утром что-то будет, помылась, одела чистое, помолилась и села ждать под дерево на лавочку.

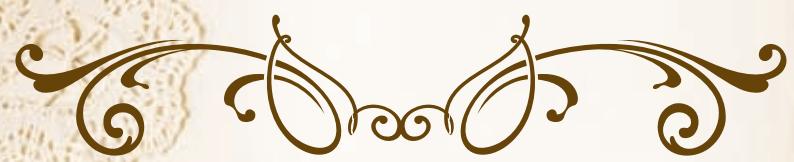
Утром распахнулась калитка, в неё вошёл совершенно седой Василий. Подойдя к сидящей матери, он долго стоял молча перед ней, потом расстегнул кобуру и вынул пистолет. Ни одна жилка не дрогнула в лице старухи. Василий медленно пошёл в сад. Через минуту сухо щёлкнул выстрел. Семёновна так и осталась сидеть на лавочке, неподвижно как изваяние...

В больнице был обеденный час, но никто из старииков не пошёл в столовую. Маленькими кучками сидели во дворе приюта, перешёптываясь. Санитары обвили синей тканью гроб, долго ждали, курили, думали, что старушки по заведенному обычанию обмоют, обрядят покойника. Никто не тронулся с места. Вдохнув, санитары сами, как придется, свершили ритуал. Уложили покойную в гроб, поставили его в беседку. Никто не захотел посидеть над гробом, один только выживший из ума дядя Гриша просидел у её изголовья до утра, раскачиваясь, крестясь и что-то шепча. На другой день грузовик с тремя санитарами отвёз на станичный погост гроб, и ещё одной неприятной могилой на краю кладбища стало больше. Через три месяца её затянуло травой, к весне могила осела, через год куда-то дёлся крест и всё, как и не было на свете человека. Прости Господи, что пришлось её так назвать...

А волчица всё дальше уводила от дома Степана волчонка.

Она то припадала к земле, чтобы покормить его, то хватала за шиворот и бежала в темноту, подальше от станицы, от ставшего холодным логова. Она ничего не чувствовала, кроме переполнившей всё её существование животной радости, счастье ощущать в зубах этот тёплый комок.





# Каневская в лицах

**Валерий ЛУКЬЯНОВ**

# Обычный человек, он – необычный врач

Очерк

*Aliqis ex nobis, sed non talis ut nos*  
 («Один из нас, но не такой, как мы», лат.)



Как-то, приехав вечером с женой из Ростова, мы возвращались с вокзала домой. В сумерках нас окликнул, выйдя из машины, мужчина и спросил:

– Простите, вы не подскажете, где живёт уролог Махитаров?

Сориентировавшись на незнакомой улице, мы указали направление, и я поинтересовался:

– Вы, наверное, нездешний, раз не знаете его адреса?

– Да, из Динской.

– Знакомый?

– Нет, приехал с больным. Нам этого доктора рекомендовали.

Нас поразило: откуда едут люди, чтобы проконсультироваться у Григория Леонтьевича! И этот случай – не единичный.

Я сам врач, но и неврачу понятно, что это очень здорово, когда о специалисте идёт (далеко

и заслуженно!) добная слава. Её не нужно подгонять и оплачивать, она летит без крыльев, куда хочет, и говорит сама за себя. Не в первый день его работы в Каневской он стал известен, но с первого дня своей работы здесь он известен, как только такой работник.

Я написал последнее слово этой фразы и поймал себя на мысли, что рука выписала его невольно, ибо в приложении к Махитарову оно, как ни одно другое, точно. Тот, кто хоть раз побывал у него на приёме, видел, как работает этот – увы! – уже немолодой человек. Он именно работает, буквально пашет, таская вручную трёхлемешный плуг своей профессии.

До того, как с ним познакомился, я неоднократно читал в районной прессе благодарственные слова ему, читал и после, и не могу не согласиться с его пациентами: он действительно заслуживает самых высоких похвал! Уверен: все, кто писал про Махитарова, не обидятся на меня, если я, по-хорошему не сдержавшись, присоединюсь к этому единодушному хвалебному хору. Григорий Леонтьевич этого заслуживает, и он, слава Богу, из тех людей, у которых достаточно юмора, чтобы относиться к себе критически. Таких похвальбы не портят, уж если они не испортили его до сих пор.

Армянский сын великого русского народа – живой осоколок советской политики интернационала – коренной кубанец. Он уроженец станицы Ладожской, по тем годам Кореновского района. На Кубани родился, здесь же, по присловью, и скончался. Но это потом. А поначалу, окончив Кубанский медицинский институт в далёком 1957 году, он был распределён в Свердловскую область.

– Есть на Урале Сажинский район, под Красноуфимском, – вот я там и начал работать. А работал я в самом Сажино, – Григорий Леонтьевич, как говорится, одной рукой рассказывает, а другой привычным беглым почерком заполняет историю болезни, – начинал в роли хирурга и по совместительству, на полставки, рентгенологом. Условия, в которых я проводил день – «лучше не придумать»: рентген-установка старая, тогда ещё РУМ-4, помещение подвальное – из окна только землю видно, а сидя за столом, я мог достать руками до стены. Поднятой вверх рукой касался потолка, представляете?

Как хирург, больше всего я интересовался урологией. Работа в тех условиях была нелёгкой, с врачами тяго было, и начальство высоко оценило мою деятельность, премировав талоном на холодильник. Вы вообще представляете, что такое холодильник по тем временам? Ничего ведь из бытовой техники не было. Ничего – и вдруг холодильник!

Долго работать в тех неприемлемых – не только с точки зрения безопасности, но и здравого смысла – условиях ему не пришлось: стало резко уменьшаться число лейкоцитов в крови, снизившись против нормы втрое. Это сказалось на самочувствии – усталость, недомогание, снижение трудоспособности. Решил, что виной всему рентген...

– Условия условиями, но ведь тогда и вообразить не могли себе всего, от чего снижается количество лейкоцитов. Уже сейчас, после Чернобыля, все сделались грамотными и начали разбираться и в тяжёлой воде, и в радионуклидах. То есть, по науке я знал, что к чему, но о том, что происходило вокруг, и не догадывался. Да и кто тогда задумывался над тем, где какой произошёл тихий и незримый взрыв, где и когда стали просачиваться в реку отработанные радиоактивные воды. Поговорили в народе – «произошло что-то чего-то, связанное с атомом» – и всё на этом!

Вопрос здоровье-нездоровье стал для Григория Леонтьевича вопросом выбора, но он им не мучился. Власти старались всячески воспрепятствовать отъезду молодого специалиста и ради сего не поскупились даже на холодильник, но хотя по бедности соблазн заплатить собой и велик, однако, ни в какие времена никакой холодильник – не альтернатива здравому смыслу. Вот, скажем, машина... Да, одному из докторов больницы руководство района дало возможность купить автомашину, и всё же врача Махитарова в намерении уехать не остановил бы и преподнесённый талон на машину. Ну если бы он был членом партии, тогда – другое дело: надавили бы на совесть коммуниста, и сидел бы на одном месте, как привязанный. При условии, когда бы остался жив. А так – не прикажешь. Тогда ему было предложено подготовиться к вступлению в КПСС. Интеллигента приглашают вступить в партию – по тем годам вещь неслыханная! Инструктор ходил, досаждал, вызывал в райком. Но он решил уехать бесповоротно. А куда? Ну куда может уехать южанин, как не домой, на юг!

Переехал с семьёй на Кубань, под Усть-Лабинск. Село Николаевское Красногвардейского района.

– Кем можешь работать? – спросил его главный врач, кстати, тоже армянин.

Ответил простодушно, согласно служебному списку:

– Работал хирургом, урологом, рентгенологом.

– Вот и идите рентгенологом.

Сославшись на нездоровье, отказался. Пытаясь уговорить. Пришлось разъяснять, что с учётом самочувствия это занятие наименее пред-

почтительно. Так вот и стал он с того времени записным урологом. Жена Григория Леонтьевича (к слову, видная, яркая женщина) определилась гинекологом. Да и сам Махитаров в молодости (по свидетельству очевидцев) был очень красивым мужчиной. Им была выделена квартира. Некоторое время жили и жизни радовались, но вот приехал в больницу врач-биохимик. А как нужны районной больнице узкие врачи-специалисты! И надо же его чем-то удержать, а чем, как не квартирой? Но где же её взять так сразу при выбранных фондах? И начал главный врач теснить Махитарова, всячески доказывая необходимость отказаться от полученной квартиры в пользу вновь приехавшей семьи. Сулил немедленно представить ему первое же вновь освободившееся жильё – «ну вот как только, так сразу!».

И не лучшим ли образом характеризует случившееся Григория Леонтьевича: войдя в положение, из гуманных побуждений и по соображениям «высшей административной целесообразности», он освободил занимаемую жилплощадь с тем, чтобы в его квартире поселилась семья врача-биохимика. Сам же с семьёй ушёл на частную квартиру.

Браво, дорогой доктор, я уважаю вас за одно это! Сам такой же.

Только почему-то когда плохо нам, так мало находится искренне желающих помочь! Но находятся, и всегда будут такие люди. Даже когда мир озвеет и обезумеет полностью, обязательно найдётся такой чудак, который будет помогать бескорыстно. Дай только Бог, чтобы к тому месту, где мы мучаемся, он пришёл ещё при нашей жизни!

Лучше, конечно, когда все живут мирно и никто не мучается. Но в том-то и дело, что Махитаров уже начал мучаться. И не один. Прошли сроки обещанного выделения жилья, прошли другие сроки, дело затягивалось до беспросветного. А молодой уролог, бесстыже обманываемый главврачом, всё ещё время от времени интересовался, как стареющий поэт Фирдоуси из стихотворения Дмитрия Кедрина, «как дела с его приданым?». В один из дней Григорий Леонтьевич «прозрел» и видит – отношения с соплеменником не складываются, пора опять уезжать. Так и сказал главному. Как прямой человек тот пригрозил:

– Я тебе такую характеристику дам, что тебя нигде не примут!

Не робкого десятка, Махитаров ответил ему:

– А мне ваша характеристика и не нужна. Моя работа будет мне характеристикой!

У меня сложилось такой впечатление от наших многолетних взаимоотношений, что Григорий

Леонтьевич каким был, таким и остался: при всей мыслимой и немыслимой популярности в народе, он не очень жалован начальством. Подобному я нахожу объяснение в том, что при всей своей профессиональной сердечности и отзывчивости Г. Л. строптив и своееволен. Ему мнения не навязешь, оно у него на всё – своё. Пусть неправильное, зато честное. Если и заблуждается он, то честно. Он – человек без лукавства. Таким запечён и другим уже вряд ли будет. И здорово, и хорошо, и дай Бог ему на то и на всё прочее здоровье!

В Каневской врач Махитаров появился в тёплую пору 1962 года. Устраиваясь на работу, пока не знал станицы, решил пройти всю пешком. Улыбается, вспоминая:

– Пошёл от центра, от базара – он и тогда был в центре, но не там, где сейчас, а на месте РДК. Шёл не спеша, поглядывая по сторонам и присматриваясь.

– Понравилось в станице?

– Да, она приглянулась мне сразу. Главный врач, а это был Луговской Николай Емельянович, принял меня по-хорошему, и я сразу стал работать урологом.

Таким образом, Григорий Леонтьевич в Каневской более сорока лет!

– Небось не одного главного врача пережили?

– После Луговского был Чугаев, были и Коньков, и Колесникова – жена I-го секретаря райкома партии, потом Хачикян Аркадий Сергеевич, Владимир Антонович Колесник...

– А при каком же главном работалось легче всего?

– У меня такое место работы, – он смотрит на меня с усмешкой, как смотрят на наивного, – я имею в виду орган выделения, которое при любом главном остаётся тем, что оно есть, а это трудное место работы.

Мне думается, медицина только тогда может считаться медициной, когда врачи умеют разговаривать с пациентами. Чаще из-за нехватки времени на приёмах у них для этого нет возможности, иногда (встречается и такое) – желания и настроения, а порой нет и умения вести диалог. Григорий Леонтьевич – говорун отменный! Надо посидеть у него на приёме, чтобы убедиться в этом. И мне повезло: сиживал я у него, и не раз, получая удовольствие от его манеры общаться с людьми. Ведь он и о семье расспросит, и о делах поинтересуется. Бывает, увлечётся и соберёт очередь под дверями, но ни один из ушедших не может пожаловаться, что ушёл от него без внимательного разговора. Помнится, у Сент-Экзюпери я читал о том, что, несомненно, настанут такие времена, когда сложные машины

будут разбираться в болезнях и ставить диагноз болезни точнее, чем врачи. Но ни одна машина не заменит старого, попыхивающего трубочкой, душевного доктора, который не спеша придёт и не спеша сумеет поговорить о жизни и самочувствии. Ну, чем не Махитаров?

Дверь открывается, и входит с наградными планками на пиджаке пожилой человек, следом – гневная посетительница, и к врачу:

– Вы почему принимаете всяких без очереди?

– Пожалуйста, во-первых, не так громко возмущайтесь, а во-вторых, этот пациент – далеко не «всякий». Он имеет право на такое посещение.

Требовательная дама:

– Я просидела в очереди почти час и уже по одному этому имею право на «без очереди». К врачу – все равны!

– Верно, все равны, но он заслуживает это право раньше вас. Как ветеран войны.

– Ничего особенного в его ветеранстве нет!

Махитаров её не отчитывает за дерзость, но просто говорит:

– А вот если бы сейчас сюда вошёл ветеран Куликовской битвы, вы бы тоже так себя вели?

– Так то ж ветеран Куликовской...

– Так вот этот человек – ветеран ещё более страшной битвы, и по отношению к потомкам – как куликовский ветеран к нам.

Вот и всё. Тихо и спокойно конфликт был разрешён, но это ж надо уметь!

А вот входит в кабинет старик-цыган. Высокий, худой, с прокуренными усами и седой бородой. Мне, да, наверное, и многим, он известен в станице. Сел со мной рядом. Показал пальцем на доктора и сказал:

– Ты у него лечишься? У-у... тебе повезло. Это такой человек! Он меня оперировал, а денег не взял. Я ему кольцо золотое давал, он его тоже не взял. Молодец, Григорий Леонтьевич, спас меня!

Махитаров слышит его слова, подтверждает их и смеётся:

– За операцию пытался заплатить мне. А где сейчас то кольцо?

– Пропил.

И, наклонившись ко мне, цыган сокрушённо добавляет:

– Лучше бы он его взял. А раз не взял, пришлось пропить.

Анекдотические рассказы о его беседах и со-беседниках я мог бы продолжать ещё долго – наслушался. Но вот что пришло мне в голову, когда я готовил этот материал: Григорий Леонтьевич в станице такой один. А может быть, и во всём Краснодарском kraе. Он один стоит целой больницы. Один! Это ж надо всем наконец понять.

Так вот, почему бы нашей администрации в качестве прецедента не объявить его ПОЧЁТНЫМ ГРАЖДАНИНОМ станицы Каневской? И даже если такого звания пока нет, то специально для сего случая его учредить, поскольку людей, достойных быть внесёнными в КНИГУ ПОЧЁТА и продолжить славный список, на наше счастье, очень много!

Нелепо было бы завершить статью о Махитарове без упоминания тех, кто верен ему словом и делом. Я говорю о медицинских сёстрах кабинета урологии – Задорожной Татьяне Михайловне (работает с Григорием Леонтьевичем 20 лет), Горкун Инне Ивановне (на приёме 10 лет) и, как его называют, отмечая деловитость и усердие, «новом враче» – Жукове Владиславе Викторовиче. Очень приятно мне говорить об этих людях, с

которыми я связан не только профессионально, но и... ах, не будем о болячках! Знаю: Григорию Леонтьевичу было бы намного трудней, не будь они рядом. Их опыт, их терпение и преданность делу, их скромное усердие – выше всяких похвал! Есть такое понятие жизненного подвига: незаметный труженик. Вот они все такие.

Пусть будут благословенны все дни их скромной, но такой необходимой всем нам жизни! И низкий поклон их золотым, без всяких кавычек, рукам. Пусть глубоко прочувствованные слова придутся им по душе и тем хоть в малой степени дополнят сказанные в урочный час слова благодарности!

Дорогой Григорий Леонтьевич, скажу по совести: если бы я не был врачом, узнав вас, я бы им стал!

**Валентин ЦВЕТКОВ**

## АБСОЛЮТНАЯ ЧЕМПИОНКА РОССИИ

**В**сероссийский конкурс техников по воспроизводству стада крупного рогатого скота в Каневском районе проводится впервые. Десятый, юбилейный, он начался 23 сентября 2008 года с заезда участников и их официальных представителей. Достойные условия для проживания, питания и отдыха предоставили каневские гостиницы «Секрет Успеха», «Победа», «Колос», тимашевские – «Дружба», «У Филина», «Нестле», новоминские детские лагеря труда и отдыха «Факел» и «Колосок».



**О. Г. Кожемякина**



**Главный приз чемпионки**

География представительства – от восточной границы государства до западной, от северной до южной. Только в районном центре остановились делегации из Курска, Кургана, Ульяновска, Пензы, Перми, Тулы, Кирова, Архангельска, Рязани, Воронежа, Челябинска, Свердловска и многих других краёв, областей и автономных территориальных образований.

В уютном номере гостиницы «Секрет успеха» я встретился с ведущим специалистом по воспроизводству стада ОАО «Омскплем» А. Максименко и его коллегой из ОАО «Челябинское» В. Абрамовым. Омскую область на Всероссийском конкурсе представляет серебряный призёр областных соревнований Светлана Фетисова, а вот республиканский уровень для неё является дебютным. Челябинские специалисты имеют более богатый опыт крупных соревнований. Антонина Худалей на подобном конкурсе второй раз, а Шаура Шуртукова является чемпионом своей области.

В Каневской район съехались самые опытные практики своего дела, поэтому лёгкой борьбы за чемпионский титул и призовые места не ожидалось. 24 сентября на молочном комплексе новоминского ЗАОПЗ «Урожай» прошла репетиция открытия конкурса. Его участники познакомились с программой и условиями состязаний, рабочими местами, посетили методические занятия. Главное же действие началось 25 сентября.

К этому значимому событию специально подготовлены красочные буклеты, очередной номер газеты «Кировец» трудового коллектива ЗАОПЗ «Урожай».

Её редактор, заслуженный журналист Кубани Н. Султанов, открывая номер, пишет: «Нашему коллективу выдано Свидетельство о регистрации в Государственном племенном реестре, и теперь полное название хозяйства звучит так – закрытое акционерное общество «Племенной завод «Урожай» по разведению крупного рогатого скота красной степной породы Министерства сельского хозяйства Российской Федерации». И ещё нам выдано Авторское Свидетельство по утверждению породы нового кубанского типа, выведенного в нашем хозяйстве».

Станица Новоминская, которая принимала гостей со всей страны, основана в 1821 году. В ней насчитывается 4480 дворов, проживают 12197 человек. За год в среднем регистрируются 130 браков, рождаются 120 детей. Этот населённый пункт дал стране плеяду замечательных личностей. Здесь родились 2 Героя Советского Союза, 7 Героев Социалистического Труда, 30 кавалеров ордена Ленина, 6 генералов, 17 докторов наук, 2 академика, 2 лауреата Государственной премии СССР.

Участникам и гостям республиканского форума рассказали, что в станице, которую они посетили, имеются Дворец спорта, Дворец торжественных обрядов, 2 Дворца культуры, детская школа искусств, 4 общеобразовательных школы, 7 детских садиков, 2 больницы, Албашский хлебоприёмный пункт, перерабатывающее предприятие «Русское поле Албashi», 2 крупных сельскохозяйственных предприятия.

Одно из них – ЗАОПЗ «Урожай» – является базовым для проведения 10-го Всероссийского конкурса техников по воспроизведению стада крупного рогатого скота. Образовано оно в 1929 году, сейчас занимает площадь в 17822 гектара.

В хозяйстве имеются 4 полеводческих отделения, 10 ферм, садоводческая, кормодобывающая, строительная бригады, автогараж, пасека, мельница, пекарня и другие структурные подразделения. Трудовой коллектив производит 50 наименований растениеводческой продукции,

13 – животноводческой, более 30 – предприятий переработки.

Руководит акционерным обществом-племзаводом «Урожай» Герой Труда Кубани, депутат Законодательного Собрания Краснодарского края Иван Николаевич Горбанько. В 2008 году растениеводам сельхозпредприятия удалось собрать более 45 тысяч тонн зерна колосовых культур. Ежегодное производство сахарной свёклы в среднем составляет 85 тысяч тонн, подсолнечника – 4 тысячи тонн, плодов – 2 тысячи тонн, овощей – 2,5 тысячи тонн, мяса – 1,6 тысячи тонн, молока – 12 тысяч тонн.

Последнее время «Урожай» активно ведёт обновление машинно-тракторного парка. Только за два последних года удалось приобрести различной техники на 200 миллионов рублей. Это позволило сократить отряд механизаторов и одновременно значительно увеличить производительность и качество труда.

Сельхозпредприятие и район Кубани для проведения всероссийского конкурса были выбраны не случайно. За последние годы в ходе реализации приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» дела в этой отрасли народного хозяйства страны заметно улучшились. Новоминской «Урожай» – постоянный член элитного клуба «АгроЖ-300». Животноводам Каневского района по силам стали пяти- и шестисотыечные надои молока на фуржную корову в год. Растёт показатель выхода телят в расчете на сто коров, что в свою очередь обеспечивает постоянное и качественное обновление дойного стада.

– В среднем по Российской Федерации, – говорил заместитель директора департамента животноводства и племенного дела министерства сельского хозяйства РФ, председатель оргкомитета конкурса Харон Адиевич Амерханов, – уровень воспроизводства стада крупного рогатого скота не так высок, как нам бы хотелось – всего 77 телят на 100 коров. Специалисты ферм и комплексов кубанских хозяйств, племенных предприятий трудятся более эффективно. Этот факт тоже повлиял на выбор места проведения всероссийского конкурса.

В станицу Новоминскую продемонстрировать своё профессиональное мастерство съехались 77 техников по воспроизведению стада крупного рогатого скота из 62 регионов – от Алании до Чувашии (если – по алфавиту), от восточной границы государства до западной, от северной до южной. Краснодарский край представляли четыре человека: О. Г. Кожемякина (Каневская), Е. В. Васильченко (Новокубанск) и О. Н. Воротник (Северская) – акционерные

сельхозпредприятия, Н. Н. Доманин (Ленинградская) – личное подсобное хозяйство.

Нет возможности сейчас рассказать об огромной подготовительной работе, которую проделали специалисты ЗАОПЗ «Урожай», Каневского районного управления сельского хозяйства, управления ветеринарии, племенных служб, организационного комитета, в который входили представители министерства сельского хозяйства России, краевого департамента сельского хозяйства и других ведомств. Принять, разместить, накормить, создать условия для работы конкурсантов, организовать культурную программу и многое другое для нескольких сотен человек – задача организационно и экономически сверхсложная. Справились с ней все достойно.

Большая культурная программа, участие в которой приняли многие творческие коллективы района, с самого начала настроила конкурсантов на доброжелательное отношение друг к другу. Перед официальным открытием состязаний осетины и русские, чуваши и мордвины, представители других народов исполняли общие танцы в национальных костюмах, а потом и демонстрировали их публике и судьям – была в конкурсе и такая номинация.

Особый всеобщий интерес вызвали кубанские «бурёнки». Их костюмированный вид говорил о достойном уходе и высокой продуктивности. С «коровами» танцевали и фотографировались наперебой.

Основные официальные мероприятия – торжественное открытие, проведение конкурса и подведение итогов – проходили 25-26 сентября 2008 года. После того, как главный судья, старший научный сотрудник ВНИИПлем В. В. Никонов доложил о готовности к проведению соревнований, с приветственным словом к собравшимся обратился Х. А. Амерханов. Он поблагодарил руководителей Краснодарского края за постоянную заботу о важной отрасли сельского хозяйства – животноводстве. «В эти дни, когда проходит наш конкурс, – отметил Харон Адиевич, – на Кубани вступают в эксплуатацию два животноводческих комплекса на 1200 и 1800 голов. А всего в России в 2008 году их будет построено 600».

Заместитель губернатора края по аграрным вопросам В. И. Харламов рассказал представителям других регионов страны о текущих результатах труда наших животноводов. 241 коллективное хозяйство Кубани занимается животноводством. Ежегодно более 20 тысяч голов крупного рогатого скота молочного направления завозится из различных стран. Не всегда, и это следует признать, коровы и тёлки хорошего качества. Поэтому на Кубани более ответственно

следует заниматься воспроизводством стада крупного рогатого скота. Важное звено в технологическом процессе – кадры. Лучшие из лучших со всей страны собрались в Новоминской и готовы показать то, на что способны.

Участников и гостей конкурса приветствовал глава Каневского района А. А. Литвиненко, пожелал всем здоровья, счастья и благополучия. После того, как флаги Российской Федерации и Кубани подняли чемпионы предыдущего всероссийского конкурса Г. А. Кирюкова из Белгородской области и О. Н. Воротник из Краснодарского края, началось самое главное.

Конкурс состоял из нескольких этапов, которые оценивали сборные составы судейских бригад. Техники по воспроизведству стада крупного рогатого скота демонстрировали теоретическую подготовку, умение быстро и точно работать в лаборатории, способность объяснить предназначение того или иного прибора и инструмента и использовать его в работе. Серьёзное внимание и конкурсантами, и судьями придавалось последнему этапу – искусственному осеменению коров. Для этой цели ЗАОПЗ «Урожай» выделил сорок животных.

Соревнования продолжались до позднего вечера, а ещё дольше работали судейские бригады и жюри всероссийского конкурса. Ситуация возникла сложная: 11 участников конкурса, в том числе 3 кубанца, набрали максимальное количество баллов – 75. Пришлось учитывать другие показатели.

Итоги были объявлены 26 сентября в станице Новоминской, у Дворца торжественных обрядов. Абсолютной чемпионкой Российской Федерации впервые в истории Каневского района стала Оксана Григорьевна Кожемякина из акционерного общества-племзавода «Урожай». Заместитель директора департамента животноводства и племенного дела Министерства сельского хозяйства РФ Х. А. Амерханов вручил ей соответствующий Диплом, ключи от нового автомобиля «ВАЗ-2107», повязал алую чемпионскую ленту.

Чемпионкой России, заняв второе место, признана, как и в прошлом году, Галина Александровна Кирюкова из Белгородской области. Третье место и звание чемпионки страны досталось Светлане Ивановне Баландиной из Красноярского края. Им вручены жидкокристаллические с огромными экранами телевизоры.

Достойные награды получили победители и призёры – всего 25 человек – многочисленных номинаций, таких, как производственные показатели, различные способы осеменения коров, парадная форма, национальный костюм и другие.

## Каневская в лицах

Переходящий кубок имени В. К. Милованова и И. И. Соколовской жюри присудило коллективу открытого акционерного общества «Краснодарское».

В свободное от основных мероприятий время участники конкурса и сопровождавшие их специалисты, руководители делегаций и другие официальные лица побывали в городе Ейске, где поддались соблазну и, несмотря на осеннюю погоду, искупались в Азовском море, о чём позже не уставали восхищаться. В Доме культуры ЗАОПЗ «Урожай» своим неповторимым искусством всех порадовал Государственный Кубанский казачий хор.

Были и деловые визиты и встречи. Руководители делегаций ознакомились с работой мо-

лочного комплекса № 8 каневской агрофирмы-племзавода «Победа», стародеревянковской фирмы «Калория», Тимашевской кондитерской фабрики, других предприятий отрасли. Новые технологии для животноводства, оборудование и продукцию в рамках рекламной акции представителям регионов России предлагали кубанские производители и реализаторы.

После завершения десятого Всероссийского конкурса техников по воспроизведству стада крупного рогатого скота все разъехались по домам, и работа по реализации приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» продолжилась. Мясо и молоко – это и их рук дело, простых и незаменимых тружеников животноводческих ферм и комплексов.



# Миры непознанные



**Валерий ХАЧАНОВ**

# Мирры непознанные



Хачанов В. Е. в девяностые годы двадцатого столетия работал в Москве в рабочем органе Всесоюзной уфологической ассоциации – «Союзуфоцентре». Президентом ВУА был летчик-космонавт СССР П. Р. Попович. Распался СССР, распалась и «Всесоюзная» уфологическая ассоциация. УФО (UFO – Unknown Flying Objects) – это английская аббревиатура от **Неотождествленных ни с чем знакомым людям Летающих Объектов** – НЛО.

В октябре 1988 года Хачанову В. Е. удалось раскрыть некоторые тайны древнеиндийских цивилизаций, в частности, тайну гигантского знака, красующегося на склоне горы в бухте Писко полуострова Паракас в Перу. Огромный по размерам знак обращен лишь к океану, да к небу. И абсолютно невидим для людей с суши. Хотя летать в воздухе и увидеть изображения с высоты не мог в те времена никто! К кому же он обращен? И кто его создал в незапамятные времена? Его создание современными этнографами приписывается индейцам племен паракас и наска, обитавшим когда-то на плоскогорьях полуострова Паракас. От Знака, получившего в мире известность под именами «Трезубец» или «Канделябр Паракас», ведет прямая линия, заканчивающаяся на подходе к не менее знаменитому плато Наска в Перу, на котором изображены гигантские, но абсолютно непонятные людям изображения, видимые лишь с высоты. Тайну этих странных изображений также не разгадал никто в мире и по сей день.

О раскрытии тайны знака «Канделябр Паракаса» и части изображений на плато Наска Хачановым В. Е. рассказывала газета «Московский комсомолец» в статье Натальи Килессо на последней странице воскресного номера «МК» от 20 мая 1994 года.

20 июля 2002 общероссийское телевидение в программе «Утро» продемонстрировало фильм о творчестве Хачанова В. Е. Фильм журналистами был снят в станице Каневской.

Телевидение Каневского района также сняло два фильма о творчестве В. Е. Хачанова и демонстрировало их не один раз. Первый фильм был снят еще в 1996 году, вскоре после приезда Хачанова В. Е в станицу Каневскую из Москвы.

12 октября 2002 года газета «Вечерний Новосибирск» опубликовала статью Хачанова В. Е. о творчестве доктора Нострадамуса: «Столетья отыщут забытые книги. Мой факел в иных оживет временах...» Ибо многие пророчества доктора Нострадамуса посвящены современной России и ее будущему.

Две книги автора: «НЛО – шокирующая реальность!» и «Россия двадцатого и двадцать первого веков: что было, что будет...», посвященные раскрытию тайны НЛО и пророчествам великих пророков, адресованным современной России, размещены на сайте в Интернете: <http://www.ebook-gift.com/hachanov>.

Книги бесплатны и доступны для скачивания любому обладателю компьютера.

**«Пионером в области исследования тайны НЛО и научного подхода к этой проблеме является... дореволюционная Россия 1914-1916 годов!»**

**Д**олгие десятилетия в кругу уфологов (людей, пытающихся научными методами подойти к разгадке тайны НЛО) было мнение, что первым толчком к появлению этой необычной науки – уфологии – стало наблюдение 24 июня 1947 года американским пилотом Кеннетом Арнольдом девяти серебристых НЛО, летевших строгим строем неподалеку от самолета этого пилота. Объекты ярко светились на солнце, отливая металлом. По размерам они были похожи на четырехмоторный самолет, летели со скоростью 2700 км/час (!) и производили впечатление «летающих тарелок» или дисков. Хотя еще в 1942 году зенитные орудия сил противовоздушной обороны Нью-Йорка выпустили неисчислимое число зенитных снарядов по странным объектам, кружившим над Нью-Йорком, но... не нанеся им при этом ни малейшего вреда, ибо НЛО оказались неуязвимыми. О

России в связи с загадкой НЛО в эти годы никто и никогда не упоминал. Считалось, что СССР – «наследник» дореволюционной Российской империи, занимался после второй мировой войны лишь созданием собственного ядерного оружия и ничем другим, находясь за «железным занавесом», ограждающим его от всего остального мира, не занимался. Однако случаются в жизни весьма парадоксальные истории. И обрушают сложившийся за десятилетия миф...

Двое ученых из Томска – радиоинженер Е. Т. Протасевич и геофизик В. П. Скавинский выпустили книгу «Геофизические фоновые объекты и явления: по страницам архива Жандармского Управления периода первой мировой войны» (город Томск, Томский политехнический университет, 1996 год. 119 страниц с иллюстрациями). В книге ее авторы поставили главной целью объяснить все наблюдающиеся не одно десятилетие по всему миру странные явления в небе: летающие диски, «тарелки», светящиеся шары, меняющие окраску и испускающие лучи на землю, высовывающие в большом диаметре все освещаемые ими объекты как днем, сигары, похожие на привычные для нас ракеты, и прочие летающие объекты... – чисто природными образованиями. Иначе говоря, объяснить все эти наблюдаемые людьми и фиксируемые техникой летающие объекты некими энергетическими сгустками, самопроизвольно образующимися в атмосфере. Но приложением к своей опровергающей существование НЛО книге двое томских ученых потрясли весь уфологический мир, ибо в них содержались копии подлинных документов, почерпнутых ими из рассекреченной части архивов... дореволюционной, императорской, России! И сразу всем стало ясно, что основоположником науки, в наши дни получившей название «уфология», была именно Россия 1914–1916 годов!

Западные уфологи подсчитали: с конца девятнадцатого века до настоящего времени с феноменом НЛО сталкивалось более 5 миллионов человек. Среди очевидцев НЛО в наше время были известный астроном, лауреат Нобелевской премии Клайд У. Томбоу, президент США Джимми Картер, российский ученый, доктор технических наук Н. Кусов. Их весьма трудно обвинить в наличии у них галлюцинаций или в их дилетантизме.

В Иркутском генерал-губернаторстве в сводках о происшествиях за 1904 год современные историки обнаружили копии двух зашифрованных телеграмм, отправленных в Петербург на имя министра путей сообщения. Одна из них, под № 1241, содержала следующие сведения: «Три начальника жандармских отделений и

дорожных мастеров доносят, что на участках Хорхонде и Маньчжурия – в ночь на 11 июля, а также Андриановка Карымская – в ночь с 11 на 12 июля видели определенно между 22 и 23 часами вечера освещаемый воздушный шар. Околоток Заиграево. 7 июля усмотрены три пущенные из тайги ракеты». В другой телеграмме за № 3041 сообщалось, что «10 июля в 22 часа вечера жандармской полицией замечен воздушный шар между станциями Хорхонде и Маньчжурия. Шар казался светящимся и как будто бы имел прожекторы. Свет был виден около получаса. 11 июля в тот же час вечера явление наблюдалось дорожным мастером между станциями Ага и Булат и жандармской полицией на станциях Китайский разъезд и Карымская». Вышеупомянутые события проходили поблизости от российской государственной границы во время русско-японской кампании 1904–1905 годов.

Итак, идет первая мировая война. Российская империя, входящая в состав Антанты, воюет с Германией. А в отдаленных районах Российской империи в 1914–1916 годах фиксируется появление странных летающих объектов, с которых – по свидетельствам многих очевидцев – даже спускались на землю пилоты (по-современному – «гуманоиды»). Поэтому все сообщения о проете неких объектов над огромной территорией Российской империи получают гриф «секретно», ибо предполагается, что они – не что иное, как немецкие, иначе говоря, вражеские, летательные аппараты. 21 июля 1914 года военный министр Российской империи отправил телеграмму тургайскому губернатору в Оренбург: «В районе округа, очевидно, есть летательные аппараты. Неоднократно ночью замечались полеты в районе заводов и даже освещались города прожектором (автор вмешается в цитируемый им материал с пояснением для читателей: среди многочисленных наблюдений НЛО в наше время серьезную их часть занимают те случаи, когда очевидцами были замечены необычные свечения, окружающие эти объекты, и лучи, исходившие от НЛО. Световые лучи, испускаемые НЛО, напоминают людям лучи прожекторов, они чаще строго цилиндрические по всей их длине, но иногда бывают конусными. Конусные, исходя из НЛО, широкой окружностью (основанием конуса) направлены вниз, освещая большие участки на земле. В непроглядно темном лесу становится светло как днем. Одним лучом НЛО может осветить огромный жилой район на земле. В некоторых случаях наблюдатели отмечали противоречащие физическим законам земной науки особенности этих лучей»).

– они могут сгибаться под прямым углом, в некоторых случаях ведут себя подобно хоботу слона – втягивают в себя что-нибудь или «выплевывают» какие-то объекты, ранее захваченные этим «хоботом» с земли. Наблюдались также НЛО, лучи от которых отходили в разные стороны. В декабре 1978 г. в Москве, в районе станции метро «Варшавская», наблюдался висящий на темном небе шар серебристого цвета с видимым размером чуть меньше солнца, причем во все стороны от него симметрично расходились восемь световых лучей длиной, равной его диаметру. По сообщению аэролога исследовательского судна «Виктор Бугаев» Кистанова, члены команды этого судна, находившегося в Атлантике, в ноябре 1980 г. наблюдали неподвижно висевший над поверхностью океана диск с угловым размером в 1/3 диска луны, испускавший восемь лучей, которые потом последовательно выключились, а сам диск исчез. Но автор продолжит прерванную им цитату). Прошу принять меры обнаружения аэропланов. При возможности приказать войскам стрелять по летательным аппаратам. Прошу предложить это же делать стражникам. При спуске летчиков арестовывать. Распоряжение это оповестить населению». В те годы «гуманоидов», как стали сегодня называть пилотов НЛО, называли «летчиками». От слова «летать».

Причем граждане Российской империи в отдаленных от центральной ее части городах и весях не только никогда не видели аэропланов сами, но зачастую и слова такого еще не знали. Тем не менее, в текстах приводимых уникальных архивных документов всеми информаторами и чиновниками военных и жандармских ведомств, а также казачьих формирований эти наблюдаемые на небе объекты называются не иначе как «летательными аппаратами». И лишь в некоторых случаях «аэропланами». Чтобы читателям была понятна разница между скоростями весьма немногочисленных аэропланов того времени и скоростями, демонстрируемыми НЛО, автор приведет такую вот информацию. В наши дни полеты НЛО с большими скоростями были зафиксированы: в 1949 г. над районом Уайт-Сэндс (штат Нью-Мексико, США) – скорость 40 000 км/час, в 1952 г. над аэропортом Терре-Хаут (штат Индиана, США) – скорость 67 000 км/час и в 1953 г. над ЮАР – скорость 16 000 км/час. В нашей стране в марте и мае 1985 г. на диспетчерской РЛС Горьковского аэропорта наблюдались неизвестные объекты, двигавшиеся со скоростями 6000-7200 км/час. Американские станции слежения за спутниками определили, что скорость одного НЛО, пролетевшего с востока на запад через всю территорию

американского континента, составила 72 000 км/час. Бывший глава американского секретного проекта «Синяя книга» Руппелл в своей книге «Рапорт об НЛО» писал, что наибольшая скорость НЛО, зафиксированная радиолокаторами, составила порядка 200 000 км/час. Это примерно 56 километров в секунду. Полеты НЛО почему-то не сопровождаются взрывоподобными звуками, обычно возникающими при преодолении звукового барьера самолетами. Создается впечатление, что эти объекты вообще не ощущают сопротивления воздуха, так как летают при любом положении корпуса. НЛО имеют в большинстве случаев форму диска или двух сложенных дном наружу тарелок (сплющенная детская юла), при полете обращены к земле своей более плоской нижней частью. При этом все НЛО в виде дисков вращаются вокруг своей вертикальной оси. Причем верхняя часть НЛО и нижняя его часть вращаются зачастую в противоположных друг другу направлениях.

Тем не менее, полеты НЛО в 1914-1916 годах продолжались, чему сохранилось немало документальных свидетельств, а организованные жандармами засады в местах предполагаемых посадок летательных аппаратов не дали никаких результатов. Это докладная из дореволюционных архивов с грифом «Секретно» и датой 9 февраля 1915 года: «Докладываю Вашему Превосходительству, что среди населения Петропавловского уезда циркулируют слухи о появлении вблизи селения Михайловского Петропавловского уезда в ночное время каких-то таинственных огней. По моему приказанию произведено было расследование, и из расспросов местных жителей удалось выяснить следующее. Крестьянин села Михайловского Сергей Кириллов Дикий, проходя по улице около 9 часов вечера 30 декабря минувшего года, заметил... конусообразный огненный столб желтовато-красного цвета, перепоясанный посередине черной лентой, вершков пять ширины. Через некоторое время этот огонь исчез, и на том же месте появилось три огненных шара...». После окончания дальнейшего текста докладной следуют две подписи – губернатора и чиновника особых поручений.

В начале августа 1914 года Министерство внутренних дел Российской империи направило всем губернаторам следующий циркуляр: «По имеющимся сведениям в некоторых местностях империи появились воздушные аппараты, пролетающие главным образом вне населенных мест над хранилищами войсковых запасов. Появление таких аппаратов наблюдалось в Казанской, Пермской и Владимирской губерниях... Прошу принять самые энергичные меры по розыску...

Обо всем, имеющем значение для облегчения дела розыска, немедленно сообщите департаменту полиции и военному начальству. Министр (подпись, дата)».

Так началась эра систематического наблюдения за НЛО на всей территории Российской империи. Эта работа, проделанная чиновниками военных, жандармских ведомств и казачьих формирований дореволюционной Российской империи поражает воображение своей систематичностью, основательностью и объективностью.

Учитывались лишь точные факты, сверенные, в том числе, между собой и по совпадению некоторых признаков в различных местах и случаях – это называется системным анализом. А системный анализ – это самый серьезный и научный подход к любой проблеме. Оценки давались трезвые, фантазии начисто отвергались. Версия о вражеских аэропланах в глубинах Российской империи понемногу утрачивала свое право на существование, поскольку в отдаленных районах огромной страны первые аэропланы появились не ранее 1919 года. А в 1914–1916 годах их там просто не могло быть.

Пролетающие над великими просторами Российской империи странные объекты поражали земных наблюдателей своими весьма необычными свойствами и особенностями, скоростями и возможностями. Не присущими не только аэропланам того времени, но и самым современным нашим самолетам. НЛО разделялись на части и вновь сливались в единое целое, испускали лучи-хоботы, изменяли свою светимость, зависали в одной точке, потом резко стартовали из неподвижного положения, меняли направление полета под прямым углом на большой скорости, пренебрегая силами инерции. Внезапно исчезали из поля зрения наблюдателя, вновь появляясь столь же внезапно в другой точке, становились невидимыми и вновь обретали видимость для людей. Словом, демонстрировали все те свои свойства, которые и сегодня отмечают наблюдатели их полетов и зависаний, а также их посадок во всех уголках нашей планеты. Только называем мы их теперь НЛО. Причем у официальной науки того времени не было того спасительного для ее невежества в этих вопросах аргумента со-

временной академической науки: это следствия запусков ракет с космодромов, игра света в атмосфере и в ионосфере, мнимый «психоз» наблюдателей ...на всех просторах планеты – на суше и в океанах. Причем сегодня мы знаем то, что неизвестно было науке в то время (или не открыты еще архивы Военно-морского флота Российской империи?). Все НЛО не только летают, попирая физические законы, известные земной науке, они ныряют и маневрируют в глубинах океанов с той же легкостью, с какой летают по небу и в космосе.

Весь банк данных, собранный всего за два года военным, жандармским, казачьим и, надо думать, военно-морским ведомствами Российской империи, поражает воображение своей системностью, обширностью и строгостью в обработке этой информации. Это просто клад для современных исследователей проблемы НЛО. Вряд ли американские секретные военные проекты по проблеме НЛО, реализуемые американскими военными с начала сороковых годов двадцатого столетия, превосходили своей системным подходом и анализом работу, проделанную российскими чиновниками в 1914–1916 годах двадцатого столетия. **Именно Российскую империю следует считать пионером в области научного и системного подхода к проблеме НЛО.**

21 июля 1914 года от военного министра Российской империи в войска ушла телеграмма № 1461: «...При возможности приказал войскам стрелять по летательным аппаратам. Прошу предложить это делать и стражникам. При спуске летчиков арестовывать. Распоряжение это оповестить населению. Маврин».

А уже 11 ноября 1914 года, по-видимому, убедившись в неуязвимости НЛО при их обстреле людьми, зато столкнувшись со случаями «наказания» со стороны НЛО за стрельбу по ним, Маврин отправляет в войска телеграмму № 7097, в которой отменяет свой приказ открывать огонь по летательным объектам.

Сегодня военные во всех странах мира знают, что им категорически запрещено стрелять или выпускать ракеты по НЛО. Сами НЛО агрессивность по отношению к людям не проявляют.

музыка Камо Галстяна,

слова **Валерия Лукьянова**

# Песня о станице Каневской

Овеяна трёхцветным стягом славы,  
Живёт Кубань, всем нам – Отчизна-мать.  
И прошлую Россию мы не вправе  
В сегодняшней России забывать.  
История от нас неотделима,  
Со всем, что было, что досталось нам.  
Ничто – и в малом! – не промчалось мимо,  
Дела отцов завещаны сынам.  
В былое время скифы и сарматы  
Здесь кочевали по долинам рек...  
Из Канева казакам край богатый  
Стал Родиной любимою навек.  
Тенистыми садами взор лаская,  
И в души изливая добрый свет,  
Стоит в степи кубанской Каневская,  
И солнце светит ей две сотни лет.  
Минувших дней печали и тревоги,  
Невольным вздохом отзываюсь в нас,  
Обязывают помнить те дороги,  
Что для машин стремительны сейчас.  
Цвети и здравствуй, милая станица,  
Среди полей пшеничных, золотых.  
Кто в мире с каневчанами сравнится  
В сияньи глаз – два века молодых!  
Горят победных звёзд архипелаги,  
Кубань в зените, в молодой поре!  
Над Каневской – российской славы стяги  
Полощутся под ветром на заре.  
Родимая станица Каневская,  
Собою украшая белый свет,  
Прилежных рук на миг не опуская,  
Встречает утро третью сотню лет!



